

Российский государственный университет правосудия

Фемида.Science

Научный журнал молодых ученых

№ 2 (15). 2024

Издается с 2015 года

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77-60434 от 30 декабря 2014 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции: 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
Тел.: +7 (495) 332-51-19. E-mail: femida-science@mail.ru

Главный редактор:

Ермошина Дарья Григорьевна (г. Москва, Россия), помощник проректора по научной работе Российской государственного университета правосудия

Заместитель главного редактора:

Арнаут Валерия Анатольевна (г. Москва, Россия), преподаватель кафедры уголовного права Российской государственного университета правосудия

Редакционная коллегия:

Ананьева Анна Анатольевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия

Архипова Людмила Борисовна (г. Москва, Россия), кандидат юридических наук, начальник Управления периодических научных изданий, главный редактор журнала «Российское правосудие»

Арямов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российской государственного университета правосудия

Баранников Михаил Михайлович (г. Москва, Россия), председатель Совета молодых ученых и специалистов Российского государственного университета правосудия

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия

Ершова Елена Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия

Ершова Наталья Анатольевна (г. Москва, Россия), кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики Российского государственного университета правосудия

Ефимов Анатолий Викторович (г. Москва, Россия), заместитель декана по организации научно-исследовательской работы студентов, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Российского государственного университета правосудия

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права им. Н. В. Витрука, заведующий кафедрой теории права, государства и судебной власти Российской государственного университета правосудия, главный редактор журнала «Правосудие/Justice»

Краснова Ирина Олеговна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российской государственного университета правосудия

Загорский Геннадий Ильич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия

Моисеева Татьяна Федоровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, кандидат биологических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминастики Российского государственного университета правосудия

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российской государственного университета правосудия

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

Сафонов Владимир Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории права и государства Российского государственного университета правосудия

Стахов Александр Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса им. Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия

Цинделiani Имела Анатольевич (г. Москва, Россия), кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права Российского государственного университета правосудия

Редакция:

Отв. секретарь – Т. Ф. Кудрявцева

Корректор – К. В. Чегулова

Дизайн и верстка – Г. С. Гордиенко

Editor-in-Chief:

Daria G. Ermoshina (Moscow, Russian Federation), Assistant Vice-Rector for Research of the Russian State University of Justice

Deputy Editor-in-Chief:

Valeria A. Arnaut (Moscow, Russian Federation), Lecturer of the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice

Editorial board

Anna A. Ananieva (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department of the Russian State University of Justice

Lyudmila B. Arkhipova (Moscow, Russian Federation), Cand. Sci. (Law), Head of the Periodical Scientific Publications Department, Editor-in-Chief of "Rossijskoe pravosudie" ("Russian Justice") journal

Andrey A. Aryamov (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of the Russian State University of Justice

Mikhail M. Barannikov (Moscow, Russian Federation), Chairman of the Council of Young Scientists and Specialists of the Russian State University of Justice

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice

Elena V. Burdina (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Organization of Law Enforcement and Judicial Activities Department of the Russian State University of Justice

Elena A. Ershova (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Labor and Social Security Law Department of the Russian State University of Justice

Natalia A. Ershova (Moscow, Russian Federation), Cand. Sci. (Economy), Associate Professor, Head of the Economy Department of the Russian State University of Justice

Anatoly V. Efimov (Moscow, Russian Federation), Cand. Sci. (Law), Deputy Dean for Organization of Student Research Work, Associate Professor of

the Business Law Department of the Russian State University of Justice

Viktor N. Kornev (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Constitutional Law Department, Head of the Theory of State and Law Department of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of "Pravosudie/Justice" journal

Irina O. Krasnova (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Land and Environmental Law Department of the Russian State University of Justice

Gennady I. Zagorsky (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Criminal Procedure Department of the Russian State University of Justice

Tatiana F. Moiseeva (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Biology), Professor, Head of the Forensics and Criminology Department of the Russian State University of Justice

Tatiana N. Neshataeva (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department of the Russian State University of Justice

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department of the Russian State University of Justice

Vladimir E. Safonov (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the History of Law and State Department of the Russian State University of Justice

Alexander I. Stakhov (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Administrative Law and Procedure Department of the Russian State University of Justice

Imeda A. Tsindeliani (Moscow, Russian Federation), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Financial Law Department of the Russian State University of Justice

Editorial:

Executive secretary – T. F. Kudryavtseva

Proof-reader – K. V. Chegulova

Designe and layout – G. S. Gordienko

Подписано в печать / Signed to print: 21.11.2024

Postal adress: 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418.

Tel.: +7 (495) 332-51-19. E-mail: femida-science@mail.ru

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал «Фемида.Science» обязательна.
When reprinting or quoting, the reference to the journal “Femida.Science” is necessary.

Содержание

НАУЧНЫЙ НАСТАВНИК

Ананьев А. А. О некоторых трендах в развитии электронного договорного взаимодействия и системе защиты прав участников дистанционных сделок в банковской сфере	6
---	---

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Паевоеская К. В. Соотношение национального и международного права: вопросы теории	13
---	----

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Юрлакова Е. А. Влияние конституционных поправок 2020 года на российскую модель разделения властей.....	22
--	----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Зверева С. А. Актуальные проблемы реализации административно-правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев.....	32
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Лисицкая А. В. Особенности финансового оздоровления юридических лиц при банкротстве	40
Бровкина М. А. Лицензирование и саморегулирование предпринимательской деятельности.....	49

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Физейский И. Д. Отдельные проблемы утверждения списка невостребованных земельных долей общим собранием участников долевой собственности	57
---	----

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Литвин А. С. Аборт как антагонизм демографического вектора развития семейного законодательства.....	72
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Возняк А. М. Международно-правовые основы криминализации деяний, связанных с незаконным оборотом порнографии	79
Кособокова А. С. Общая характеристика термина «жестокое обращение» в уголовном праве.....	91
Петухов А. Р., Солоницын М. М. Клевета в интернете: причины и правовые последствия	98

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Девонина Д. С. О свидетельском иммунитете священнослужителя и понятии «тайна исповеди» в гражданском процессе: проблемы толкования и соотношения с каноническим правом	104
Месропова Э. Р. Участие адвоката в собирании доказательств.....	111
Суховерхова С. П., Багыллы С. Т. Позиции арбитражных судов Российской Федерации относительно проблем применения имущественного иммунитета к единственному жилью должника в делах о несостоятельности (банкротстве)	119

ЯЗЫК И ПРАВО

Клинова С. А. Эвфемизмы в современном российском праве: причины появления, функции и значение.....	128
Тычkin С. С. Особенности и инновации лингвистической экспертизы в сфере плагиата.....	138

Content

SCIENTIFIC MENTOR

A. A. Ananyeva. On some trends in the development of electronic contractual interaction and the system of protecting the rights of participants in remote transactions in the banking sector	6
--	---

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

K. V. Pavlovskaya. The correlation between national and international law: issues of theory.....	13
--	----

CONSTITUTIONAL LAW

E. A. Yurlyakova. The impact of the 2020 Constitutional amendments on the Russian the separation of powers model.....	22
---	----

ADMINISTRATIVE LAW

S. A. Zvereva. Actual problems of the implementation of the administrative and legal status of refugees and internally displaced persons.....	32
---	----

CIVIL LAW

A. V. Lisitskaya. Features of financial rehabilitation of legal entities in bankruptcy	40
--	----

M. A. Brovkina. Licensing and self-regulation of business activities	49
--	----

LAND AND ENVIRONMENTAL LAW

I. D. Fiveysky. Several problems of approval of the list of unclaimed land shares by the general meeting of participants in shared ownership	57
--	----

FAMILY LAW

A. S. Litvin. Abortion as an antagonism of the demographic vector of family law development	72
---	----

CRIMINAL LAW

A. M. Voznyak. The international legal framework for the criminalization of acts related to the illicit trafficking of pornography	79
--	----

A. S. Kosobokova. General characteristics of the term "ill-treatment" in criminal law	91
---	----

A. R. Petukhov, M. M. Solonitsyn. Defamation on the Internet: causes and legal consequences.....	98
--	----

CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

D. S. Devonina. On the witness immunity of a clergyman and the concept of "the secret of confession" in civil proceedings: problems of interpretation and correlation with canon law	104
--	-----

E. R. Mesropova. Participation of a lawyer in the collection of evidence	111
--	-----

S. P. Sukhoverkhova, S. T. Bagilly. The positions of the arbitration courts of the Russian Federation on the problems of applying property immunity to the debtor's sole residence in cases of insolvency (bankruptcy).....	119
---	-----

LANGUAGE AND LAW

S. A. Klinova. Euphemism in modern Russian law: reasons of appearance, function and meaning	128
---	-----

S. S. Tychkin. Innovative features of linguistic expertise in the field of plagiarism.....	138
--	-----

Научный наставник / Scientific Mentor

Научная статья

УДК 347.4

EDN: BJNRAA

О некоторых трендах в развитии электронного договорного взаимодействия и системе защиты прав участников дистанционных сделок в банковской сфере

Анна Анатольевна Ананьева

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ annaslast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2018-9918>

Аннотация. Процесс договорного взаимодействия стремительно перешел в цифровую среду, что затронуло и потребителей. Кредитные договоры повсеместно заключаются в мобильных и интернет-приложениях и через СМС. Это повлекло за собой спорные и проблемные ситуации и, соответственно, задачи по их разрешению и дискуссии о природе и правовом регулировании использования цифровой среды в договорном процессе. При этом до сих пор без ответа остается вопрос о том, как именно контрагенту следует подтверждать факт формирования электронной подписи определенным лицом.

В настоящей статье автор анализирует судебную практику и раскрывает потенциально возможные подходы к природе электронных сделок. При констатации сохранения традиционного подхода к заключению договоров дистанционно предлагаются некоторые способы минимизации рисков перехода на электронное взаимодействие с потребителями финансовых услуг.

Ключевые слова: электронный договор, электронная сделка, цифровая сделка, дистанционное договорное взаимодействие, кредитный договор, банковские сделки, защита прав потребителей

Для цитирования: Ананьева А. А. О некоторых трендах в развитии электронного договорного взаимодействия и системе защиты прав участников дистанционных сделок в банковской сфере // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 6–12.

Original article

On Some Trends in the Development of Electronic Contractual Interaction and the System of Protecting the Rights of Participants in Remote Transactions in the Banking Sector

Anna A. Ananyeva

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ annaslast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2018-9918>

Abstract. The process of contractual interaction has rapidly moved into the digital environment, which has affected consumers. Credit agreements are widely concluded in mobile and Internet applications and via SMS. This has entailed controversial and problematic situations, and, accordingly, tasks for their resolution and discussions about the nature and legal regulation of the use of the digital environment in the contractual process. At the same time, the question of how exactly the counterparty should confirm the fact of the formation of an electronic signature by a certain person still remains unanswered.

In this article, the author analyzes judicial practice and reveals potential approaches to the nature of electronic transactions. Noting the preservation of the traditional approach to concluding contracts remotely, the article suggests some ways to minimize the risks of switching to electronic interaction with consumers of financial services.

Keywords: electronic contract, electronic transaction, digital transaction, remote contractual interaction, loan agreement, banking transactions, consumer protection

For citation: Ananyeva, A. A. On some trends in the development of electronic contractual interaction and the system of protecting the rights of participants in remote transactions in the banking sector. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):6-12. (In Russ.)

Взаимодействие людей стремительно перешло в цифровую среду, поэто-му не удивительно, что и обмен предложением и согласием на вступление в договорные правоотношения все чаще происходит дистанционно. В со-временных реалиях стороны переговорного процесса могут находиться в разных городах и странах, но при этом в режиме онлайн провести перего-воры, дистанционно оформить договор, моментально обменяться юриди-чески значимыми сообщениями. Такой новый процесс взаимодействия не мог не затронуть и потребителей. В частности, очень быстро сформирова-лась практика заключения кредитных договоров в мобильных и интернет-приложениях и через СМС, все чаще стали оформляться договоры через онлайн-платформы; согласование условий переместилось в различные мес-сенджеры. Бессспорно, такой порядок чаще всего удобен всем участникам договорных правоотношений, поскольку ускоряет процесс взаимодействия и освобождает от необходимости тратить свободное время и средства для подписания классических письменных документов.

В то же время как медаль имеет две стороны, так и новая форма вза-имодействия при заключении договоров не могла не породить спорные и проблемные ситуации, а тем самым – и задачи по их разрешению и, соот-

ветственно, дискуссии о природе и правовом регулировании использования цифровой среды в договорном процессе¹.

Для начала обратимся к истории вопроса, чтобы понять, как данная проблема достигла своего апогея. На протяжении нескольких лет в судебной практике складывалась тенденция признания допустимым использования СМС-сообщений при заключении кредитных договоров. Однако число кредитов, оформленных мошенниками с использованием электронных приложений или чужого телефона, неуклонно росло. При этом суды в решениях признавали, что последовательность действий при заключении таких сделок посредством аналога собственноручной подписи с введением кодов, направленных банком на номер телефона заемщика, не дает оснований для вывода о том, что банк знал или должен был знать об обмане заемщика третьими лицами.

Казалось бы, устойчивая судебная практика в одночасье поменялась с принятием 16 декабря 2022 г. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации Определения № 5-КГ22-127-К2². В суд обратился очередной пострадавший от действий мошенников и вынужденно ставший заемщиком Борисов П. А., телефон которого был использован в целях заключения договора. Как и в других подобных случаях, на его имя был оформлен кредит, а полученные от банка денежные средства были переведены на счета третьих лиц.

Верховным Судом при рассмотрении данного спора была дана оценка действиям по заключению договора в отсутствие воли на то будущего контрагента, фактически без его участия. Судом было отмечено, что заключение договора в результате мошеннических действий является неправомерным действием, посягающим на интересы лица, не подписывавшего соответствующий договор и выступающего применительно к ст. 168 ГК РФ третьим лицом, права которого нарушены заключением такого договора. Верховный Суд подчеркнул, что при таких обстоятельствах выводы суда о заключении и действительности договора противоречат положениям ст. 153 ГК РФ о сделке как о волевом действии, направленном на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Следующим в череде решений Верховного Суда, направленных на защиту прав потребителей при дистанционном оформлении кредитов, стало Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2023 г. № 5-КГ22-121-К2³. В нем Суд сконцентрировал внимание на том, что законодательством о защите прав потребителей установлены специальные требования к заключению договоров, направленные на формирование у потребителя правильного и более полного представления о приобретаемых (заказываемых) товарах, работах,

¹ Не случайно в последнее время обозначенная тема все чаще становится предметом научных исследований. См., например: [1].

² Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2023 г. № 5-КГ22-121-К2.

услугах, позволяющего потребителю сделать их осознанный выбор, а также на выявление действительного волеизъявления потребителя при заключении договоров, и особенно при заключении договоров на оказание финансовых услуг.

Верховный Суд подчеркнул, что специальные требования к предоставлению потребителю полной, достоверной и понятной информации, а также к выявлению действительного волеизъявления потребителя при заключении договора установлены Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)⁴», в соответствии с которым договор потребительского кредита состоит из общих условий, устанавливаемых кредитором в одностороннем порядке, а также из индивидуальных условий, которые согласовываются кредитором и заемщиком индивидуально и включают в себя: сумму кредита; порядок, способы и срок его возврата; процентную ставку; обязанность заемщика заключить иные договоры; услуги, оказываемые кредитором за отдельную плату, и т. д. В то же время, поскольку все действия по заключению кредитного договора и переводу денежных средств в другой банк на неустановленный счет со стороны потребителя были совершены одним действием – путем введения четырехзначного цифрового кода, направленного Банком СМС-сообщением, в котором назначение данного кода было указано латинским шрифтом в нарушение требований п. 2 ст. 8 Закона о защите прав потребителей о предоставлении информации на русском языке, выводы судебных инстанций о заключении кредитного договора в соответствии с Законом и об отсутствии нарушений прав потребителя финансовых услуг противоречат нормам материального права.

Можно с уверенностью утверждать, что два описанных выше решения Верховного Суда изменили судебную практику в нашей стране по рассмотрению сходных дел. Да и сам Верховный Суд позднее несколько раз обращался к данной проблеме⁵. Из более поздних решений высшей инстанции особо обращает на себя внимание Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2023 г. № 19-КГ23-32-К5, в котором содержится подход, опровергающий ранее сложившуюся презумпцию по электронной подписи. Так, Суд подчеркнул: «Для обеспечения документа, подписанного простой электронной подписью, юридической силой необходимо идентифицировать лицо, которое использует простую электронную подпись, понятие которой в законе определено не только через наличие присущих ей технических признаков – использование кодов, паролей или иных средств, но и через ее функциональные характеристики – необходимость подтверждения факта формирования электронной подписи определенным лицом». Однако вопрос о том,

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6673.

⁵ См., например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2023 г. № 85-КГ23-1-К1, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2023 г. № 19-КГ23-32-К5.

как именно контрагенту следует подтверждать факт формирования электронной подписи определенным лицом, остается до настоящего времени без ответа.

Для полноценного ответа на поставленный вопрос необходимо разработать теорию электронных (цифровых) сделок, комплексно исследовать правовые подходы к легитимации дистанционных сделок в целом, разработать правовой инструментарий дистанционного договорного взаимодействия, сформировать систему гарантий и защиты прав участников дистанционных сделок. Такая глобальная постановка проблемы ставит перед научным сообществом серьезные задачи и дает простор для научного творчества.

Возможны два диаметрально противоположных подхода к вопросу заключения договора в цифровой среде. Первый из них заключается в том, что электронный договор принципиально отличается от традиционного договора, и потому достоверность источника направления соответствующего электронного сообщения, содержащего оферту или акцепт, предопределяет их легитимность, т. е. волевой компонент в данном случае является вторичным. Второй же основан на традиционном подходе ко всем договорам вне зависимости от способа их заключения. При его применении во главу угла мы возводим волю сторон на вступление в договорные отношения, поэтому даже в случае направления документа из идентифицированного источника, но при этом иным лицом, не имеющим полномочий на совершение такого действия, договор не может быть признан заключенным.

На данном этапе судебной практикой поддерживается именно второй подход, вопрос о целесообразности перехода на иную концепцию электронного договора и его перспективе остается открытым. Так, Д. Е. Богданов справедливо отмечает, что необходимость идентификации участника договорных отношений является формальным требованием к договору во многих юрисдикциях [2, с. 31], и приводит в пример законодательство США о мошенничестве (US Statute of Frauds⁶), согласно которому основные положения контракта должны быть составлены в письменной форме с обязательной идентификацией сторон договора. Кроме того, автор подчеркивает, что «революция в договорном праве не свершилась. Вместо отмеченного отдельными авторами “революционного пути” идет неспешное эволюционное развитие представлений о гражданско-правовом договоре. ...Можно предположить, что не канет в лету теория воли, поскольку всегда первично волеизъявление сторон договора, а цифровой код будет иметь для договора лишь вспомогательное, обслуживающее значение» [2, с. 36].

Признавая тот факт, что подход к договорам, заключаемым посредством направления электронных сообщений, остается классическим, мы не можем не отметить, что одной из важнейших проблем в связи с этим является проблема определения лица, подписывающего такой электронный документ. Достоверность идентификации стороны договорных отношений может быть достигнута только с использованием квалифицированной

⁶ URL: <https://lawi.us/statutes-of-frauds/>.

электронной подписи (или, как минимум, при использовании квалифицированной подписи возможные убытки от несанкционированного использования электронной подписи могут быть компенсированы оператором). В остальных же случаях информация о подписанте в большинстве случаев не может быть абсолютно достоверной, а потому повышается риск мошеннических действий. В то же время необходимость повсеместной достоверной идентификации лица, направившего сообщение, перечеркивает многие достоинства электронного договора.

В связи с этим, по нашему представлению, решение обозначенной задачи крайне важно и актуально. Однако ее решение видится нам не таким быстрым, как того хотелось бы, да и как того требует стремительная цифровизация договорного взаимодействия. Поэтому на данном этапе важно выработать способы минимизации рисков перехода на электронное взаимодействие, и в первую очередь с потребителями, в том числе потребителями финансовых услуг.

Разберем возможные способы защиты потребителей при заключении договоров дистанционно на примере потребителей финансовых услуг. В качестве таких способов защиты прав потребителей финансовых услуг можно предложить следующие:

1) обязательное заключение предварительно соглашения о дистанционном банковском взаимодействии, в котором должны содержаться информация о порядке идентификации отправителя, выбор клиентом дополнительных способов его верификации в случае необходимости, правила обеспечения сохранности конфиденциальной информации и ответственность за их несоблюдение, и в первую очередь, безусловно, согласие потребителя на дистанционное взаимодействие с банком как таковое;

2) возможность для всех граждан ограничить дистанционное взаимодействие через подачу соответствующего заявления на государственных сервисах⁷;

3) возложение на банки затрат по организации системы использования квалифицированной электронной подписи потребителями.

Однако не стоит забывать и о защите законных интересов банковских организаций в этой связи. В частности, целесообразным представляется закрепить презумпцию отправки электронного сообщения надлежащим субъектом в случае, когда такое сообщение было отправлено из достоверного источника, равно как из источника, использование которого обусловлено сложившейся между сторонами практикой, а также признать допустимым взыскание убытков, причиненных несанкционированным доступом к такому источнику третьего лица в случае, когда были нарушены правила сохранения конфиденциальности информации, либо при попустительстве ее владельца.

⁷ Первым шагом на этом пути можно признать Федеральный закон от 26 февраля 2024 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О кредитных историях” и Федеральный закон “О потребительском кредите (займе)”» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 10. Ст. 1306).

Список источников

1. Белин А. В., Фиошин А. В. О судебной и несудебной защите прав потребителей в условиях цифровизации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 2. С. 45–51.
2. Богданов Д. Е. Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора // Lex russica. 2023. Т. 76, № 3. С. 21–40.

References

1. Belin, A. V., Fioshin, A. V. On judicial and non-judicial protection of consumer rights in the context of digitalization. *Vestnik Moskovskoj akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federatsii = Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. 2024;(2):45-51. (In Russ.)
2. Bogdanov, D. E. Failed technological revolution in contract law: apologetics of the contract traditionalist interpretation. *Lex Russica*. 2023;76(3):21-40. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Ананьева – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой.

Information about the author

A. A. Ananyeva – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Head of the Department.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024; одобрена после рецензирования 25.09.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted 09.09.2024; approved after reviewing 25.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Теория и история государства и права / Theory and History of State and Law

Научная статья

УДК 340

EDN: BKKNRT

Соотношение национального и международного права: вопросы теории

Карина Владимировна Павловская

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия
✉ karinnkis@yandex.ru

Научный руководитель: **Т. В. Власова**, к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия

Аннотация. Анализ соотношения национального и международного права, несмотря на разностороннюю исследованность этих проблем, не теряет теоретической и практической значимости. Участие государств в международных правоотношениях, сохранение ими независимости и самостоятельности при осуществлении государственной власти внутри страны и за ее пределами обусловливают необходимость установления возможностей и пределов влияния международного права на национальное, а также использования тех способов имплементации, которые обеспечат интересы данного государства. В статье проанализированы выработанные наукой подходы к соотношению национального и международного права, способы имплементации принципов и норм последнего в национальную правовую систему на примере современного российского права.

Обоснован вывод: именно монистическая концепция, основанная на сбалансированном соотношении национального и международного права с приоритетом последнего, позволяет сохранить государственные интересы и сформировать сложную, но слаженную и эффективно действующую систему принципов и норм права, закрепленных в иерархически выстроенной системе форм национального и международного права.

Ключевые слова: национальное право, международное право, принципы права, нормы права, имплементация

Для цитирования: Павловская К. В. Соотношение национального и международного права: вопросы теории // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 13–21.

Original article

The Correlation Between National and International Law: Issues of Theory

Karina V. Pavlovskaya

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ karinnkis@yandex.ru

Scientific supervisor: T. V. Vlasova, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory of Law, State and Judicial Power Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The analysis of problems of the correlation of national and international law, despite their diversified research, do not lose their theoretical and practical significance. The participation of states in international legal relations, their preservation of independence in the exercise of state power inside and outside the country necessitates the establishment of limits to the influence of international law on national law, as well as the use of those methods of implementation that will ensure the interests of this state. The article analyzes the approaches developed by science to the relationship between national and international law, ways of implementing the principles and norms of the latter into the national legal system on the example of modern Russian law. It is concluded that it is precisely the monistic concept based on a balanced ratio of national and international law with the priority of the latter that allows preserving state interests and forming a complex, but well-coordinated and effectively functioning system of principles and norms of law enshrined in a hierarchically structured system of forms of national and international law.

Keywords: national law, international law, principles of law, norms of law, implementation

For citation: Pavlovskaya, K. V. The correlation between national and international law: issues of theory. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):13-21. (In Russ.)

Проблема соотношения национального и международного права, вопреки ее исследованности в рамках как науки теории государства и права, так и международного права, сохраняет актуальность. Каждое государство характеризуется наличием у него суверенитета, определяющего его независимость и самостоятельность в осуществлении государственной власти внутри страны и за ее пределами. При этом оно может выступать субъектом международных правоотношений, которые регулируются принципами и нормами международного права, что порождает необходимость выявления пределов влияния последнего на национальное право отдельных государств, а также использования тех способов имплементации, которые обеспечивают интересы данного государства.

Прежде чем раскрыть вопрос о соотношении национального и международного права, следует отметить, что в научной литературе нет единства в понимании того, чем они являются – правовыми системами или системами права. Например, Е. М. Дерябина рассматривает их как правовые системы [1], а П. Н. Бирюков и Д. В. Галушко определяют международное право как систему права [2, с. 31–33], в то же время отмечая, что его подсистемами

выступают правовые системы [2, с. 34] (т. е. исходя из теории права – более крупные элементы), а право отдельных государств характеризуют через правовые системы. Полагаем, что национальное и международное право следует рассматривать как правовые системы, при этом национальное право характеризуют формы права и государственно-правовые институты отдельно взятого государства, а международное право характеризуется международными формами права и политико-правовыми институтами, которые устанавливаются и признаются участниками международных правоотношений.

В настоящее время ученые выделяют два подхода к соотношению данных правовых систем: дуалистический и монистический.

Дуалистическая концепция сформировалась в конце XIX – начале XX в. Основными представителями данного подхода являются Г. Триппель и Д. Анцилотти. В частности, Г. Триппель пишет, что национальное и международное право тесно соприкасаются, но не пересекаются, имея при этом множество взаимосвязей [3, с. 27]. Данный подход нашел воплощение в праве Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Как отмечает М. А. Занина, «согласно концепции дуализма международное право не зависит от воли какого-либо конкретного государства, а выражает общую волю всех государств. При этом каждое государство вправе самостоятельно определять, как исполнять свои международные обязательства» [4, с. 141].

Монистическая концепция соотношения национального и международного права, в свою очередь, предусматривает пересечение при регулировании общественных отношений принципов и норм права, содержащихся в формах национального и международного права. В рамках данной концепции выделяют два варианта установления приоритетности правовых регуляторов.

Первый определяет примат национального права и берет свое начало в трудах немецкого философа Г. В. Ф. Гегеля, который утверждал, что государство есть полностью суверенная воля, самостоятельная по отношению к другим государствам [5, с. 358]. Согласно данному подходу государство может по своему усмотрению изменять принципы и нормы национального права, не ориентируясь на международное право. На практике использование принципа примата национального права в международных отношениях неоднократно приводило к конфликтам.

Одним из самых ярких примеров является Германия, которая во второй половине 30-х гг. XX в. объявила о выходе из Лиги Наций. Таким образом, политическое руководство Германии данного периода отказалось признавать международное право, государство захватило часть территорий соседних стран, что в конечном итоге привело к началу Второй мировой войны. Ее последствия и результаты проведенного Международным военным трибуналом в 1945–1946 гг. Нюрнбергского процесса стали мощным толчком к развитию международного права и формированию новых инструментов для поддержания мира и международного правопорядка.

Данная концепция соотношения анализируемых правовых систем в настоящее время рассматривается исключительно в контексте исторического

периода, так как современные страны чаще придерживаются другого варианта монистического подхода (устанавливающего примат международного права) либо дуалистического подхода.

Направление, обосновывающее в рамках монистической концепции верховенство международного права над национальным, оформилось после Первой мировой войны. Страны-победители, входившие в Антанту, стремясь не допустить повторения глобального вооруженного конфликта, предложили новую концепцию международного правопорядка. Теоретические ее основы изложил Г. Кельзен в трудах «Чистая теория права» и «Принципы международного права». Философ считал, что национальное и международное право образуют единый правопорядок и различаются лишь способом образования [6, с. 398]. Международное право обеспечивает возможность сосуществования множества государств, определяя территориальные границы и устанавливая порядок регулирования внутренних вопросов. Ученый также отмечал, что у национального и международного права единая цель – предотвращать вредное поведение и поощрять полезное – и единый субъект, включающий индивида. Таким образом, по мнению Г. Кельзена, нормы международного права имеют повсеместное распространение и обладают приоритетом по отношению к национальному праву [6, с. 407–411, 418 и др.]. Этот подход характерен для современных Германии, Франции.

В российской правовой системе решен вопрос о взаимодействии международного и национального права. Так, в нашем государстве приоритет международного права над национальным закреплен ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

В то же время ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации закрепляет ее высшую юридическую силу, прямое действие и применение на всей территории Российской Федерации, устанавливая, что законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. По смыслу данной нормы речь идет о непротиворечии основополагающему правовому акту страны иных правовых актов, но не международных правовых договоров, порядок заключения, выполнения и прекращения которых устанавливается Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации»¹. Рассматриваемый Федеральный закон закрепляет статус международных правовых договоров, определяя, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации, в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

¹ Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (в ред. 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что международные правовые договоры, с одной стороны, являются частью российского права и в случае противоречия им законов имеют приоритет. С другой стороны, они не должны противоречить Конституции Российской Федерации, в противном же случае не подлежат исполнению.

Еще одной проблемой, связанной с реализацией в национальном праве России международных правовых договоров, является их ратификация. Следует отметить, что в целом для государств, воспринявших дуалистическую концепцию взаимоотношений национального и международного права, решение указанного вопроса основывается на определении вида международного правового договора, является он самоисполнимым или несамоисполнимым.

Как отмечает Б. И. Осминин, главное отличие двух видов международных правовых договоров заключается в «необходимости издания имплементационного законодательства»: для самоисполнимых договоров этого не требуется, они применяются непосредственно, «...на них могут опираться физические и юридические лица для защиты своих прав, в том числе в суде» [7, с. 80]. Несамоисполнимые международные правовые договоры имеют более сложную систему применения.

Конкретизируя общетеоретическое правовое понятие, реализацию международных правовых договоров можно рассматривать как воплощение их принципов и норм в поведении и деятельности субъектов национального и международного права. Для реализации важное значение имеет имплементация правовых регуляторов. Несмотря на то что Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» не содержит указанного понятия, без его понимания невозможно рассмотреть вопрос о реализации принципов и норм международного права в национальной правовой системе.

Слово «имплементация» (от англ. *implementation*) означает фактическое осуществление международных обязательств на внутригосударственном уровне путем трансформации международно-правовых норм в национальные законы и подзаконные акты². Как видно из определения, имплементация предваряет реализацию.

По мнению В. А. Вдовина, имплементацию можно классифицировать на общую и специальную [8, с. 10]. Т. А. Желдыбина отмечает: «Общая имплементация заключается в установлении государством в своем внутреннем праве нормы, констатирующей наличие международно-правового сорегулятора в сфере действия национального права» [9, с. 122]. Способом общей имплементации является общая (универсальная) ссылка к международному праву. В качестве такой ссылки можно рассматривать норму, закрепленную в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Специальная имплементация – наделение государством конкретных норм международного права силой внутригосударственного действия. Этот вид имплементации

² См.: Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М. : Инфра-М, 2003. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-200-2.htm#zag-2449/> (дата обращения: 06.05.2024).

осуществляется путем изменения действующих национальных правовых актов.

Юридическая наука выделяет следующие способы имплементации международного права: инкорпорацию, трансформацию, рецепцию, отсылку.

Инкорпорация (от лат. *incorporatio* – включение в свой состав) означает объединение в одно целое двух и более основ, автономных по своему значению³. Анализируя рассматриваемый вид имплементации, Т. И. Курносова дает ему следующее определение: «Инкорпорация – это способ реализации норм международного права во внутреннее законодательство государства, который выражается в принятии государством новых, изменении или отмене действующих норм внутреннего права для обеспечения имплементации международных норм» [10, с. 206]. Этот способ имплементации требует принятия соответствующего национального правового акта, который переадресует принципы и нормы международного права субъектам права конкретного государства. В качестве примера осуществления данного способа имплементации можно рассматривать ст. 12 Конвенции ООН о правах ребенка⁴, которая нашла выражение в ст. 57 Семейного кодекса Российской Федерации.

Следующий способ имплементации – трансформация, «...которая может осуществляться специальным законом либо законодательным провозглашением действия международного договора на территории данного государства и обязанности всех лиц его соблюдать»⁵. Данный способ имплементации права вызывает дискуссию в юридической науке, в том числе в вопросах его толкования и выделемых видов [10, с. 205]. Примером такого способа имплементации принципов и норм международного права в российском праве является Федеральный закон «Об охране окружающей среды»⁶, включающий положения Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.⁷

Еще одним способом имплементации принципов и норм международного права является рецепция – «займствование или воспроизведение», восприятие «какой-либо национальной правовой системой принципов, институтов, основных черт другой национальной правовой системы»⁸. В ка-

³ См.: Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. 4-е изд. М. : Сов. энцикл., 1988. С. 493.

⁴ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М. : Междунар. отнош., 1993.

⁵ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских.

⁶ Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

⁷ Конвенция о биологическом разнообразии (вместе с «Определением и мониторингом», «Процедурой арбитражного разбирательства», «Согласительной процедурой») (заключена в г. Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 19. Ст. 2254.

⁸ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских.

честве примеров данного способа имплементации можно рассматривать воспроизведение в главе 2 Конституции Российской Федерации международных правовых договоров, в том числе Международного пакта о гражданских и политических правах, или реци皮рованную из римского права норму, закрепленную в ст. 27 Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующую эмансипацию.

Нельзя обойти вниманием и такой достаточно объемный по своему содержанию способ имплементации, как отсылка, при которой в национальной норме права содержится перенаправление к нормам международного права. На сегодняшний день данный способ имплементации является наиболее распространенным при включении норм международного права в национальное право Российской Федерации. Стоит отметить, что этот способ применяется только к самоисполнимым нормам международного права. Примером отыскочной реализации международных договоров может служить ч. 1 ст. 1211 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать вывод, что теоретические концепции соотношения национального и международного права имеют серьезную практическую значимость. Монистическая концепция, которая нашла отражение в праве нашей страны, основывается, на наш взгляд, на сбалансированном соотношении принципов и норм национального и международного права, гармонизирует правовое регулирование, вместе с тем сохраняя государственные интересы. Включение принципов и норм международного права в российскую правовую систему осуществляется различными способами, что формирует сложную, но слаженную систему правовых регуляторов, закрепленных в иерархически выстроенной системе форм национального и международного права. Это позволяет Российской Федерации успешно проводить свою внешнюю политику и сохранять суверенитет, активно развивать торговые отношения с другими государствами, оставаясь привлекательным партнером для ведения международного бизнеса.

Список источников

1. Дерябина Е. М. Традиционные доктрины и подходы к решению вопроса о соотношении международного, внутригосударственного и общеевропейского права: монизм и дуализм // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция : электрон. журн. 2010. № 2. С. 121–131.
2. Бирюков П. Н., Галушкин Д. В. Сравнительное правоведение : учебник. М. : Прoспект, 2020. 280 с.
3. Самович Ю. В., Марухно Е. Ю. Формирование и развитие доктрин о соотношении международного и национального права // Международное право и международные организации. 2022. № 3. С. 25–34.
4. Власова Т. В., Дуэль В. М., Занина М. А. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : РАП, 2013. 288 с.
5. Гегель Г. В. Философия права / пер. с нем. М. : Мысль, 1990. 524 с.
6. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. 2-е изд. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 542 с.

7. Осминин Б. И. Вопросы самоисполнимости международных договоров (на примере США, Нидерландов и России) // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 80–90.
8. Вдовин В. А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 28 с.
9. Желдыбина Т. А. Имплементация как правовой институт // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2014. № 2 (34). С. 120–124.
10. Курносова Т. И. Понятие и способы имплементации норм международного права в национальное законодательство // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 203–209.

References

1. Deryabina, E. M. Traditional doctrines and going near the decision of question about correlation of international, domestic and European law: monism and dualism. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Yurisprudentsiya = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence.* E-edition. 2010;(2):121-131. (In Russ.)
2. Biryukov, P. N., Galushko, D. V. *Comparative law*. Textbook. Moscow: Prospekt; 2020. 280 p. (In Russ.)
3. Samovich, Yu. V., Marukhno, E. Yu. Formation and development of doctrines on the correlation of international and national law. *International Law and International Organizations*. 2022;(3):25-34. (In Russ.)
4. Vlasova, T. V., Duel, V. M., Zanina, M. A. *Theory of state and law*. Textbook. Moscow: Russian Academy of Justice; 2013. 288 p. (In Russ.)
5. Hegel, G. W. F. *Philosophy of law*. Transl. from German. Moscow: Mysl'; 1990. 524 p. (In Russ.)
6. Kelsen, H. *The pure doctrine of law*. 2nd ed. Transl. from German by M. V. Antonov, S. V. Lyozov. St. Petersburg: Alef-Press; 2015. 542 p. (In Russ.)
7. Osminin, B. I. Issues of self-enforceability of international treaties (on the example of the USA, the Netherlands and Russia). *Journal of Russian Law*. 2012;(6):80-90. (In Russ.)
8. Vdovin, V. A. *Implementation of international legal norms in the criminal law of the Russian Federation (issues of the General part)*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Kazan; 2006. 28 p. (In Russ.)
9. Zheldybina, T. A. Implementation as a legal institution. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan = Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*. 2014;(2):120-124. (In Russ.)
10. Kurnosova, T. I. Definition and means of implementation of the norms of international law into the national legislation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2015;(4):203-209. (In Russ.)

Информация об авторе

К. В. Павловская – студент 2 курса.

Information about the author

K. V. Pavlovskaya – 2nd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.

Конституционное право / Constitutional Law

Научная статья

УДК 342.33

EDN: BVVNRR

Влияние конституционных поправок 2020 года на российскую модель разделения властей

Елена Александровна Юрлакова

Главное военно-строительное управление № 14, Москва, Россия

✉ elena.yurlakova@yandex.ru

Научный руководитель: **М. А. Мещерякова**, к.ю.н., доцент кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука Российской государственного университета правосудия

Аннотация. В статье исследована концепция разделения властей в действующей публично-правовой системе Российской Федерации. С учетом принятых поправок 2020 г. в Конституцию Российской Федерации были выявлены недостатки эффективного функционирования данной системы. На основании приведенных позиций ученых-правоведов относительно публично-правовой природы российской модели разделения властей отмечается, что неопределенность модели формы правления может привести к негативным последствиям. Рассматривается влияние принятых поправок на ветви власти, и выделяются особенности модели разделения властей в России. В заключение исследования автор приходит к выводу о необходимости разработки и реализации новых реформ, направленных на оптимизацию функционирования действующей системы разделения властей в государстве.

Ключевые слова: принцип разделения властей, органы власти, форма правления, баланс властей, публично-правовая система, поправки 2020 г. в Конституцию России

Для цитирования: Юрлакова Е. А. Влияние конституционных поправок 2020 года на российскую модель разделения властей // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 22–31.

Original article

The Impact of the 2020 Constitutional Amendments on the Russian the Separation of Powers Model

Elena A. Yurlakova

Main Military Construction Department No. 14, Moscow, Russia

✉ elena.yurlakova@yandex.ru

Scientific supervisor: **M. A. Meshcheryakova**, Candidacy of Science (Law), Associate Professor of the Vitruk Constitutional Law Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The article examines the concept of separation of powers in the current public legal system of the Russian Federation. Taking into account the adopted amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020, shortcomings in the effective functioning of this system were identified. Based on the above positions of legal scholars regarding the public-legal nature of the Russian model of separation of powers, it is noted that the uncertainty of the model of the form of government can lead to negative consequences. The influence of the adopted amendments on the branches of government is considered and the features of the separation of powers model in Russia are highlighted. In conclusion, the author concludes that there is a necessary need to develop and implement new reforms aimed at optimizing the functioning of the current system of separation of powers in the state.

Keywords: the principle of separation of powers, authorities, form of government, balance of powers, public legal system, amendments of 2020 to the Constitution of Russia

For citation: Yurlakova, E. A. The impact of the 2020 Constitutional amendments on the Russian the separation of powers model. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):22-31. (In Russ.)

Общество всегда стремилось к развитию и совершенствованию организации государственной власти, которая является частью публично-правовой системы. Одна из составляющих данной системы – разделение властей, которое способствует предотвращению концентрации власти в одних руках путем обеспечения баланса полномочий органов власти и их взаимного контроля. В 2020 году в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки, которые в большей степени затронули организацию и полномочия органов всех трех властей и главы государства. Как следствие, новеллы должны были разрешить дискуссию об определении модели формы правления в Российской Федерации.

В свете внесенных в 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации актуальность выбранной темы подтверждается сохранением дискуссии об определении конкретной модели формы правления Российской Федерации. Согласно новым поправкам теоретически для России характерна президентско-парламентская республика, однако на практике она представляет собой скорее президентскую модель.

Исследование проблемы эффективного функционирования принципа разделения властей включало в себя несколько этапов: анализ существу-

ющих теорий и научных трудов с целью понимания исторического контекста, теоретических основ и результатов предыдущих исследований, связанных с принципом разделения властей; определение проблемы исследуемого конституционного принципа и выбор методов, которые будут использованы в ходе исследования; изложение общей информации, состоящей из взглядов ученых относительно модели формы правления, поправок, затрагивающих взаимодействие главы государства с ветвями власти, особенностей современной модели разделения принципа властей в России.

В большинстве государств мира действуют конституции, закрепляющие формы правления, которые предопределяют модель разграничения полномочий между ключевыми органами государственной власти, такими как глава государства, правительство и высшие судебные органы, а также правовой механизм взаимодействия перечисленных органов, в том числе в контексте системы «сдержек и противовесов».

Со дня принятия российской Конституции прошло уже 30 лет, и хотя это относительно непродолжительный промежуток времени, однако в течение всех этих лет возникало немало дискуссий о том, насколько ее положения соответствуют происходящим в стране событиям и условиям. К примеру, одним из спорных вопросов являлось определение российской модели формы правления и, как следствие, взаимодействие органов власти, среди которых Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации и Федеральное Собрание Российской Федерации (парламент). Полемика заканчивалась обычно предложением либо пересмотреть Конституцию Российской Федерации, либо внести необходимые поправки, которые способствовали бы сокращению противоречивых ситуаций.

М. В. Баглай, бывший председатель Конституционного Суда Российской Федерации, рассуждал о том, что в рамках конкретной формы правления в каждом государстве имеется специфика реализации принципа разделения властей. Рассматривая страны с парламентской системой правления, такие как парламентские республики и монархии, М. В. Баглай отмечал, что существенные особенности в разделении властей проявляются в независимости и самостоятельности ветвей власти, поддерживаемых специальными механизмами для поддержания баланса между ними. В частности, парламент может выразить недоверие правительству, а глава государства имеет право распустить законодательный орган, что способствует соблюдению равновесия между законодательной и исполнительной властью [1, с. 144].

Одновременно с этим, согласно позиции М. В. Баглай, в президентских республиках (таких, как США) принцип разделения властей реализуется путем введения системы «сдержек и противовесов», которая не только разделяет ветви власти, но и уравновешивает их взаимодействие. В таком режиме президент не имеет права распустить парламент, но обладает возможностью формирования собственного правительства (администрации), независимого от законодательной власти¹. Кроме того, президент с одобре-

¹ Интересно отметить, что в американских штатах не возникало серьезных конституционных кризисов в течение всей их истории, несмотря на периодические столкновения, особенно между законодательной и исполнительной властью (примеч. авт.).

ния Сената назначает судей Верховного суда, которые, хотя и назначаются им, не подчиняются его влиянию в своей работе.

В государствах с полупрезидентской республикой, таких как Франция и Россия, наблюдаются особенности, заключающиеся в сочетании парламентских и сильных президентских полномочий. Например, во Французской Республике президент является одновременно главой государства и носителем части исполнительной власти, при этом не несущим ответственности перед парламентом. В то же время правительство, возглавляющее исполнительную власть, должно опираться на поддержку парламентского большинства. Таким образом, в полупрезидентской республике происходит взаимодействие между президентом и парламентом, что придает уникальный характер разделению властей [1, с. 143–144].

Схожей позиции придерживается К. В. Чепрасов, который рассуждает о том, что принцип разделения властей по-разному проявляется в каждом конкретном государстве в зависимости от формы правления. Помимо этого, автор обращает внимание на то, что смешанная форма правления способствует созданию в государстве наиболее оптимальной системы разделения властей при учете особенностей и традиций страны, а также совмещении положительных черт президентской и парламентарной моделей. К тому же К. В. Чепрасов отмечает важность действия института президента-арбитра, который предотвращает нарушение баланса ветвей власти и гарантирует их равенство, тем самым обеспечивая соблюдение законодательства, нормальное функционирование органов власти и преемственность государственной власти [2, с. 136–137].

Конституция России признает Российскую Федерацию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Указанный статус выражается как в политическом и идеологическом плюрализме, приоритете прав человека и гражданина, так и в оказываемом воздействии на структуру, процесс формирования, функционирование государственных органов, а также характер их взаимодействия как между собой, так и с населением.

Впрочем, в силу отсутствия соответствующих положений в российской Конституции в научной литературе так и не сформировалось единого мнения о конкретной модели республики в Российской Федерации. Наиболее часто среди теоретиков в области публичного права возникают дискуссии, касающиеся отнесения российской формы правления к президентской или смешанной (полупрезидентской). В качестве альтернативы, хотя и реже, некоторые авторы предлагают классифицировать государственную модель как «суперпрезидентскую».

Уместно в этой связи привести позицию американского политолога Стиvensa Фиша, который утверждал, что Российская Федерация не просто президентская, а скорее суперпрезидентская. Высказанную позицию автор аргументировал в своем научном труде тем, что в России существует «раздутая» и сверхмощная исполнительная власть, не подконтрольная ни законодательной, ни судебной власти и не подотчетная им [3, с. 55].

Как следствие, из-за сложности определения в России конкретной модели формы правления тема остается по-прежнему дискуссионной.

Представляют интерес позиции, которых придерживаются выдающиеся мыслители в области конституционного права. Среди таковых выделяется С. М. Шахрай – один из авторов российской Конституции 1993 г. Ученый-правовед считает, что Российская Федерация представляет собой смешанную (полупрезидентскую) республику². Подчеркивая особую роль Президента Российской Федерации как высшего арбитра, способного разрешить конфликт между государственными органами, С. М. Шахрай своеобразно отметил, что в случае возникновения конфликта между ними главе государства «...нужно с печки слезать и менять парламент или правительство. Случился конфликт в регионе – надо слезать с печи и отдавать дело в суд или вводить войска»³. В качестве примера С. М. Шахрай упоминает случай, когда главой Правительства Российской Федерации был назначен Евгений Примаков: «Он пришел в премьеры как компромисс парламента и президента, а внутри парламента – компромисс партий. Президент не вмешивался и не мог вмешиваться в его полномочия. И это было то, что записано в Конституции: премьер – глава исполнительной власти...»⁴

Совсем иной позиции придерживается специалист в области конституционного права С. А. Авакьян. В одном из научных трудов правовед утверждал, что в России преобладает суперпрезидентская власть и явно ослабленный парламент, в особенности его нижняя палата – Государственная Дума [4, с. 50]. При этом он считает, что в России не может быть осуществлен переход от существующей президентской республики к парламентской. Тем не менее в целях завершения споров о модели формы правления С. А. Авакьян видит возможным преобразование России из существующей президентской республики в президентскую с более сильными парламентскими характеристиками. Для этого ученый предложил следующие изменения: внести поправки в Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»⁵, где предполагалось выдвижение кандидата партии на пост Президента России. Помимо этого, С. А. Авакян предлагал закрепить правовую норму, которая обязывала бы российского Президента выполнять обещания, изложенные в программе соответствующей политической партии, представленной на выборах. В парламенте же партия будет иметь свою фракцию, активно поддерживающую разработку этой программы⁶.

² Шахрай С. М. Монархия при парламенте... Мы решили эту задачу как Сперанский // Бизнес Online (деловая электронная газета Татарстана). 2018. 15 февр. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/372831> (дата обращения: 12.09.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.

⁶ Стране нужна новая Конституция : интервью с С. А. Авакьяном, заслуженным деятелем науки РФ, заведующим кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, профессором, доктором юридических наук / провели Шиняева Н., Арутюнян А. // ЭЖ-Юрист. 2007.

Интересной представляется позиция А. А. Кондрашева: еще до внесения поправок в Конституцию Российской Федерации автор характеризовал модель формы правления России как «суперпрезидентскую» республику, подчеркивая факт возвышения Президента Российской Федерации над другими ветвями власти [5, с. 40]. После внесения поправок 2020 г. в Конституцию Российской Федерации автор подчеркивал масштабный и значительный характер новелл. Это выразилось, по его мнению, в сути принятых поправок, которые были направлены в том числе на усиление полномочий главы государства, освобождение его от ответственности за действия, совершенные в период президентства, при одновременном снижении самостоятельности Правительства Российской Федерации и ограничении роли парламента в формировании высших органов государственной власти. В связи с этим автор отмечает появление нового варианта суперпрезидентской формы правления – «российского суперпрезиденциализма». По мнению А. А. Кондрашева, в рамках этой модели Президент Российской Федерации фактически выступает в роли «квазимонарха», формируя всю систему высших органов государственной власти начиная от исполнительной заканчивая судебной, при этом исключая Государственную Думу [6, с. 115].

А. Н. Писарев заявляет, что роль Президента Российской Федерации как верховного арбитра в Конституции России определена через предоставление ему функций по обеспечению согласованного взаимодействия и функционирования органов, входящих в единую систему публичной власти, а также соответствующих полномочий, которые необходимы для их реализации. Кроме того, А. Н. Писарев утверждает, что поправки, внесенные в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации, касающиеся преобразования государственной модели формы республики, в какой-то части носят противоречивый характер. Даные новации, усиливающие влияние законодательной и судебной власти в системе разделения властей, сближают российскую модель с традиционными представлениями о полуправительской (смешанной) республике. В то же время они укрепляют доминирующую роль Президента Российской Федерации как в этой системе, так и в исполнительной власти, что указывает на признаки президентской республики. Вместе с тем внесенные в российскую Конституцию изменения сохранили власть Президента Российской Федерации над всеми правовыми механизмами, которые связаны с формированием Правительства и иных федеральных органов исполнительной власти, тем самым формируя российскую модель правления как президентско-парламентскую республику. Статьи Конституции России, предписывающие ответственность Правительства перед парламентом, на практике являются практически нереализуемыми, поскольку Правительство Российской Федерации отчитывается только перед Президентом Российской Федерации [7, с. 23–28].

Проанализировав позиции ученых-правоведов, можно прийти к выводу, что в настоящее время не представляется возможным определить, ка-

кая именно разновидность республиканской формы правления – президентская, смешанная или иная – характерна для Российской Федерации. Главное, чтобы взаимодействие высших органов государственной власти не нарушило баланса системы «сдержек и противовесов».

20 сентября 2020 г. в Кремле прошла встреча Президента России с сенаторами, в ходе которой лидер страны отметил: «Суть и смысл конституционных новаций состоят в том, чтобы на десятилетия вперед зафиксировать фундаментальные основы устойчивого развития страны. Наконец, это укрепление и совершенствование баланса, равновесия между всеми ветвями власти при сохранении России как сильной президентской республики⁷. Важно заметить, что глава государства не пояснил, что следует понимает под «балансом», а только подчеркнул значительное расширение полномочий обеих палат парламента. К тому же он отметил возрастание роли Государственной Думы в формировании Правительства и Совета Федерации, в назначении руководителей силовых ведомств, Генерального прокурора и его заместителей, а также прокуроров субъектов Федерации. Вероятно, суть понятия «баланс» будет раскрываться в следующих поправках либо в практике Конституционного Суда Российской Федерации.

Учитывая, что поправки 2020 г. к Конституции Российской Федерации за последние 30 лет носят масштабный характер конституционных изменений, проявляющихся в оказании значительного влияния, в том числе и на расширение полномочий главы государства, представляется, что новации полноценно не разрешили дискуссии, затрагивающие определение российской модели разделения властей. Рассмотрим ключевые изменения, связанные с взаимодействием главы государства и высших государственных органов и позволяющие определить модель структуры власти в современной России, которые были внесены в Конституцию России в 2020 г.:

- Президент Российской Федерации уполномочен осуществлять общее руководство деятельностью Правительства Российской Федерации (п. «б» ст. 83), при этом должность Председателя Правительства Российской Федерации сохраняется;

- усиление влияния Президента России на иные органы государственной власти может быть проиллюстрировано следующим образом: согласно п. «е.1» ст. 83 Конституции России глава государства наделяется правом после проведения консультаций с Советом Федерации назначить и освободить от должности Генерального прокурора Российской Федерации и прокуроров субъектов Федерации. Другой пример можно найти в положении той же статьи в п. «е.4», где Президент России уполномочен представлять Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Председателя Счетной палаты и половины от общего числа аудиторов Счетной палаты;

- возникновение у главы государства полномочия вносить сенаторам представление об отстранение от должности судей Конституционного Суда

⁷ Встреча Президента Российской Федерации с сенаторами Российской Федерации // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64076> (дата обращения: 28.09.2023).

Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации за поступки, которые порочат честь и достоинство судьи (п. «е.З» ст. 83);

- пункт «д.1» ст. 83 предоставляет главе государства полномочия по назначению руководителей после консультации с Советом Федерации, без необходимости получения согласия, как было ранее, в следующие министерства: обороны, юстиции, иностранных дел, внутренних дел и по чрезвычайным ситуациям. С одной стороны, данная новелла конституционно закрепила полномочия Президента, которые ранее были изложены в действующих нормативных актах, и определила перечень федеральных министерств, служб и агентств, находящихся в ведении Президента согласно его Указу от 21 января 2020 г. № 21⁸. С другой стороны, глава государства при осуществлении контроля над кабинетом министров косвенно может оказывать влияние на исполнительную власть;

- Совет Федерации может назначать и освобождать от должности председателей, их заместителей и судей как Конституционного Суда Российской Федерации, так и Верховного Суда Российской Федерации, но только по представлению Президента Российской Федерации (п. «ж» и «л» ст. 102);

- закрепление в ч. 1 ст. 109 Конституции права Президента Российской Федерации на распуск Государственной Думы в случаях, предусмотренных ст. 111, 112 и 117 Конституции России. Одним из таких случаев является «трехкратное отклонение Государственной Думой» кандидатов на определенные должности, предложенных главой государства;

- конкретизация процедуры назначения на должность Председателя Правительства Российской Федерации: Президент Российской Федерации назначает его самостоятельно, однако предварительно кандидатура утверждается Государственной Думой Российской Федерации (ч. 1 ст. 111), и ряд других положений.

Таким образом, внесенные поправки усиливают доминирующее положение Президента Российской Федерации в системе исполнительной власти, что является типичной чертой президентской республики. Подобное характерно для таких государств, как США, Южная Корея, Индонезия и др. Одновременно прослеживаются и черты смешанной республики, на которые указывали А. Н. Писарев [7, с. 24], С. В. Навальный и К. И. Александрова [8, с. 97], в частности, глава государства вправе распустить Правительство. Считаем, что российская модель разделения властей хотя и сформирована, однако функционирует недостаточно эффективно, что, как следствие, не позволяет определить конкретный вид республики в Российской Федерации. Соответственно, принятые поправки в этом аспекте значительно не улучшили положение.

Подводя итоги изложенному, отметим, что одной из целей поправок в Конституцию Российской Федерации, принятых в 2020 г., являлось усовершенствование модели разделения властей в России посредством внесения новых механизмов контроля и сбалансированности властей. Однако в на-

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4. Ст. 346.

учной среде остаются сомнения относительно эффективности реализации этой модели разделения властей в Российской Федерации.

Считаем, что для урегулирования разногласий в научной среде между правоведами и достижения политической стабильности в стране необходимо привести полномочия органов исполнительной власти и главы государства в соответствие с принятой формой правления – президентская республика – посредством закрепления положения Президента Российской Федерации, возглавляющего исполнительную власть, и, как следствие, предоставления полномочий главе государства самостоятельно формировать Правительство, которое будет нести ответственность исключительно перед ним. При этом Президент лишается права роспуска одной из палат Федерального Собрания – Государственной Думы Российской Федерации.

В завершение представляется необходимым привести выдержку из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 г. № 28-П⁹, в котором Конституционный Суд отметил: разделение властей, закрепленное в ст. 10 Конституции, исключает столкновение между законодательной, исполнительной и судебной властями, поскольку они вытекают из единого источника власти – многонационального народа Российской Федерации. Совместное функционирование и взаимодействие органов государственной власти обусловлено таким единством, которое Президент Российской Федерации должен обеспечивать в соответствии с Конституцией. В случае, если такое единство отсутствует, возникает угроза стабильности конституционного строя Российской Федерации как демократического правового государства.

Список источников

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. 14-е изд., изм. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2023. 704 с.
2. Чепрасов К. В. Модели разделения властей и форма правления (конституционно-правовой аспект) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-2 (78). С. 134–138.
3. Шестернина Д. С. Форма государственного правления в Российской Федерации // Вопросы науки и образования : электрон. журн. 2018. № 22 (34). С. 54–57.
4. Авакян С. А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 43–54.
5. Кондрашев А. А. Суперпрезидентская республика в России: Миф или реальность? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 6 (46). С. 34–42.
6. Кондрашев А. А. Форма правления и форма государственного устройства в России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционный вестник. 2021. № 6 (24). С. 108–116.

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. № 2.

7. Писарев А. Н. Российская модель формы правления в свете конституционной реформы 2020: президентская или полупрезидентская республика // Образование и право. 2020. № 9. С. 20–28.
8. Навальный С. В., Александрова К. И. Россия – президентская республика: конституционно-правовое исследование // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2020. № 1 (15). С. 91–102.

References

1. Baglay, M. V. *Constitutional law of the Russian Federation*. Textbook. 14th ed., ed. and add. Moscow: Norma, Infra-M; 2023. 704 p. (In Russ.)
2. Cheprasov, K. V. The models of the Separation of powers and the form of government (the constitutional legal aspect). *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*. 2013;(2-2):134-138. (In Russ.)
3. Shesternina, D. C. Form of state governance in the Russian Federation. *Voprosy nauki i obrazovaniya = Issues of Science and Education*. E- journal. 2018;(22):54-57. (In Russ.)
4. Avakian, S. A. Political relations and constitutional regulation in modern Russia: problems and prospects. *Journal of Russian Law*. 2003;(11):43-54. (In Russ.)
5. Kondrashev, A. A. Super-presidential republic in Russia: myth or reality? *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;(6):34-42. (In Russ.)
6. Kondrashev, A. A. Form of government and form of state structure in Russia in the context of the constitutional reform of 2020. *Konstitucionnyj vestnik = Constitutional Bulletin*. 2021;(6):108-116. (In Russ.)
7. Pisarev, A. N. Russian model of the form of government after constitutional reform 2020: presidential or semi-presidential republic. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2020;(9):20-28. (In Russ.)
8. Navalny, S. V., Alexandrova, K. I. Russia – presidential republic: constitutional and legal research. *Socio-Economic and Humanitarian Journal*. 2020;(1):91-102. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. А. Юрлакова – магистр, специалист группы аналитического обеспечения судебной работы.

Information about the author

E. A. Yurlakova – master's degree, specialist in the analytical support group for judicial work.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 16.05.2024; одобрена после рецензирования 04.06.2024; принята к публикации 05.06.2024.

The article was submitted 16.05.2024; approved after reviewing 04.06.2024; accepted for publication 05.06.2024.

Административное право / Administrative Law

Научная статья

УДК 342.9

END: CFRJWF

Актуальные проблемы реализации административно-правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев

Софья Алексеевна Зверева

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ sofya_zvereva567@mail.ru

Научный руководитель: **С. А. Порываев**, к.ю.н., доцент, доцент кафедры административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российской государственного университета правосудия

Аннотация. В статье рассматривается административно-правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации. Раскрываются конкретные меры, применяемые в отношении беженцев и вынужденных переселенцев, а также проблемы, возникающие в ходе их применения. Обращено внимание на особенности административно-правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев, механизмы их реализации. Подробно определены меры социальной защиты (поддержки) на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области.

Автор также ставит своей задачей выявить проблемы в законодательстве, которые регулируют положение беженцев и вынужденных переселенцев, и предлагает пути их решения, например установление определенного размера социальных пособий; упрощение процедуры получения жилья для беженцев и вынужденных переселенцев; создание отдельного фонда бюджетных мест в вузах только для беженцев и вынужденных переселенцев; создание отдельного реестра вакансий для беженцев и вынужденных переселенцев и др.

Ключевые слова: беженцы, вынужденные переселенцы, социальная помощь, правовой статус, закон

Для цитирования: Зверева С. А. Актуальные проблемы реализации административно-правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 32–39.

Original article

Actual Problems of the Implementation of the Administrative and Legal Status of Refugees and Internally Displaced Persons

Sofya A. Zvereva

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ sofya_zvereva567@mail.ru

Scientific supervisor: S. A. Poryvaev, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Salishcheva Administrative Law and Procedure Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The article examines the administrative and legal status of refugees and internally displaced persons in the Russian Federation. It reveals the specific measures applied to refugees and internally displaced persons, as well as the problems that arise during their application. The measures of social protection (support) in the territories of the Donetsk People's Republic, the Lugansk People's Republic, the Zaporozhie region and the Kherson region are defined in detail. The author sets out to identify problems in legislation that regulate the situation of refugees and internally displaced persons and suggests ways to solve them, for example: establishing the amount of social benefits for refugees and internally displaced persons; simplifying the procedure for obtaining housing for refugees and internally displaced persons; creating a separate fund of budget places in universities only for refugees and internally displaced persons; create a separate register of vacancies for refugees and internally displaced persons and etc.

Keywords: refugees, internally displaced persons, social assistance, legal status, law

For citation: Zvereva, S. A. Actual problems of the implementation of the administrative and legal status of refugees and internally displaced persons. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):32-39. (In Russ.)

Социально-экономические кризисы, военно-политические столкновения и этнические конфликты приводят к росту численности беженцев и вынужденных переселенцев, что влечет за собой существенные изменения в настроениях и мировоззрении людей, в их образе жизни, социальных настроениях.

Тема статьи приобрела особую актуальность в последние годы, так как проблема беженцев и вынужденных переселенцев хотя и существует давно, но получила наиболее острое отражение в Российской Федерации ввиду геополитических событий на мировой арене. Перемещение в другие места людей, покидающих свои дома в поисках безопасности, чтобы избежать преследования, вооруженных конфликтов и политического насилия, приобретает международную остроту.

К беженцам и вынужденным переселенцам относятся лица, для которых проживание в своей стране может быть опасно по объективным причинам. Например, они стали жертвами преследования по таким признакам, как вероисповедание, раса, гражданство и т. д. [1, с. 197].

После Второй мировой войны в рамках Организации Объединенных Наций в 1950 г. было создано Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Его функции заключались в обеспечении международной защиты беженцев и решении проблем путем добровольной депатриации (т. е. возвращения на родину) или ассимиляции (т. е. интеграции) в других государствах. Ведущим документом Управления Верховного комиссара ООН является Конвенция ООН о статусе беженцев от 28 июля 1951 г.¹, которая содержит основные положения, рассматривающие статус беженца.

В настоящее время в Российской Федерации действуют законы, регулирующие вопросы осуществления прав непосредственно беженцев и вынужденных переселенцев: Федеральный закон № 4528-1 «О беженцах»² и Закон Российской Федерации № 4530-1 «О вынужденных переселенцах»³. В них раскрываются статус данных категорий лиц на территории Российской Федерации, их права и обязанности, порядок получения статуса и его утраты и многое другое.

Основу нормативно-правовой базы регулирования социальной поддержки беженцев и вынужденных переселенцев составляет Конституция Российской Федерации. В ст. 63 Конституции закреплено, что Российская Федерация может предоставлять политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства по нормам международного права. Таким образом, Российская Федерация гарантирует поддержку лицам, нуждающимся в убежище на территории страны. К таким лицам и относятся беженцы и вынужденные переселенцы. В ст. 7 и 39 Конституции Российской Федерации каждому гарантировается право на социальную защиту и социальное обеспечение, а также данные статьи закрепляют, что государство устанавливает пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты для различных категорий граждан, в том числе для беженцев и вынужденных переселенцев [2, с. 61].

В Российской Федерации одним из направлений социальной политики является оказание помощи вынужденным мигрантам, к которым относятся беженцы и вынужденные переселенцы.

Беженцы и вынужденные переселенцы могут получить социальную помощь для нормального существования на территории страны. Социальный фонд Российской Федерации выплачивает различные пособия данным ка-

¹ Конвенция ООН о статусе беженцев (принята от 28 июля 1951 г. Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1950 г.) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9.

² Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (в ред. от 13.06.2023) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 12. Ст. 425.

³ Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» (в ред. от 08.12.2020) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 12. Ст. 427.

тегориям граждан, в больницах они имеют право на бесплатное медицинское обслуживание, им также предоставляются льготы при поступлении в учебные заведения и т. д. [3, с. 105].

Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 2520 «Об особенностях осуществления в 2023 году мер социальной защиты (поддержки) отдельным категориям лиц»⁴ было установлено, что реализация права на получение мер социальной защиты (поддержки), в том числе при предоставлении которых оценивается среднедушевой доход семьи, осуществляется отдельными категориями граждан Российской Федерации, иностранными гражданами и лицами без гражданства, постоянно проживавшими по состоянию на 30 сентября 2022 г. на территориях Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Запорожской области и Херсонской области, с 1 января 2023 г. в порядке, размерах, объеме и на условиях, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации, на основании документов, необходимых для определения права на меры социальной защиты (поддержки), выданных до 1 января 2023 г. уполномоченными органами в соответствии с законодательством ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области, а также законодательством Украины или законодательством СССР, действовавшим по состоянию на 30 сентября 2022 г. на указанных территориях.

В целях реализации указанных особенностей правового регулирования подтверждением постоянного проживания гражданина на территориях Донецкой Народной Республики или Луганской Народной Республики, Запорожской области или Херсонской области по состоянию на 30 сентября 2022 г. является отметка в паспорте гражданина о его регистрации по месту жительства на одной из указанных территорий по состоянию на 30 сентября 2022 г., либо свидетельство о регистрации по месту жительства (в отношении несовершеннолетних граждан), выданное территориальным органом МВД России, либо вид на жительство в Российской Федерации, подтверждающие постоянное проживание на указанных территориях по состоянию на 30 сентября 2022 г.

Всем несовершеннолетним вынужденным переселенцам доступно образование в дошкольных, средних и высших учебных заведениях (колледжи – в том числе) наравне с российскими детьми, – достаточно прикрепиться к образовательному учреждению в городе или поселке проживания⁵.

Правительство Российской Федерации увеличило квоты для обучения иностранцев примерно на 5000 мест. Беженцы и иностранцы могут поступить на вакантные бюджетные места или по договорам платных образовательных услуг с учетом того, что стоимость обучения будет полностью компенсирована вузом [4, с. 301].

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (ч. II). Ст. 320.

⁵ Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 августа 2014 г. № 08-1081 «О направлении методических рекомендаций по обеспечению права на получение общего образования детей, прибывающих с территории Украины» // Официальные документы в образовании. 2014. № 28.

Если студенты, обучающиеся на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины, не успели сдать ни одной сессии, то они будут приняты на первый курс в российские вузы в рамках квоты Правительства для иностранных граждан.

Беженцам полагается гуманитарная помощь в виде продуктовых и аптечных ваучеров, которыми могут пользоваться все члены семьи от младенчества до пожилого возраста [5, с. 39].

Кроме того, пожилые люди, беременные женщины, семьи, в которых есть члены с ограниченными возможностями здоровья, многодетные семьи могут получить материальную помощь в размере от 5 до 15 тыс. руб. Для этого нужно подать заявление в Российский Красный Крест, который занимается пожертвованиями для беженцев и их распределением.

Беженцам с Украины, из Донецкой и Луганской Народных Республик оказывается бесплатная медицинская помощь на территории России. Люди могут рассчитывать на бесплатное оказание первичной медико-санитарной помощи, вакцинацию и получение бесплатных лекарств по рецептам врачей. Также им оказывается бесплатная специализированная, в том числе высокотехнологичная, помощь, если она является неотложной⁶.

Кроме того, в целях реализации масштабных программ, нацеленных на повышение благосостояния российских семей, Президент Российской Федерации Владимир Путин утвердил Перечень поручений по итогам реализации Послания Президента Федеральному Собранию⁷, а именно: Правительству Российской Федерации обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, согласно которым право на получение материнского (семейного) капитала будет предоставлено гражданам Российской Федерации, проживающим на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, в семьях которых начиная с 1 января 2007 г. родились (были усыновлены) дети.

Внесены дополнения в ст. 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»⁸, которой установлены категории граждан Российской Федерации, имеющие право на материнский (семейный) капитал, в зависимости от даты рождения ребенка (детей) и очередности их рождения. Тем самым созданы условия для единообразной правоприменительной практики во всех субъектах Российской Федерации, а гражданам гарантируется равенство в вопросах приоб-

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 2022 г. № 298 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2014 г. № 1134 и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» (ред. от 19.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1692.

⁷ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 15 марта 2023 г. № Пр-528 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.kremlin.ru>.

⁸ Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 2006. 31 дек.

ретения права на материнский (семейный) капитал. Родители в Донецкой и Луганской Народных Республиках, Херсонской и Запорожской областях смогут получить материнский капитал за детей, рожденных в 2007 г. и позже, т. е. с того момента, как эта программа начала действовать по всей России. Такое же решение было принято в свое время и для жителей Крыма и Севастополя.

Также прибывшие граждане с Украины, из Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики вправе осуществлять трудовую деятельность в Российской Федерации без разрешения на работу или патента и без учета требований к заявленной цели визита в Российскую Федерацию.

Помимо мер социальной поддержки и обеспечения, указанных выше, в ходе исследования были выявлены следующие проблемы в законодательстве, регулирующем положение беженцев и вынужденных переселенцев.

Во-первых, важной проблемой является низкий уровень социальных пособий для беженцев и вынужденных переселенцев. Люди часто приезжают из других стран совсем без денег, соответственно, у них нет средств для нормального существования. Пособия не покрывают все нужные расходы, так как их размер очень маленький. Ввиду этого представляется целесообразным установить размер социальных пособий, соответствующий уровню прожиточного минимума, установленного в конкретном регионе проживания беженцев и вынужденных переселенцев.

Во-вторых, существует ряд затруднений в предоставлении жилья для беженцев и вынужденных переселенцев. В законодательстве закреплено, что данным категориям лиц предоставляются жилые помещения, однако на деле часто такого не происходит. Сам процесс получения жилья довольно затруднительный и требует много времени. Поэтому разумно было бы ввести упрощенную процедуру получения жилья для беженцев и вынужденных переселенцев.

В-третьих, проблемы существуют в сфере образования. Беженцам и вынужденным переселенцам предоставляется право без вступительных испытаний поступить в высшее учебное заведение на бюджет, но тогда граждане Российской Федерации, которые сдают экзамен и проходят конкурс, остаются без мест. Часто случается, что абитуриенты не поступают из-за того, что беженцы и вынужденные переселенцы занимают места без конкурса. В связи с этим было бы целесообразно создать своего рода отдельный фонд бюджетных мест в высших учебных заведениях только для данных категорий лиц. Это обеспечило бы отдельные места как для обычных абитуриентов, так и для беженцев, и не возникнет проблем с поступлением ни у одной из данных категорий.

В-четвертых, есть сложности с трудоустройством беженцев и вынужденных переселенцев. Работодатели не стремятся принимать на работу представителей данных категорий лиц, нередко из-за этнических или национальных соображений (что считается дискриминацией). Беженцы и вынужденные переселенцы становятся безработными, им приходится вставать на учет в центр занятости и получать пособие по безработице, которое очень маленькое и не покрывает всех расходов, особенно если есть большая семья. Иногда такие люди нелегально устраиваются на работу или не работа-

ют вообще. Но жить на что-то надо, поэтому некоторые идут на совершение преступлений. Это, в свою очередь, негативно сказывается на обстановке в обществе и уровне преступности в регионах. В целях избежания подобных ситуаций предлагается создать реестр вакансий для беженцев и вынужденных переселенцев. Люди будут приходить в центры занятости, и с помощью этого реестра сотрудники подберут конкретному лицу нужную работу.

В-пятых, у многих регионов Российской Федерации, куда прибывают беженцы и вынужденные переселенцы, часто не хватает средств для решения вопросов социальной защиты. Поэтому целесообразно выделять субсидии регионам для того, чтобы обеспечивать социальную поддержку беженцам и вынужденным переселенцам. Иным вариантом решения указанной проблемы представляется перенаправление данных лиц в соседние регионы, где достаточно средств для оказания помощи.

Кроме того, актуальным вопросом для государственных органов Российской Федерации является педагогическая и психологическая поддержка семей беженцев и вынужденных переселенцев. В этом аспекте можно рекомендовать проведение органами опеки и попечительства, органами образования и здравоохранения следующих мероприятий: плановые и внеплановые патронажи в семье; беседы с несовершеннолетними и их законными представителями, направленные на профилактику правонарушений, формирование ответственности за свои поступки, мотивацию к учебе, на выработку и поддержание здорового образа жизни; помочь в выборе профессиональных учебных заведений; приглашение на праздничные городские мероприятия.

Как отмечено ранее, основными причинами вынужденного движения миграционных потоков выступают изменение политической обстановки, угроза безопасности жизни, отсутствие возможностей для трудовой деятельности на месте исходного проживания. Вынужденная миграция населения стала проблемой национального и международного характера.

Вопросы защиты граждан, которым пришлось не по собственной воле покинуть исходное место жительства, имеют важное значение и тесно связаны с обеспечением суверенитета и безопасности государства.

Учитывая вышеизложенное, необходимо создать для беженцев информационную платформу по типу «единого окна МФЦ» с соответствующими базами данных профильных министерств и ведомств, а также с возможностью обмена сведениями с компетентными органами Донецкой и Луганской Народных Республик, Херсонской и Запорожской областей. Формирование такой информационной базы данных позволит в оперативном порядке осуществлять розыск граждан, обеспечивать воссоединение семей, в том числе с детьми, чьи родители погибли либо пропали без вести, а также проводить иные необходимые для социальной поддержки беженцев и вынужденных переселенцев мероприятия.

Список источников

- Нудненко Л. А. Конституционное право России : учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 527 с.

Zvereva, S. A. Actual problems of the implementation of the status of refugees persons

2. Комкова Г. Н., Колесников Е. В., Липчанская М. А. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 448 с.
3. Стрекозов В. Г. Конституционное право России : учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 279 с.
4. Мачульская Е. Е. и др. Право социального обеспечения : учебник для среднего профессионального образования / под ред. Е. Е. Мачульской. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 449 с.
5. Григорьев И. В., Шайхатдинов В. Ш. Право социального обеспечения : учебник и практикум для среднего профессионального образования. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 431 с.

References

1. Nudnenko, L. A. *Constitutional law of Russia*. Textbook for universities. 8th ed., rev. and enl. Moscow: Yurajt; 2024. 527 p. (In Russ.)
2. Komkova, G. N., Kolesnikov, E. V., Lipchanskaya, M. A. *Constitutional law of the Russian Federation*. Textbook for universities. 7th ed., rev. and enl. Moscow: Yurajt: 2024. 448 p. (In Russ.)
3. Strekozov, V. G. *Constitutional law of Russia*. Textbook for universities. 8th ed., rev. and enl. Moscow: Yurajt; 2024. 279 p. (In Russ.)
4. Machulskaya, E. E., et al. *The law of social security*. Textbook for secondary vocational education. Ed. E. E. Machulskaya. 5th ed., rev. and enl. Moscow: Yurajt; 2024. 449 p. (In Russ.)
5. Grigoriev, I. V., Shaikhatdinov, V. Sh. *The law of social security*. Textbook and workshop for secondary vocational education. 8th ed., rev. and enl. Moscow: Yurajt; 2024. 431 p. (In Russ.)

Информация об авторе

С. А. Зверева – студент 3 курса.

Information about the author

S. A. Zvereva – 3rd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 14.04.2024.

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 14.04.2024.

Гражданское право / Civil Law

Научная статья

УДК 347.736

END: CJPVPW

Особенности финансового оздоровления юридических лиц при банкротстве

Анастасия Васильевна Лисицкая

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия
✉ lisitzkaya.anastasia@yandex.ru

Научный руководитель: **В. В. Лисицын**, к.ю.н., доцент, профессор кафедры
предпринимательского и корпоративного права
Российского государственного университета правосудия

Аннотация. Статья объединяет исследование теоретических и практических аспектов проблем финансового оздоровления юридических лиц при банкротстве, указывается на необходимость финансового оздоровления для предотвращения ликвидации организаций и сохранения рабочих мест. В статье описываются особенности порядка проведения финансового оздоровления, который регламентируется законодательством о несостоятельности. Анализируются права лиц, обладающих правом на обращение с ходатайством о введении финансового оздоровления. Отмечается необходимость разработки плана финансового оздоровления, учитывающего стратегию компании и планы оптимизации бизнес-процессов. Автором подчеркивается важность управления должником со стороны кредиторов и банков для обеспечения возврата долгов. Основное участие кредиторов выражается в управлении сделками, связанными с имуществом должника, выдачей займов и учреждением доверительного управления имуществом. Невыполнение обязанностей административным управляющим влечет административную ответственность, что является не менее значимым и спорным вопросом, особенно с учетом позиций, сформулированных в судебной практике. В итоге автор приходит к выводу, что для успешного финансового оздоровления необходимо четкое понимание процедуры, а также обладание имущественными, финансовыми, правовыми и организационными навыками. Тематика, связанная с финансовым оздоровлением, требует дальнейшего исследования и обсуждения в научно-экспертном сообществе.

Ключевые слова: финансовое оздоровление, реабилитационные процедуры, административный управляющий, банкротство, законодательство о несостоятельности

Для цитирования: Лисицкая А. В. Особенности финансового оздоровления юридических лиц при банкротстве // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 40–48.

Original article

Features of Financial Rehabilitation of Legal Entities in Bankruptcy

Anastasia V. Lisitskaya

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ lisitzkaya.anastasia@yandex.ru

Scientific supervisor: **V. V. Lisitsyn**, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Professor of the Business and Corporative Law Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The article combines theoretical and practical aspects of the problem of financial recovery of legal entities during bankruptcy. The author points out the need for financial recovery to prevent the liquidation of organizations and preserve jobs. The article describes the features of the procedure for carrying out financial recovery, which is regulated by insolvency legislation. The rights of persons who have the right to apply for the introduction of financial recovery are analyzed. The need to develop a financial recovery plan that takes into account the company's strategy and plans for optimizing business processes is noted. The author emphasizes the importance of debtor management by creditors and banks to ensure debt repayment. The main participation of creditors is expressed in the management of transactions related to the debtor's property, the issuance of loans and the establishment of trust management of property. The administrative receiver also plays an active role in managing the debtor's affairs by looking after its accounts payable and assets. Failure to fulfill the duties of an administrative manager entails administrative liability, which is an equally significant and controversial issue, especially taking into account the positions formulated in judicial practice. As a result, the author comes to the conclusion that successful financial recovery requires a clear understanding of the procedure, as well as the possession of property, financial, legal and organizational skills. Topics related to financial recovery require further research and discussion in the scientific and expert community.

Keywords: financial recovery, rehabilitation procedures, administrative manager, bankruptcy, insolvency law

For citation: Lisitskaya, A. V. Features of financial rehabilitation of legal entities in bankruptcy. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):40-48. (In Russ.)

Финансовое оздоровление юридических лиц при банкротстве является важной темой в современном экономическом обществе, в котором все отношения строятся на рыночных началах. Оно представляет собой совокупность мер и действий, направленных на восстановление финансовой устойчивости организации и на предотвращение ее ликвидации. Финансовое оздоровление может включать в себя мероприятия по улучшению финансовой структуры организации, оптимизации расходов, увеличению доходов и сокращению долговой нагрузки.

Для успешного финансового оздоровления необходимо четкое понимание этой процедуры, а также обладание имущественными, финансовыми, правовыми и организационными навыками, которые позволяют реализовать определенные мероприятия и добиться желаемых результатов.

Порядок и особенности проведения финансового оздоровления при банкротстве юридических лиц регламентируются главой V Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)¹ (далее – Закон о несостоятельности). Согласно действующему законодательству правом на обращение с ходатайством о введении финансового оздоровления обладают должник, учредители (участники) должника (собственник имущества должника – юридического лица) и третье лицо (третий лица).

Заметим, что немаловажным является вопрос обеспечения исполнения обязательств должника в соответствии с Законом о несостоятельности. До принятия решения о введении финансового оздоровления соглашение об обеспечении обязательств должника и его график погашения задолженности должны быть заключены в письменной форме и подписаны лицом или лицами, предоставившими обеспечение, а также временными управляющим, представляющим интересы кредиторов. После введения финансового оздоровления соглашение об обеспечении и соответствующие ему сделки вступают в действие одновременно с вынесением решения о введении данной процедуры [1, с. 32].

План финансового оздоровления представляет собой действия, нацеленные на восстановление финансовой устойчивости предприятия, увеличение его доходов и снижение издержек [2, с. 53]. При разработке плана финансового оздоровления следует учитывать ряд факторов, включая стратегию компании, цели и задачи оздоровления, ресурсы, необходимые для его реализации, а также план мероприятий и планы оптимизации бизнес-процессов [3, с. 183]. Важно также провести детальный анализ финансовых показателей, выявить причины банкротства и спрогнозировать результаты реализации плана. На это указывает Н. В. Моисеева, которая предлагает поэтапную реализацию избранной стратегии с постоянным мониторингом финансовых показателей организации [4, с. 7].

Проведение эффективного плана финансового оздоровления также может потребовать изменений в управлении и структуре компании [5, с. 60]. Например, могут потребоваться пересмотр организации производства, изменение ценовой политики, улучшение качества продукции и обслуживания клиентов, а также обновление персонала.

С точки зрения влияния на правовое регулирование в том случае, если план финансового оздоровления не был утвержден, финансовое оздоровление не может быть введено арбитражным судом². При этом важным выводом, сделанным в судебной практике, является следующее положение: «Мероприятия, перечисленные в плане финансового оздоровления, должны соответствовать целям применения к должнику процедуры финансового оздоровления, которая может позволить восстановить платежеспособность

¹ Российская газета. 2002. 2 нояб.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2017 г. по делу № А70-7510/2016. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

должника»³. В связи с этим суд детально анализирует представленный план финансового оздоровления.

Например, в деле № А50-18857/2019 при рассмотрении спора Семнадцатым арбитражным апелляционным судом анализировались вопросы формирования круга клиентов у организации, факт ведения дополнительных переговоров с контрагентами, в том числе значительные расходы на оказание информационно-консультационных и иных услуг, связанных с переработкой и продвижением на товарном рынке. Кроме того, в плане было отражено, что у организации сформирован большой запас уже готовой для реализации продукции⁴.

В деле № А41-108811/2017 Десятый арбитражный апелляционный суд пришел к выводу о недостаточной обоснованности плана финансового оздоровления. В частности, план финансового оздоровления, представленный должником, не содержал обоснования возможности удовлетворения требований кредиторов в столь значимых размерах. Количество имеющегося имущества было бы недостаточно для исполнения обязательств, равно как конкретные меры по выводу должника из кризисного финансового состояния, в результате которых восстановится платежеспособность должника и будут погашены требования всех кредиторов, в представленном плане финансового оздоровления не указаны⁵.

Финансовое оздоровление бизнеса сталкивается с серьезными проблемами, включая зависимость от кредитования, сложности в судебной практике и неопределенность в процессах принятия решений. Оспаривание решений собрания кредиторов и неясность в случае отмены финансового оздоровления создают юридические пробелы. Кроме того, не установлены четкие процедуры по оспариванию плана финансового оздоровления при его исполнении, оценке дебиторской задолженности, а также учете потенциальной выручки от контрактов и обеспечения. Недостаточная прозрачность и неопределенность в процессах реализации финансового оздоровления могут серьезно затруднить его эффективность и привести к дополнительным рискам для бизнеса.

Финансовое оздоровление несостоятельного хозяйствующего субъекта – это сложный и многогранный процесс, который, безусловно, требует управления со стороны кредиторов и банков. В связи с этим кредиторам предоставляются широкие полномочия по управлению должником в рамках финансового оздоровления, чтобы активно управлять должниками для обеспечения максимального возвращения долгов.

При этом стоит отметить значимый вывод, сформулированный в судебной практике: несмотря на то что Закон о несостоятельности предоставляет кре-

³ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 26 декабря 2011 г. по делу № А33-15859/2010.

⁴ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2020 г. № 17АП-19335/2019(4)-АК по делу № А50-18857/2019.

⁵ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 7 октября 2022 г. № 10АП-15682/2022 по делу № А41-108811/2017.

диторам полномочия по принятию решений и по иным вопросам, рассмотрение которых необходимо для проведения процедуры банкротства и (или) защиты прав кредиторов и других лиц, участвующих в деле о банкротстве, принимаемые кредиторами решения не могут и не должны быть направлены на обход законодательства о несостоятельности, равно как не должны вторгаться в сферу компетенции иных лиц, в частности арбитражного управляющего, что будет препятствовать проведению процедуры банкротства⁶.

Активная роль в управлении делами должника при финансовом оздоровлении отводится и административному управляющему, который должен следить за кредиторской задолженностью должника, а также его имуществом, чтобы не допустить уменьшения потенциальной конкурсной массы и увеличения задолженности. Такой подход наблюдается и в правовой доктрине [6].

Административный управляющий имеет особый статус в рамках финансового оздоровления и обладает не только правами, но и обязанностями, регламентированными ст. 83 Закона о несостоятельности. Для исполнения обязанностей административного управляющего требуется активное содействие со стороны руководителя должника в части предоставления административному управляющему сведений и документов, касающихся финансово-хозяйственной деятельности должника, как за предшествующий процедуре период, так и за текущий период с целью анализа динамики изменений активов и обязательств должника⁷.

За невыполнение административным управляющим своих обязанностей в рамках процедуры финансового оздоровления он может быть привлечен к административной ответственности.

Так, в деле № А40-118496/2018 Арбитражный суд Московского округа указывает на то, что проведение анализа финансового состояния должника является обязательным элементом процедуры банкротства и прямо закреплено в соответствующих законах и правилах. Кроме того, суд подчеркивает, что действия конкурсного управляющего должны быть направлены на защиту интересов как кредиторов, так и самого должника. При этом исполнение формальных действий со стороны административного управляющего, например проведение инвентаризации имущества должника, не может являться надлежащим исполнением им своих обязанностей⁸.

⁶ Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 8; постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 декабря 2022 г. № 11АП-18851/2022 по делу № А55-25367/2019, постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16 февраля 2021 г. № 07АП-3445/20(14), 07АП-3445/20(15) по делу № А27-3682/2019.

⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 апреля 2021 г. № Ф07-3958/2021 по делу № А56-28042/2016.

⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 декабря 2020 г. № Ф05-6337/2019 по делу № А40-118496/2018.

Кроме того, может возникнуть ситуация, при которой у должника появятся требования от иных кредиторов, которые не отражены в графике погашения задолженности, при этом принятые к производству, но не рассмотренные судом. В такой ситуации прекращение производства по делу о банкротстве возможно, если судом установлены обстоятельства, свидетельствующие о способности должника, с учетом его текущего финансового состояния и разумных прогнозов его развития, рассчитаться по всем своим обязательствам⁹.

В случае возможности восстановить платежеспособность должника арбитражный суд может принять определение о введении внешнего управления. Если же введение внешнего управления нецелесообразно, то арбитражный суд может принять решение о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства [7, с. 390].

Правильное и своевременное выполнение обязательств перед кредиторами – ключевой фактор успешного завершения процедуры финансового оздоровления, поскольку способствует сохранению финансовой устойчивости и платежеспособности компании [8, с. 226]. В конечном итоге все принимаемые решения в соответствии со ст. 87 Закона о несостоятельности направлены на поддержку финансовой устойчивости компании и защиту интересов кредиторов, а также обеспечение дальнейшего развития бизнеса.

В соответствии со ст. 88 Закона о несостоятельности должник обязан предоставить отчет о результатах проведения финансового оздоровления административному управляющему не позднее чем за месяц до истечения установленного срока финансового оздоровления. Данный отчет должен содержать баланс организации на последнюю отчетную дату, отчет о прибыли и убытках должника, а также документы, подтверждающие погашение требований кредиторов [9, с. 80].

Если на дату рассмотрения отчета должником требований кредиторов, включенные в реестр требований кредиторов, не удовлетворены либо отчет не представлен в установленный срок, административный управляющий созывает собрание кредиторов [10, с. 20]. На данном собрании кредиторы полномочны принять одно из решений: об обращении с ходатайством в арбитражный суд о введении внешнего управления; об обращении с ходатайством в арбитражный суд о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства.

Важно отметить, что законодательство не допускает повторного применения реабилитационной процедуры к должнику, в отношении которого открыто конкурсное производство. В одном из дел Верховный Суд Российской Федерации установил, что, обращаясь с ходатайством о введении финансового оздоровления на стадии конкурсного производства, должник преследует цель сохранения своего имущества и вывода его из процедуры банкротства¹⁰.

⁹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 6 октября 2020 г. № Ф06-52572/2019 по делу № А65-8910/2019.

¹⁰ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2022 г. № 304-ЭС20-6248(4) по делу № А46-19146/2017.

Максимально полный и всесторонний анализ финансового состояния, а также перспективные характеристики разнообразных факторов риска возможной нестабильности и прогнозирование развития финансово-хозяйственной деятельности во многом определяют результативность проведения финансового оздоровления, на что указывается в доктрине [11, с. 30].

В заключение стоит отметить, что финансовое оздоровление при банкротстве юридических лиц необходимо для восстановления финансовой устойчивости организации, предотвращения ее ликвидации, возвращения задолженности кредиторам и сохранения рабочих мест. Для успешного финансового оздоровления необходимо четкое понимание процедуры, а также обладание имущественными, финансовыми, правовыми и организационными навыками, которые позволят реализовать определенные мероприятия и добиться желаемых результатов.

На сегодняшний день видится целесообразным такое направление реформирования финансового оздоровления, как расширение перечня реабилитационных мероприятий, которые можно будет применить в рамках финансового оздоровления. В частности, допустить возможность реорганизации должника, продажу предприятия должника или части имущества должника, замещение активов должника, благодаря чему реабилитационные мероприятия начнутся раньше.

Однако законодательная практика на сегодняшний день стремится к тому, чтобы отказаться от процедуры финансового оздоровления, что кажется не вполне обоснованным. Так, в законопроекте от 12 марта 2020 г. № 02/04/03-20/00100272¹¹ предлагается исключить процедуры финансового оздоровления и внешнего управления, заменив их на процедуру реструктуризации долгов имущества должника – юридического лица. Многие положения законопроекта вызывают сомнения, особенно спорной является необходимость внедрения новой процедуры. На сегодняшний день законопроект прошел оценку регулирующего воздействия и получил положительное заключение. Законопроект передан на рассмотрение Правительства Российской Федерации. Таким образом, тематика, связанная с финансовым оздоровлением, требует дальнейшего исследования и обсуждения в научно-экспертном сообществе.

Список источников

1. Рудакова О. Ю., Рудакова Т. А. Финансовое оздоровление как процедура банкротства или результат ее проведения // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2017. № 3. С. 30–35.
2. Миронова А. Н. Российский опыт проведения процедуры финансового оздоровления в делах о банкротстве // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2012. № 4 (73). С. 52–57.

¹¹ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : [сайт]. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=100272> (дата обращения: 23.10.2024).

3. Алферов В. Н. Развитие реабилитационной направленности института банкротства России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. № 2 (26). С. 180–190.
4. Моисеева Н. В. Планирование процесса финансового оздоровления предприятия // Экономический анализ: теория и практика. 2006. Т. 5, вып. 6. С. 6–10.
5. Кочетков Е. П. Повышение эффективности функционирования института банкротства в Российской Федерации: стоимостной подход // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2017. № 1–2 (100). С. 54–63.
6. Сквортцов О. Ю. Теоретические и практические проблемы применения процедуры финансового оздоровления в деле о несостоятельности (банкротстве) // Правоведение. 2010. № 2. С. 93–100.
7. Ломова Н. М. Финансовое оздоровление предприятия // E-SCIO : электрон. журн. 2020. № 9 (48). С. 388–394. URL: http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2020/10/E-SCIO-9_2020.pdf.
8. Алферов В. Н. Разработка модели анализа финансового развития организации, направленной на адекватное прогнозирование ее состояния с учетом возможностей и ограничений законодательства о банкротстве // Бизнес в законе. 2011. № 6. С. 224–227.
9. Волынская О. А. Финансовое оздоровление предприятия как элемент антикризисного управления // Актуальные вопросы экономических наук. 2014. № 41-2. С. 76–82.
10. Безбородова Т. И. Анализ теоретико-методологических проблем бухгалтерского учета арбитражного управления несостоятельностью организаций // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 26. С. 19–24.
11. Чернова М. В. Экономическая эффективность аудита в процедурах банкротства // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 40 (238). С. 28–32.

References

1. Rudakova, O. Yu., Rudakova, T. A. Financial recovery as bankruptcy proceedings or result of her conduct. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic Decisions and Risk Management*. 2017;(3):30-35. (In Russ.)
2. Mironova, A. N. Russian experience of financial recovery procedure in the cases of bankruptcy. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic Decisions and Risk Management*. 2012;(4):52-57. (In Russ.)
3. Alferov, V. N. Development of rehabilitation oriented Russian institution of bankruptcy. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye) = M.I.R. (Modernization. Innovation. Research)*. 2016;(2):180-190. (In Russ.)
4. Moiseeva, N. V. Planning the process of financial recovery of an enterprise. *Ekonomiceskij analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2006;5(6):6-10. (In Russ.)
5. Kochetkov, E. P. Improving the efficiency of functioning of the bankruptcy institution in the Russian Federation: the value-based approach. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic Decisions and Risk Management*. 2017;(1-2):54-63. (In Russ.)
6. Skvortsov, O. Yu. Theoretical and practical problems of applying the financial recovery procedure in an insolvency (bankruptcy) case. *Pravovedenie = Jurisprudence*. 2010;(2):93-100. (In Russ.)
7. Lomova, N. M. Financial recovery of an enterprise. *E-SCIO*. E-edition. 2020;(9):388-395. (In Russ.) URL: http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2020/10/E-SCIO-9_2020.pdf.

Лисицкая А. В. Особенности финансового оздоровления юридических лиц при банкротстве

8. Alferov, V. N. Developing a model of financial analysis of the organization, aimed at an adequate prediction of the state, taking into account the possibilities and limitations of bankruptcy law. *Biznes v zakone = Business in Law*. 2011;(6):224-227. (In Russ.)
9. Volynskaya, O. A. Financial recovery of an enterprise as an element of anti-crisis management. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk = Actual issues of economic sciences*. 2014;(41-2):76-82. (In Russ.)
10. Bezborodova, T. I. Analysis of theoretical and methodological problems of accounting of arbitration management of insolvency of organizations. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2012;(26):19-24. (In Russ.)
11. Chernova, M. V. Economic efficiency of audit in bankruptcy procedures. *Mezhdunarodnyj bukhgalterskij uchet = International Accounting*. 2012;(40):28-32. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Лисицкая – обучающийся 3 курса магистратуры.

Information about the author

A. V. Lisitskaya – 3rd year student of the Master's degree.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 30.05.2024.

The article was submitted 12.03.2024; approved after reviewing 16.05.2024; accepted for publication 30.05.2024.

Научная статья

УДК 346.26

END: GSSSGC

Лицензирование и саморегулирование предпринимательской деятельности

Марина Александровна Бровкина

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ marinashushkova2000@gmail.com

Научный руководитель: **Е. С. Пирогова**, к.ю.н., доцент кафедры
предпринимательского и корпоративного права
Российского государственного университета правосудия

Аннотация. Осуществление предпринимательской деятельности нередко подвергается различным рискам, которые сопровождаются наступлением неблагоприятных правовых последствий. В частности, речь идет о неисполнении обязательств со стороны контрагентов, причинении вреда имуществу субъектов предпринимательской деятельности, а также наступлении иных обстоятельств, среди которых значительное место занимают коррупция, рейдерство, корпоративный шантаж. Самостоятельная деятельность, нацеленная на систематическое извлечение прибыли, обусловливает риски наступления неблагоприятных последствий в сфере предпринимательства. В подобных реалиях предпринимательская деятельность нуждается в обеспечении ее защищенности, принятии мер, направленных на охрану и защиту прав и интересов ее субъектов, в том числе посредством использования инструментов лицензирования и саморегулирования. В право-применительной практике посредством использования данных механизмов решаются, с одной стороны, сходные, а с другой – разные проблемы государственного регулирования.

Ключевые слова: государственное регулирование, лицензирование, саморегулирование, предпринимательская деятельность, инструменты, регуляторы, саморегулируемые организации

Для цитирования: Бровкина М. А. Лицензирование и саморегулирование предпринимательской деятельности // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 49–56.

Original article

Licensing and Self-Regulation of Business Activities

Marina A. Brovkina

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ *marinashushkova2000@gmail.com*

Scientific supervisor: E. S. Pirogova, Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Business and Corporate Law Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The implementation of entrepreneurial activity is often exposed to various risks, which are accompanied by the onset of adverse legal consequences, in particular, we are talking about non-fulfillment of obligations on the part of counterparties, damage to the property of business entities, as well as the occurrence of other circumstances, among which corruption, raiding, corporate blackmail are common. While an independent activity itself, business activity is aimed at systematic profit-making, causes the risks of adverse consequences in the field of entrepreneurship. In such realities, entrepreneurial activity needs to ensure its security, take measures aimed at protecting and protecting the rights and interests of its subjects, including the use of licensing and self-regulation tools. In law enforcement practice, mechanisms of both self-regulation and licensing are used, which, on the one hand, similar and, and on the other, solve different problems of state regulation.

Keywords: government regulation, licensing, self-regulation, entrepreneurial activity, tools, regulators, self-regulating organizations

For citation: Brovkina, M. A. Licensing and self-regulation of business activities. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):49-56. (In Russ.)

Лицензирование и саморегулирование как правовые инструменты имманентно связаны с содержанием объективного права. С. С. Алексеев отмечал, что «назначение объективного права в обществе состоит в том, чтобы быть регулятором – определять, упорядочивать и охранять существующие общественные отношения и порядки» [1, с. 313]. Ученый также указывал на то, что правовое регулирование «...осуществляется при помощи целостной системы средств, реально выражаяющих саму материю позитивного права как нормативного конституционного образования – регулятора» [1, с. 348]. В свете сказанного В. С. Бреднева поясняет, что, «применяя правовые инструменты для достижения цели, необходимо учитывать социальные, экономические, исторические факторы; следует полагаться не только на формальную логику, но и учитывать общепризнанные правила, судебную практику» [2, с. 33]. В связи с этим при использовании правовых инструментов особое значение имеют детали конкретной ситуации, стремление к социальному эффекту, который определяется общественными потребностями. Применительно к сфере предпринимательства выбор тех или иных правовых средств предопределяет эффективность деятельности хозяйствующих субъектов и прямо зависит от уровня их правосознания.

К. С. Шундиков определяет юридические средства как взятую «...в единстве совокупность правовых установлений (инструментов) и форм право-реализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей» [3, с. 115]. Автор выделяет ряд общих черт, характеризующих признанные правовые феномены в качестве средств достижения юридических целей. К ним он относит: национально-юридическую природу; непосредственную связь с целями правовой политики; выражение средствами информационно-энергетических качеств и регулятивных ресурсов права; обеспечение государством; наличие определенных юридически значимых последствий от действия правовых средств.

Отсюда следует, что лицензирование и саморегулирование как юридические инструменты, используемые для решения определенных социально-правовых задач, находятся в тесной взаимосвязи с ними, а выявление природы отдельного конкретного правового средства и его юридических особенностей необходимо для установления степени воздействия на соответствующие общественные отношения.

Регулирование предпринимательства рассматривается как одно из важнейших проявлений государственного управления, основное содержание которого предполагает обеспечение государством общих правил поведения субъектов предпринимательских отношений. Е. А. Лебедева отмечает, что суть государственного регулирования выражается «...либо в императивных и преимущественно административно-правовых способах регулирования (первый подход), либо в установлении и обеспечении государством общих правил поведения субъектов общественных отношений (второй подход)» [4, с. 81]. Следуя рассуждениям Е. А. Лебедевой, сущность саморегулирования и лицензирования более наглядно раскрывать с позиций второго подхода.

Правовая природа лицензирования, в том числе в контексте его соотношения с саморегулированием, тесно связана с определением реальной возможности и установлением мер вмешательства государства в сферу предпринимательства. Лицензирование тех или иных видов деятельности, определенных в ст. 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹ (далее – Закон о лицензировании), преследует достижение соответствующих целей, названных в ст. 2 упомянутого Закона. В частности, лицензирование необходимо для предотвращения возможного ущерба правам, интересам граждан, их жизни и здоровью, объектам культурного наследия и окружающей среде, безопасности государства, причинение которого может быть связано с деятельностью юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В ст. 4 Закона о лицензировании определены ключевые принципы лицензирования, на основании которых можно сформулировать следующие *признаки лицензирования*:

а) регулирование и осуществление лицензирования происходят при участии уполномоченного органа власти, в его компетенцию входит вынесе-

¹ Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716.

Бровкина М. А. Лицензирование и саморегулирование предпринимательской деятельности

ние необходимых решений по различным вопросам в данной области (например, в одностороннем порядке принимается решение о приостановлении действия лицензии);

б) наличие юридического неравенства между лицензиатом и лицензирующим органом (отношения между управляемым и управляющим);

в) властный характер волеизъявления лицензирующего органа по отношению к лицензиату, которое сопровождается его обязательным исполнением;

г) процедура лицензирования закреплена в соответствующих нормах закона (имеет место установленный обязательный порядок осуществления действий по лицензированию).

Лицензирование той или иной деятельности осуществляется не вследствие произвольного выбора, как считает А. Ю. Бушев, а обусловлено объективной потребностью установления государственного контроля над качеством оказываемых услуг, производимой продукции, добросовестностью деятельности хозяйствующих субъектов [5, с. 311]. Лицензированию может подлежать также деятельность, обладающая особым характером. Например, согласно ст. 12 Закона о лицензировании лицензированию подлежит деятельность по разработке, производству и реализации специальных технических средств, с помощью которых можно в негласном порядке получать информацию. Действительно, такие технические средства должны находиться под строгим контролем государства, поскольку их применение тесно сопряжено с защитой прав и законных интересов граждан. Лицензированию подлежит и деятельность по разработке, испытанию, производству авиационной техники, которая связана с обеспечением обороны страны, с поддержанием безопасности государства.

В соответствии со ст. 3 Закона о лицензировании *лицензия* – это специальное разрешение, наличие которого позволяет юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю осуществлять определенный вид деятельности. По общему правилу, закрепленному в ч. 4 ст. 9 упомянутого Закона, лицензия действует бессрочно.

Грубые нарушения установленных лицензионных требований влекут за собой отрицательные последствия для лицензиата. Субъекты, виновные в нарушении законодательства о лицензировании, подлежат юридической ответственности. Так, Постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2023 г. № 71-АД23-9-К3² удовлетворены требования уполномоченного органа о привлечении к административной ответственности субъекта по ч. 4 ст. 14.1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за предпринимательскую деятельность на транспорте без лицензии. В материалах дела установлено, что хозяйствующим субъектом были грубо нарушены условия лицензии, которые касались перевозки особо опасных грузов с применением аппаратуры спутниковой навигации.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 19.2 Закона о лицензировании для обеспечения соблюдения лицензиатом установленных лицензионных требований

² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

уполномоченными органами проводятся разнообразные плановые и вне-плановые контрольные и профилактические мероприятия. В подп. 1 ч. 1 ст. 20 данного Закона установлен порядок приостановления, прекращения и аннулирования лицензии. Материалы судебной практики свидетельствуют, что обладатели лицензий достаточно часто оспаривают решения об аннулировании лицензий, равно как и лицензирующие органы обращаются в судебные инстанции с аналогичными требованиями.

Так, Определением Верховного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2022 г. № 303-ЭС21-27863 по делу № А51-5235/2021³ отказано в удовлетворении требований о пересмотре судебных актов, касающихся аннулирования лицензии на осуществление деятельности по монтажу и ремонту средств пожарной безопасности. Свое решение Суд мотивировал тем, что лицензирующий орган не выполнил необходимые процедурные действия, которые должны предшествовать аннулированию. В частности, лицензиату не было выдано предписание об устранении нарушений; к административной ответственности он не привлекался; соответствующее решение о приостановлении действия лицензии также принято не было. Фактически Суд подчеркнул, что порядок аннулирования лицензии императивен и должен строго соблюдаться лицензирующим органом.

Учитывая изложенное, следует отметить, что в России действует принцип свободы профессиональной и предпринимательской деятельности, однако осуществление отдельных видов такой деятельности требует соблюдения установленных законом предписаний (например, длительное время считалось, что достаточно наличия у субъекта предпринимательства специального разрешения – лицензии) [6, с. 28]. В. В. Зайцев подчеркивает, что вопросы саморегулирования актуализировались по причине необходимости повышения эффективности регулирования в сфере предпринимательской деятельности [7, с. 90]. В условиях проведения административной реформы, а также в целях снижения административных барьеров внимание к саморегулированию возросло к 2003 г. А. Я. Курбатов справедливо отмечает, что «система саморегулирования направлена на передачу ряда государственных функций саморегулируемым организациям, упрощение разрешительных процедур, сокращение лицензируемых видов деятельности» [8, с. 85].

Согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О саморегулируемых организациях»⁴ саморегулирование – это самостоятельная, инициативная деятельность, осуществляемая субъектами предпринимательской деятельности, которые устанавливают и разрабатывают правила, стандарты деятельности, контролируют соблюдение требований. Из содержания ч. 1 ст. 3 указанного Закона следует, что саморегулируемые организации – это некоммерческие структуры, которые для целей саморегулирования основаны на

³ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 49. Ст. 6076.

Бровкина М. А. Лицензирование и саморегулирование предпринимательской деятельности

членстве и объединяют субъектов предпринимательства. Принцип саморегулирования позволяет:

- установить необходимые правила и стандарты для хозяйствующих субъектов, которые обязательны для соблюдения и выполнения;
- осуществлять необходимый контроль в сфере предпринимательской деятельности;
- обеспечивать имущественную ответственность субъектов предпринимательства перед потребителями.

В целом деятельность саморегулируемых организаций оценивается положительно. Представляется очевидным, что по мере совершенствования механизмов аттестации, разработки правил и регламентов деятельности значимость инструментария саморегулируемых организаций для субъектов хозяйственной деятельности будет увеличиваться.

Кроме того, хозяйствующие субъекты вправе объединяться в ассоциации и союзы. В настоящее время согласно п. 1 ст. 123.8 Гражданского кодекса Российской Федерации ассоциация (союз) – это объединение физических или юридических лиц, которое основано на добровольном (в отдельных случаях – на обязательном) членстве, а также создано для защиты и представления профессиональных, общественно полезных, некоммерческих целей. Необходимо выделить следующие *характерные признаки ассоциаций (союзов)*:

- ассоциации основаны на членстве, а также являются некоммерческими юридическими лицами. При создании ассоциации учредители должны принять соответствующее решение на общем собрании, где также следует утвердить ее устав;
- предпринимательские союзы обладают специальной правоспособностью. Согласно ч. 2 ст. 123.1 ГК РФ ассоциации наделены определенными правами и обязанностями, которые в полной мере должны соответствовать их уставной деятельности;
- все субъекты предпринимательской деятельности, которые являются членами ассоциации, сохраняют свои права и юридическую самостоятельность;
- член ассоциации (союза) может быть исключен из нее в случаях и в порядке, которые установлены в соответствии с законом уставом ассоциации (союза) (п. 2 ст. 123.11 ГК РФ).

В настоящее время существует множество разнообразных ассоциаций. В рамках данного исследования особый интерес представляют стандарты и правила, которые могут быть установлены членами ассоциации в рамках осуществления предпринимательской или профессиональной деятельности. Подобного рода стандарты и правила направлены на регулирование взаимоотношений между членами ассоциации. Такие стандарты принимаются в соответствии с действующим законодательством, в частности с Федеральным законом «О саморегулируемых организациях» и ГК РФ.

Подводя итоги исследованию, следует отметить, что в основу организации предпринимательской деятельности положен объединительный принцип, который позволяет обеспечивать безопасность потребителей, товаров, услуг и работ хозяйствующих субъектов благодаря не только сложению

сил и суммированию потенциалов, но и синергетическому эффекту. Дан- ный эффект возникает у каждой структуры, которая объединяет самостоятельных участников предпринимательской деятельности. Традиционно хозяйствующие субъекты вправе объединяться в саморегулируемые организаций для целей повышения эффективности предпринимательской деятельности. Хозяйствующие субъекты также могут создавать ассоциации (союзы), которые относятся к категории некоммерческих добровольных организаций. Ключевая цель их создания – содействие и координация предпринимательской деятельности участников, организация конструктивного диалога бизнеса и власти, а также создание благоприятной среды для предпринимательства. Достижение саморегулируемыми организациями предпринимателей поставленных целей в различных, в том числе и лицензируемых, областях деятельности позволяет признать повышение уровня безопасности бизнеса в Российской Федерации.

Список источников

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 656 с.
2. Бреднева В. С. Инструментальная теория права в российском правоведении // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). С. 32–34.
3. Шундиков К. В. Цели, средства и результаты правовой политики // Российская законодательная политика : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М. : Норма, 2003. С. 112–132.
4. Лебедева Е. А. Лицензирование и саморегулирование: перспективы развития // Актуальные вопросы публичного права. 2013. № 6 (18). С. 80–91.
5. Бушев А. Ю., Городов О. А., Жмулина Д. А. и др. Предпринимательское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / под ред. В. Ф. Попондопуло. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Прогресс, 2023. 624 с.
6. Фесько Д. С. Административно-правовые гарантии обеспечения прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора): теория и практика : моногр. / под ред. В. В. Черникова. М. : Проспект, 2023. 224 с.
7. Зайцев В. В. Обеспечение исполнения обязательств: история, современность и перспективы развития : моногр. М. : Статут, 2021. 440 с.
8. Курбатов А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения : моногр. М. : Юстицинформ, 2022. 244 с.

References

1. Alekseev, S. S. *Law: ABC – theory – philosophy. The experience of complex research.* Moscow: Statut; 1999. 656 p. (In Russ.)
2. Bredneva, V. S. Instrumental theory of law in Russian jurisprudence. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. *Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Issues of Theory and Practice.* 2015;(10):32-34. (In Russ.)
3. Shundikov, K. V. Goals, means and results of policy. In: N. I. Matuzov, A. V. Malko, eds. *Russian legal policy.* Course of lectures. Moscow: Norma; 2003. Pp. 112–132. (In Russ.)

Бровкина М. А. Лицензирование и саморегулирование предпринимательской деятельности

4. Lebedeva, E. A. Licensing and self-regulation: prospects of development. *Aktual'nye voprosy publichnogo prava = Topical Issues of Public Law.* 2013;(6):80-91. (In Russ.)
5. Bushev, A. Yu., Gorodov, O. A., Zhmulina, D. A., et. al. *Business law.* Textbook. In 2 vols. Vol. 1. Ed. V. F. Popondopulo. 6th ed., rev. and add. Moscow: Prospekt; 2023. 624 p. (In Russ.)
6. Fesko, D. S. *Administrative and legal guarantees of ensuring the rights of citizens and organizations in the implementation of state control (supervision): theory and practice.* Monograph. Ed. V. V. Chernikov. Moscow: Prospekt; 2023. 224 p. (In Russ.)
7. Zaitsev, V. V. *Enforcement of obligations: history, modernity and development prospects.* Monograph. Moscow: Statut; 2021. 440 p. (In Russ.)
8. Kurbatov, A. Ya. *Business law: problems of theory and law enforcement.* Monograph. Moscow: Yustitsinform; 2022. 244 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. А. Бровкина – обучающийся 2 курса магистратуры.

Information about the author

M. A. Brovkina – 2nd year student of the Master's degree.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 16.04.2024; принята к публикации 19.04.2024.

The article was submitted 26.03.2024; approved after reviewing 16.04.2024; accepted for publication 19.04.2024.

Земельное и экологическое право / Land and Environmental Law

Научная статья

УДК 349.412.44

EDN: HOPHWO

Отдельные проблемы утверждения списка невостребованных земельных долей общим собранием участников долевой собственности

Илья Дмитриевич Фивейский

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ fiveyskiy.id@gmail.com

Научный руководитель: Е. В. Сырых, к.ю.н., доцент, доцент кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия

Аннотация. В статье исследуются ключевые проблемы и риски, присущие процедуре утверждения списка невостребованных земельных долей общим собранием участников долевой собственности в свете изменений, внесенных в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в 2022 г. Автором предпринята попытка поиска баланса частных и публичных интересов в контексте отказа от судебного порядка перехода права собственности на невостребованные земельные доли к муниципалитетам за счет расширения возможностей судебного оспаривания решений общих собраний об отказе в утверждении списка невостребованных земельных долей или о необоснованном исключении отдельных земельных долей из данного списка.

Ключевые слова: невостребованные земельные доли, список невостребованных долей, органы местного самоуправления, общее собрание участников, признание невостребованными, переход права собственности, судебный порядок, внесудебный порядок, сельскохозяйственные организации, крестьянское (фермерское) хозяйство

Для цитирования: Фивейский И. Д. Отдельные проблемы утверждения списка невостребованных земельных долей общим собранием участников долевой собственности // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 57–71.

Original article

Several Problems of Approval of the List of Unclaimed Land Shares by the General Meeting of Participants in Shared Ownership

Ilya D. Fiveysky

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

 fiveyskiy.id@gmail.com

Scientific supervisor: E. V. Syrykh, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Land and Environmental Law Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The key problems and risks inherent in the procedure for approving a list of unclaimed land shares by the general meeting of participants in shared ownership are examined in the light of changes made to the Federal Law "On the Turnover of Agricultural Lands" in 2022. An attempt is made to find a balance of private and public interests in the context of the extrajudicial procedure for transferring ownership of unclaimed land shares to municipalities by expanding the possibilities of judicial contestation of decisions of general meetings to refuse approval of a list of unclaimed land shares or to unjustifiably exclude individual land shares from this list.

Keywords: unclaimed land shares, list of unclaimed shares, local government bodies, general meeting of participants, recognition as unclaimed, transfer of ownership, judicial procedure, extrajudicial procedure, agricultural organizations, peasant farms

For citation: Fiveysky, I. D. Several problems of approval of the list of unclaimed land shares by the general meeting of participants in shared ownership. *Femida.Science = Themis.Science.* 2024;(2):57-71. (In Russ.)

Актуальность выбранной для исследования темы обусловлена трансформацией правового регулирования перехода невостребованных земельных долей (далее – НЗД) в собственность муниципальных образований. В 2022 году в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»¹ (далее – Закон № 101-ФЗ) были внесены изменения², в соответствии с которыми, в том числе, был предусмотрен отказ от судебного порядка перехода собственности на НЗД к муниципалитетам. В соответствии с положениями ст. 19.3 Закона № 101-ФЗ с 1 января 2025 г. переход права собственности на такие земельные доли происходит автоматически с момента признания их невостребованными. Таким образом, ключевое

¹ Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3018.

² Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 639-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1. Ст. 86.

значение для правовой судьбы земельных долей, которые могут быть признаны невостребованными, с 1 января 2025 г. приобретает именно процедура признания их невостребованными.

Соответствующая процедура включает в себя несколько основных этапов:

1) составление органами местного самоуправления списков земельных долей, которые могут быть признаны невостребованными;

2) утверждение списков НЗД общим собранием участников долевой собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения (далее – общее собрание);

3) признание земельных долей невостребованными и переход права собственности к муниципальным образованиям (до 1 января 2025 г. по решению суда, а с 1 января 2025 г. – с даты утверждения списков НЗД общим собранием).

Проблемы и трудности могут сопровождать каждый из указанных этапов, однако в контексте отказа от судебного порядка перехода права собственности на НЗД особо важным становится утверждение их списков общим собранием. В соответствии с п. 7 ст. 12.1 Закона № 101-ФЗ именно с даты такого утверждения земельные доли признаются невостребованными, а право собственности на них переходит к муниципальным образованиям (после 1 января 2025 г.).

Таким образом, цель исследования состоит в выявлении ключевых проблем, присущих процедуре утверждения списка НЗД общим собранием, рисков, сопровождающих соответствующую процедуру, а также формировании предложений по устраниению выявленных проблем и по минимизации присутствующих рисков.

Тема невостребованных земельных долей привлекает интерес академического сообщества со времен приватизации земель сельскохозяйственного назначения, в результате которой ввиду раздела единого имущественно-земельного комплекса коллективных хозяйств и возник правовой феномен невостребованных земельных долей³. А. П. Анисимов отмечает, что категория «невостребованная земельная доля» свойственна только отечественному правопорядку [1, с. 542].

Среди исследователей соответствующей проблематики можно выделить прежде всего С. А. Липски. В работах С. А. Липски [2; 3; 4; 5] существенное внимание уделяется анализу правового режима НЗД, особенностям их обнаружения и признания собственностью муниципального образования. Особенности вовлечения НЗД в хозяйственный оборот также были достаточно подробно исследованы в монографии В. Н. Хлыстуна, А. А. Мурашевой, Ю. А. Цыпкина [6].

При этом дополнительный интерес со стороны научного сообщества обусловлен и постоянным совершенствованием правового регулирования НЗД, а также наличием ряда практических проблем.

³ Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2021 году. М. : ФГБНУ «Росинформагротех», 2022. С. 43.

На необходимость совершенствования порядка фактического использования НЗД, а также на наличие определенных проблем в сфере принятия решения общим собранием участников долевой собственности (уже после признания земельных долей невостребованными) указывает Е. В. Сырых [7]. Проблеме квалификации фактического использования НЗД также посвятила свою статью В. В. Устюкова [8]. К выводу о необходимости дальнейшего развития порядка принятия решения о предоставлении НЗД в пользование приходит и Ф. П. Румянцев [9]. В контексте историко-правового анализа на необходимость совершенствования порядка признания земельных долей невостребованными указывает К. Н. Нилов [10]. К числу актуальных исследований этой темы также можно отнести труды С. Н. Волкова [11] и Н. И. Ковальчук [12].

Несмотря на достаточно высокий интерес научного сообщества к выбранной для исследования теме, отдельные вопросы и проблемы не становились предметом детального рассмотрения в академических трудах. В частности, недостаточным представляется освещение проблем, свойственных процедуре утверждения списка НЗД общим собранием участников долевой собственности на земельный участок.

Механизм вовлечения НЗД в сельскохозяйственное использование и место в нем процедуры утверждения списков НЗД

Институт НЗД ориентирован на предотвращение деградации земель сельскохозяйственного назначения вследствие их длительного простояивания. Невостребованными являются земельные доли, у которых отсутствуют правообладатели или которыми не распорядились их владельцы в пределах установленных для этого сроков [13, с. 18]. Иными словами, НЗД фактически исключены из оборота. На земельных участках с такими долями не может осуществляться сельскохозяйственная деятельность, из-за чего их плодородность постепенно снижается (как и возможность их использования по целевому назначению).

Подобная ситуация не соответствует принципу рационального использования земель. Использование земельных участков в соответствии с целевым назначением и разрешенным использованием является не только правом, но и обязанностью правообладателей, как это прямо закреплено ст. 42 Земельного кодекса Российской Федерации.

Однако в условиях, когда правообладателей у земельной доли нет или они вовремя ей не распорядились, отсутствует лицо, обязанное обеспечивать ее целевое использование. Земли деградируют, их полезные свойства снижаются. Как следствие, возникает потребность в поиске механизмов для их возвращения в сельскохозяйственное использование.

Таким механизмом стал особый порядок признания земельных долей невостребованными (первый этап), перехода права собственности на такие доли к муниципальным образованиям (второй этап) в целях их возвращения в хозяйственный оборот посредством предоставления крестьянским (фермерским) хозяйствам или сельскохозяйственным организациям (третий этап). Реализация соответствующего механизма обеспечивает предотвращение деградации земель вследствие их длительного простояивания.

При этом в соответствии с ранее действовавшим законодательством второй этап (переход права собственности к муниципальным образованиям) в обязательном порядке требовал обращения в суд. Однако согласно изменениям в Закон № 101-ФЗ от 2022 г. судебный порядок сохраняется только до 1 января 2025 г., после чего переход права собственности к муниципалитетам будет осуществляться автоматически по факту признания земельных долей невостребованными. Фактически подобные изменения свидетельствуют о слиянии первых двух этапов механизма возвращения земельных участков с НЗД в сельскохозяйственное использование.

В подобном контексте существенно повышается значение процедуры признания земельных долей невостребованными без обращения в суд, посредством которой обеспечивается выбытие земельных долей из собственности отсутствующих или незаинтересованных частных правообладателей и их переход в собственность муниципальных образований.

Важную роль в этой процедуре играет этап составления списков земельных долей, которые могут быть признаны невостребованными. Он представляет собой подготовительную административную процедуру, направленную на выявление и публичное размещение информации о соответствующих земельных долях.

На данном этапе не вполне корректным видится отсутствие законодательного закрепления возможностей и форм участия сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств или иных частных и коллективных субъектов в процессе выявления НЗД. В настоящее время соответствующие полномочия полностью предоставлены органам местного самоуправления, что не является оптимальным решением с точки зрения эффективности вовлечения НЗД в сельскохозяйственное использование.

Тем не менее составление и публикация списков земельных долей, которые могут быть признаны невостребованными, сами по себе не образуют юридический состав, который влечет за собой смену собственников таких земельных долей. Автоматический переход права собственности на НЗД строго привязан к моменту признания их таковыми. В свою очередь, признание земельных долей невостребованными происходит с даты утверждения списка НЗД (п. 7 ст. 12.1 Закона № 101-ФЗ).

Таким образом, ключевое значение для всего механизма вовлечения НЗД в сельскохозяйственное использование приобретает именно процедура утверждения списков таких долей общим собранием участников долевой собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения.

Риски злоупотреблений в рамках механизма вовлечения НЗД в сельскохозяйственный оборот

Наличие у общего собрания полномочий утверждать списки НЗД порождает определенные риски злоупотреблений со стороны недобросовестных участников долевой собственности. Наличие НЗД может быть выгодно участникам, заключившим договор о предоставлении земельных участков (*de facto* включая НЗД) в пользование сельскохозяйственным организациям или крестьянским (фермерским) хозяйствам. Подобные действия в отношении фактически невостребованных (но не признанных таковыми) зе-

Фивейский И. Д. Отдельные проблемы утверждения списка невостребованных земельных долей

мельных долей позволяют участникам долевой собственности избежать взаимодействия с органами местного самоуправления и уйти от необходимости предоставления права собственности на НЗД муниципалитетам.

Стоит отметить, что недобросовестность поведения участников долевой собственности в данном случае будет проявляться лишь в виде обхода самого механизма вовлечения НЗД в сельскохозяйственное использование. В то же время общая цель этого механизма (а также земельно-правового регулирования) будет достигаться: несмотря на отсутствие правовых оснований, земельные участки с НЗД будут использоваться по назначению, а не будут простоять. Более того, в отдельных случаях подобный способ вовлечения земельных участков с НЗД в использование будет даже более эффективным по сравнению с официальным порядком, закрепленным в законодательстве. Отсутствие необходимости проходить многочисленные административные процедуры, предусмотренные ст. 10 и ст. 12.1 Закона № 101-ФЗ, обеспечивает оперативность возобновления (или продолжения) фактического использования земель по назначению.

Возможность подобного фактического использования земельных участков сельскохозяйственного назначения с земельными долями косвенно допускается как в законодательстве, так и в судебной практике. Так, п. 5.1 ст. 10 Закона № 101-ФЗ прямо закрепляет льготу по предоставлению земельных участков тем сельскохозяйственным организациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам, которые уже использовали земельный участок с НЗД, перешедшими в муниципальную собственность. Как отмечает В. В. Устюкова, несмотря на отсутствие в Законе № 101-ФЗ прямого указания именно на фактическое использование земельных участков, для получения льготы по ст. 5.1 Закона № 101-ФЗ использование явно должно быть исключительно фактическим и не должно опираться на какие-либо правовые основания [8, с. 105].

Данный подход реализуется и в судебной практике: согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации⁴ на получение льготы, предусмотренной п. 5.1 ст. 10 Закона № 101-ФЗ, могут претендовать сельскохозяйственные организации или крестьянские (фермерские) хозяйства, фактически использующие земельный участок в сельскохозяйственных целях без оформления правоотношений.

Таким образом, можно предположить, что в указанных случаях и законодатель, и правоприменитель исходят из допустимости фактического использования земельных участков сельскохозяйственного назначения в отсутствие правоустанавливающих документов. Причина подобного подхода состоит в стремлении обеспечить рациональное использование земель сельскохозяйственного назначения и не допустить их деградации вследствие простоя.

⁴ Обзор судебной практики по делам, связанным с предоставлением земельных участков сельскохозяйственным организациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам для ведения сельскохозяйственного производства (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 6.

Фактическое «распоряжение» НЗД со стороны участников долевой собственности также укладывается в данную логику и даже продолжает ее. Соответствующие участники выступают фактическими «контрагентами» сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств, предоставляя последним фактическую возможность использовать НЗД в отсутствие правовых оснований.

Стоит отметить, что, несмотря на риски привлечения к административной ответственности за самовольное занятие земельного участка (ст. 7.1 КоАП РФ), заключение договора об использовании земельного участка (включая фактическое использование НЗД в отсутствие правовых оснований) может быть выгодно и сельскохозяйственным организациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам. Ключевой причиной подобного поведения со стороны соответствующих субъектов будет выступать даже не стремление избежать повышенной административной нагрузки, а отсутствие эффективных и прозрачных правил подтверждения фактического использования НЗД до момента ее перехода в муниципальную собственность. Однако, как справедливо отмечает Е. В. Сырых, в отсутствие правоустанавливающих или правоудостоверяющих документов в отношении фактически используемых земельных участков соответствующие субъекты сельскохозяйственной деятельности не могут с полной степенью уверенности рассчитывать на предоставление льготы, предусмотренной п. 5.1 ст. 10 Закона № 101-ФЗ [7, с. 103].

Несовершенство порядка подтверждения фактического использования НЗД создает предпосылки для злоупотреблений уже со стороны органов местного самоуправления. В случае перехода НЗД в собственность муниципального образования отказ в предоставлении данных долей по льготным основаниям фактическим пользователям несет экономическую выгоду для муниципалитетов: из непредоставленных земельных долей формируется земельный участок, находящийся в собственности муниципального образования, который представляет собой доходную статью местного бюджета [7, с. 103]. Также широкие дискреционные полномочия органов местного самоуправления могут стать коррупциогенным фактором: отказ в праве на льготу фактическим пользователям по п. 5.1 ст. 10 Закона № 101-ФЗ и/или предоставление соответствующей льготы аффилированным лицам могут использоваться муниципальными должностными лицами в целях личного обогащения или получения иных выгод для себя и третьих лиц.

В подобных условиях требуется особая защита интересов сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств, которые фактически используют НЗД. В частности, Е. В. Сырых предлагает подключить к процессу заключения соглашения об использовании земельных участков, находящихся в общей долевой собственности (включая НЗД), не только собственников земельных долей и сельскохозяйственных производителей, но и органы местного самоуправления (в качестве представителей публичных интересов и интересов правообладателей НЗД) [7, с. 104–105].

Как отметил Верховный Суд Российской Федерации в своем обзоре, для подтверждения фактического использования земельных участков (для целей п. 5.1 ст. 10 Закона № 101-ФЗ) сельскохозяйственные организации

Фивейский И. Д. Отдельные проблемы утверждения списка невостребованных земельных долей

и крестьянские (фермерские) хозяйства могут использовать любые относимые, допустимые и достоверные доказательства⁵. Представляется, что именно таким доказательством может стать договор о предоставлении земельных участков (включая НЗД) в пользование сельскохозяйственным организациям или крестьянским (фермерским) хозяйствам, заключенный участниками долевой собственности в рамках фактического «распоряжения» НЗД.

Безусловно, подобный формат не является оптимальным и нуждается в совершенствовании по модели, предложенной Е. В. Сырых. Однако на данном этапе наличие даже такого договора может способствовать защите законных интересов сельскохозяйственных производителей, фактически использующих НЗД.

Впрочем, злоупотребление соответствующими возможностями со стороны собственников земельных долей может привести и к обратному эффекту. Фактическое «распоряжение» НЗД должно быть строго ограничено во времени и должно преследовать правовую цель, соответствующую общим целям земельно-правового регулирования. Иными словами, такое «распоряжение» будет полезным только в тех случаях, когда участники долевой собственности впоследствии собираются признать НЗД таковыми в порядке, установленном ст. 12.1 Закона № 101-ФЗ.

Подобное развитие событий видится маловероятным, поскольку переход НЗД в муниципальную собственность неизбежно исключает возможность участников общего собрания извлекать имущественную выгоду из фактического «распоряжения» такими долями. В свою очередь, сельскохозяйственные производители, опасаясь рисков злоупотреблений со стороны органов местного самоуправления в случае перехода НЗД в муниципальную собственность и учитывая признанную законом и судебной практикой возможность фактически использовать такие доли, также могут быть не заинтересованы в изменении текущего положения. Соответственно, условия договора (с «правом» фактического использования НЗД) с повышенной ставкой арендной платы могут быть выгодны как участникам общего собрания, так и сельскохозяйственным производителям.

С точки зрения обеспечения фактического целевого использования НЗД «здесь и сейчас» подобная ситуация действительно будет способствовать недопущению простаивания и деградации земель. Но в перспективе НЗД так и не будут полноценно вовлечены в правовое поле, что негативно скажется на целевом использовании земель сельскохозяйственного назначения в будущем (например, после банкротства текущего фактического пользователя).

Если сельскохозяйственные производители могут изменить свою позицию под угрозой привлечения к административной ответственности и отказаться от фактического использования НЗД, то эффективных инструментов понуждения недобросовестных участников долевой собственности к утверждению списка НЗД в настоящее время не существует.

⁵ Обзор судебной практики по делам, связанным с предоставлением земельных участков сельскохозяйственным организациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам для ведения сельскохозяйственного производства.

Проблемы передачи полномочий по утверждению списков НЗД органам местного самоуправления

Наличие ранее отмеченных рисков злоупотреблений со стороны недобросовестных участников долевой собственности осознается и в академической литературе. При этом в качестве одного из способов их устранения предлагается дальнейшее упрощение процедуры признания земельных долей невостребованными посредством предоставления органам местного самоуправления полномочий самостоятельно не только составлять списки НЗД, но и утверждать их.

В частности, Н. И. Ковальчук предлагает отказаться от утверждения списка НЗД общим собранием и предоставить полномочия по утверждению соответствующего списка органам местного самоуправления (даже в отсутствие четырехмесячного бездействия со стороны общего собрания, как это сейчас предусмотрено п. 7 ст. 12.1 Закона № 101-ФЗ) [12, с. 41]. По мнению Н. И. Ковальчук, подобный шаг будет способствовать более оперативному решению проблемы деградации НЗД, что укладывается в логику императивного разрешительного правового регулирования использования и охраны земель [12, с. 41], на что указывают и другие авторы [14]. Н. И. Ковальчук полагает, что участие общего собрания в процедуре признания земельных долей невостребованными является «излишней церемонией», так как среди участников общего собрания отсутствуют лица, заинтересованные в утверждении списка НЗД. При этом права и законные интересы собственников земельных долей, которые могут быть признаны невостребованными, обеспечиваются участием в общем собрании органов местного самоуправления (в порядке, предусмотренном ст. 19.3 Закона № 101-ФЗ до 1 января 2025 г.) [12, с. 41].

Однако, как представляется, данный подход не учитывает следующего: п. 3 ст. 19.3 Закона № 101-ФЗ предусматривает участие органов местного самоуправления в общем собрании от имени лиц, земельные доли которых уже были признаны невостребованными (но право собственности на которые еще не перешло к муниципальному образованию в соответствии с процедурой, установленной до 1 января 2025 г.).

Иными словами, участие органов местного самоуправления в общих собраниях в данном случае призвано сформировать правовое основание для определения порядка использования земельных долей, признанных невостребованными. Именно в рамках данной логики устанавливается и предельный срок участия органов местного самоуправления в общих собраниях до 1 января 2025 г. После 1 января 2025 г. потребность в участии органов местного самоуправления от имени собственников НЗД отпадает, так как с этого момента земельные доли будут переходить в муниципальную собственность сразу же после признания их невостребованными.

Кроме того, в соответствии с п. 6 ст. 14.1 Закона № 101-ФЗ допускается применение особых правил для определения кворума⁶, если ввиду большой

⁶ 50% общего числа участников долевой собственности на этот земельный участок, не включенных в список лиц, земельные доли которых могут быть признаны невостребованными.

Фивейский И. Д. Отдельные проблемы утверждения списка невостребованных земельных долей

доли НЗД невозможно обеспечить кворум по правилам п. 5 данной статьи. Из положений приведенной нормы следует, что орган местного самоуправления не принимает участия в общих собраниях от имени лиц, земельные доли которых могут быть признаны (но еще не были признаны) невостребованными. Соответственно, орган местного самоуправления не обеспечивает интересы таких лиц на этапе утверждения списка НЗД общим собранием.

Впрочем, справедливым будет отметить, что Н. И. Ковалчук ставит вопрос не о том, вправе ли органы местного самоуправления представлять интересы лиц, чьи земельные доли могут быть признаны невостребованными, в рамках утверждения списков НЗД общим собранием, а о том, целесообразно ли вообще предоставлять общему собранию право утверждать списки НЗД.

Безусловно, подход, реализованный в действующем законодательстве, ориентирован на защиту коллективных интересов участников долевой собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения и призван обеспечить баланс публичных интересов государства и интересов частных собственников земельных участков (особенно учитывая итоговый результат признания земельных долей невостребованными в виде фактического лишения частных лиц права собственности на соответствующие земельные доли). Кроме того, собственники земельных долей, которые могут быть признаны невостребованными, могут заявить о необоснованности их включения в соответствующие списки именно на общем собрании (п. 6 ст. 12.1 Закона № 101-ФЗ).

Таким образом, утверждение списка НЗД общим собранием представляет собой определенный компромисс, который позволяет достигать ключевой цели анализируемого института (в виде прекращения деградации сельскохозяйственных земель и возвращения их в оборот), подключая к данному процессу не только публичных, но и частных субъектов. Соответственно, передача полномочий по утверждению списка НЗД муниципалитетам видится не вполне соответствующей принципу балансировки публичных и частных интересов.

Предложения по совершенствованию законодательства в целях преодоления рисков злоупотреблений при утверждении списков НЗД

В целях преодоления выявленных рисков злоупотреблений со стороны недобросовестных участников долевой собственности представляется оправданным предоставить органам местного самоуправления право оспаривать в суде решения общего собрания об утверждении списков НЗД.

Здесь стоит отметить, что ОМС и в настоящее время обладает правом оспаривать являющиеся ничтожными решения общего собрания об отказе в утверждении списка НЗД. Однако применение последствий недействительности к ничтожным решениям общих собраний гражданско-правовых сообществ требует наличия достаточно серьезного нарушения.

В соответствии со ст. 181.5 ГК РФ ничтожным является решение общего собрания, которое противоречит основам правопорядка и нравственности.

При определенном судебном толковании посягательством на основы правопорядка может признаваться и отказ в утверждении списка НЗД

(в частности, если подобный отказ сопряжен с намерением участников общего собрания предоставлять НЗД в пользование третьим лицам в отсутствие правового основания для пользования землей).

Так, в соответствии с положениями ст. 9 Конституции Российской Федерации земля и другие природные ресурсы являются основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. С учетом подобного конституционно-правового значения земли отказ в утверждении списка НЗД может быть квалифицирован как угроза сохранению плодородия земель как природного ресурса.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что противоречие публичному порядку должно проявляться в виде заведомого и очевидного нарушения закона и норм морали⁷. В анализируемой ситуации в совокупности с наличием прямого публичного интереса в сохранении плодородности земель сельскохозяйственного назначения указанная заведомая неправовая цель отказа в утверждении списков НЗД может квалифицироваться судами как основание для ничтожности соответствующих решений общего собрания.

Таким образом, потенциально и в настоящее время орган местного самоуправления может обратиться в суд с требованием о признании ничтожным решения общего собрания, которым было отказано в утверждении списка НЗД или необоснованно были исключены из списка отдельные земельные доли.

Но соответствующая возможность лишь косвенно опирается на общие положения гражданского законодательства о ничтожности решений общих собраний, а также на общие положения Конституции России и правоприменительную практику Конституционного Суда Российской Федерации. На практике реализация такой возможности может оказаться затруднительной, а также будет требовать формирования последовательной судебной практики по соответствующим категориям дел.

В частности, потенциально сложно будет признать ничтожным отказ в утверждении списка НЗД (или решение об исключении отдельных земельных долей из списка) в случаях, когда соответствующие доли фактически используются сельскохозяйственными производителями. Несмотря на отсутствие правовых оснований такого использования, посягательства на конституционно значимые ценности (землю как основу жизни и деятельности) в данном случае уже не будет, как и на публичный порядок в целом.

В подобном контексте оптимальным представляется прямое закрепление в Законе № 101-ФЗ права органов местного самоуправления оспаривать решения общего собрания об отказе в утверждении списков НЗД или о необоснованном исключении отдельных земельных долей из данного списка.

⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2004 г. № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества “Уфимский нефтеперерабатывающий завод” на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации “О налоговых органах Российской Федерации”». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Несмотря на то что в соответствии с п. 3 ст. 181.4 ГК РФ правом оспаривания решений общих собраний наделены только участники гражданско-правового сообщества, в случае принятия решения об утверждении списка НЗД предлагается рассматривать орган местного самоуправления как действующий от имени участников, земельные доли которых могут быть признаны невостребованными.

Соответствующее положение представляется целесообразным включить в текст Закона № 101-ФЗ, дополнив п. 7 ст. 12.1 данного Закона новым абзацем следующего содержания:

«В случае, если общим собранием участников долевой собственности было принято решение об отказе в утверждении списка невостребованных земельных долей или если общим собранием участников долевой собственности было принято необоснованное решение об исключении земельных долей из списка невостребованных земельных долей, орган местного самоуправления поселения, муниципального округа или городского округа по месту расположения земельного участка, находящегося в долевой собственности, вправе обратиться в суд с требованием о признании решения собрания недействительным».

Предоставление соответствующего права органам местного самоуправления позволит обеспечить объективное и справедливое разрешение спорной ситуации, а тем самым исключить риски злоупотреблений как со стороны недобросовестных участников долевой собственности, так и со стороны самого органа местного самоуправления. Судебный порядок позволит эффективно устранять возникающие проблемы.

Кроме того, в случаях, когда земельные участки с НЗД фактически используются сельскохозяйственными организациями или крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, целесообразным видится привлечение их в судебный процесс в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований. Также такие организации согласно положениям ст. 43 ГПК РФ смогут выступать участниками мирового соглашения.

В заключение отметим, что переход с 1 января 2025 г. на новый порядок признания права муниципальной собственности на земельные доли может нести в себе риски злоупотреблений как со стороны участников долевой собственности и сельхозпроизводителей, использующих соответствующие земельные участки, так и со стороны органов местного самоуправления. Поэтому предлагается наделить органы местного самоуправления правом оспаривания решений общего собрания участников, согласно которым было отказано в утверждении списка НЗД или было осуществлено необоснованное исключение из данного списка отдельных земельных долей, а также привлекать сельхозпроизводителей, фактически использующих соответствующие земельные участки, в судебный процесс в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований.

Предложенный подход позволит не только существенно снизить риски злоупотреблений со стороны участников долевой собственности и органов местного самоуправления, но и создать дополнительный правовой механизм для обеспечения прав и законных интересов сельхозпроизводителей.

Список источников

1. Актуальные проблемы теории земельного права России : моногр. / под общ. ред. А. П. Анисимова. М. : Юстицинформ, 2020. 800 с.
2. Липски С. А. Земельные доли в сельскохозяйственном землепользовании постсоветской России: возникновение, трансформация их статуса, текущие проблемы и пути их решения : моногр. М. : ГУЗ, 2020. 320 с.
3. Липски С. А., Цыпкин Ю. А., Близнюкова Т. В. Наличие большого числа невостребованных земельных долей является препятствием развития аграрного производства // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2019. № 9 (176). С. 22–26.
4. Липски С. А. Достаточно ли полномочий у муниципалитетов для того, чтобы, разрешая проблему невостребованных земельных долей, не усугубить ошибки реформы 1990-х годов? // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2021. № 4. С. 20–24.
5. Липски С. А. «Работа» муниципалитетов с бывшими невостребованными земельными долями как фактор устойчивого развития сельских территорий // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22–23 апр. 2021 г.) / ред. И. В. Милькина, С. П. Косарин. М. : Изд. дом ГУУ, 2021. С. 400–403.
6. Хлыстун В. Н., Мурашева А. А., Цыпкин Ю. А. и др. Правовые аспекты вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых и невостребованных земель сельскохозяйственного назначения : моногр. / науч. ред. С. А. Липски, В. Н. Хлыстун. М. : ГУЗ, 2020. 296 с.
7. Сырых Е. В. Невостребованные земельные доли как препятствие к использованию земельного участка // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 2 (245). С. 98–106.
8. Устюкова В. В. Конкретизация понятия фактического использования земельного участка сельскохозяйственного назначения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 1 (53). С. 102–109.
9. Румянцев Ф. П. Теоретико-правовой анализ легального определения понятия «невостребованная земельная доля» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 65–69.
10. Нилов К. Н. Генезис понятия «nevostrebovannaya zemel'naya dolya» в российском законодательстве // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 3. С. 5–13.
11. Волков С. Н. Совершенствование землеустройства при образовании земельных участков, выделяемых в счет земельных долей // Международный сельскохозяйственный журнал. 2023. № 3 (393). С. 208–211.
12. Ковальчук Н. И. Упрощенная процедура оформления невостребованных земельных долей // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 40–42.
13. Липски С. А. Невостребованные земельные доли и обновление законодательства о землеустройстве // Экологическое право. 2021. № 6. С. 17–21.
14. Волков Г. А. Основные начала земельного права // Экологическое право. 2022. № 1. С. 10–16.

References

1. Anisimov, A. P., ed. *Actual problems of the theory of land law in Russia*. Monograph. Moscow: Yustitsinform; 2020. 800 p. (In Russ.)

Фивейский И. Д. Отдельные проблемы утверждения списка невостребованных земельных долей

2. Lipski, S. A. *Land shares in agricultural land use in post-Soviet Russia: the emergence, transformation of their status, current problems and ways to solve them*. Monograph. Moscow: State University of Land Management; 2020. 320 p. (In Russ.)
3. Lipski, S. A., Tsyplkin, Yu. A., Bliznyukova, T. V. The presence of a large number of unclaimed land shares is an obstacle to the development of agricultural production. *Zemleustroystvo, kadastr i monitoring zemel' = Land Management, Cadaster and Land Monitoring*. 2019;(9):22-26. (In Russ.)
4. Lipski, S. A. Do municipalities have enough powers to avoid aggravating the mistakes of the reform of the 1990s in the solution of the problem of unclaimed farmland allotments? *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal Service: Legal Issues*. 2021;(4):20-24. (In Russ.)
5. Lipski, S. A. "Work" of municipalities with former unclaimed land shares as a factor of sustainable rural development. In: I. V. Milkina, S. P. Kosarin, eds. *The role of local self-government in the development of the state at the present stage*. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference (Moscow, 22–23 April 2021). Moscow: Publishing House of the State University of Management; 2021. Pp. 400–403. (In Russ.)
6. Khlystun, V. N., Murasheva, A. A., Tsyplkin, Yu. A., et al. *Legal aspects of the involvement of unused and unclaimed agricultural lands in economic turnover*. Monograph. Eds. S. A. Lipski, V. N. Khlystun. Moscow: State University of Land Management; 2020. 296 p. (In Russ.)
7. Syrykh, E. V. Unclaimed land shares as an obstacle to the use of a land plot. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiskoj Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*. 2022;(2):98-106. (In Russ.)
8. Ustyukova, V. V. Specification of the legal definition of the term "the actual use of the agricultural land plot". *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019;(1):102-109. (In Russ.)
9. Rumyantsev, F. P. Theoretical and legal analysis of the legal definition of the concept of "unclaimed land share". *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):65-69. (In Russ.)
10. Nilov, K. N. Genesis of the concept of "unclaimed land share" in Russian legislation. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Science*. 2022;(3):5-13. (In Russ.)
11. Volkov, S. N. Land use planning improvement in the formation of land plots allocated at the expense of land shares. *Mezhdunarodnyj sel'skokhozyajstvennyj zhurnal = International Agricultural Journal*. 2023;(3):208-211. (In Russ.)
12. Kovalchuk, N. I. Streamlined proceedings of unclaimed farmland allotment registration. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*. 2023;(5):40-42. (In Russ.)
13. Lipski, S. A. Unclaimed farmland allotments and update of land utilization laws. *Ekologicheskoe pravo = Environmental Law*. 2021;(6):17-21. (In Russ.)
14. Volkov, G. A. The key origins of land law. *Ekologicheskoe pravo = Environmental Law*. 2022;(1):10-16. (In Russ.)

Информация об авторе

И. Д. Фивейский – студент 3 курса.

Information about the author

I. D. Fiveysky – 3rd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 03.06.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 03.06.2024.

Семейное право / Family I Law

Научная статья

УДК 347.61

EDN: KUJXVX

Аборт как антагонизм демографического вектора развития семейного законодательства

Алена Сергеевна Литвин

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия
✉ alenalitvin03@mail.ru

Научный руководитель: **А. В. Фиошин**, к.ю.н., доцент, профессор кафедры
гражданского-правовых дисциплин Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева

Аннотация. Развитие действующего российского законодательства свидетельствует о проводимой государством демографической политике. Однако абORTы, которые противопоставлены рождаемости, активно производятся на территории Российской Федерации. Это связано с тем, что право женщины на абORT, который может быть проведен по трем основаниям, регламентируется законом.

Характеристика абORTа как категорически отрицательного действия связана, в частности, с негативным влиянием на репродуктивную систему женского организма и, как следствие, сложностью протекания беременности в дальнейшем; отрицательной нравственной оценкой; действием беременной женщины, фактически заключающимся в умерщвлении плода как организма, отличного генетически от организма матери; наличием в государстве основ для становления идеологии, основанной на традиционных ценностях, к числу которых относится крепкая семья, сущность которой заключается в приоритете воспитания детей, стабильных супружеских отношений.

В статье приводятся доводы в пользу запрета абORTов по желанию женщины на законодательном уровне при допустимости лишь двух оснований для проведения данного действия – медицинских и социальных факторов.

Ключевые слова: аборт, демографическая обстановка, беременность, ребенок, традиционные ценности, рождаемость

Для цитирования: Литвин А. С. Аборт как антагонизм демографического вектора развития семейного законодательства // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 72–78.

Original article

Abortion as an Antagonism of the Demographic Vector of Family Law Development

Alena S. Litvin

Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

✉ alenalityvin03@mail.ru

Scientific supervisor: A. V. Fioshin, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Professor of the Civil Law Disciplines Department of the Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Abstract. The development of the current Russian legislation testifies to the actively pursued demographic policy of the state. However, abortions, which are opposed to fertility, are actively performed on the territory of the Russian Federation. This is due to the fact that a woman's right to an abortion, which can be carried out on three grounds, is regulated by law.

The characteristic of abortion as a categorically negative act is associated, in particular, with a negative impact on the reproductive system of the female body and, as a result, the complexity of pregnancy in the future; a negative moral assessment; the action of a pregnant woman, actually consisting in the killing of the fetus, as an organism that is genetically different from the mother's body; the presence in the state of the foundations for the formation of an ideology based on traditional values, which include a strong family, the essence of which is the priority of raising children, stable marital relations.

As a conclusion, it is proposed to prohibit abortions at the request of a woman at the legislative level, leaving only two grounds for this action – medical and social factors.

Keywords: abortion, demographic situation, pregnancy, child, traditional values, fertility

For citation: Litvin, A. S. Abortion as an antagonism of the demographic vector of family law development. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):72-78. (In Russ.)

Современная демографическая политика Российской Федерации весьма противоречива. Нормативная база, так или иначе затрагивающая проблемы демографической обстановки, вызывает ряд вопросов, в частности: как можно призывать к повышению рождаемости в стране, если искусственное прерывание беременности не просто разрешено, а закреплено на законодательном уровне¹? Отметим, что направленность на улучшение демографической ситуации в России выражается в трех компонентах: повышение миграционной привлекательности страны, снижение уровня смертности граждан и, наконец, повышение уровня рождаемости [1, с. 105]. Думается, что миграционная привлекательность страны – сомнительный

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

фактор улучшения российской демографической обстановки, поскольку данная мера свидетельствует скорее о невозможности страны своими силами обеспечить нормальный уровень рождаемости.

Учитывая изложенное, логично обратить внимание на искусственное прерывание беременности (аборт) как явление, антагонистичное поддержанию нормального уровня рождаемости в стране [2, с. 198] и разрушающее традиционные, проверенные веками представления о ценности жизни ребенка вне зависимости от стадии его развития.

Согласно статистическим данным с 2009 по 2016 г. число абортов в России снизилось с 1 млн 161 тыс. случаев до 738 тыс.² Однако в 2022 г. на научно-практической конференции «Аборт и здоровье женщины» специалисты отметили, что число не появившихся на свет детей составило 1 млн 795 тыс.³ Такая разница в показателях на первый взгляд идущего на убыль явления может быть связана с тем, что федеральная статистика на основе данных Министерства здравоохранения учитывает исключительно хирургическое вмешательство в организм женщины с целью прерывания беременности. Но есть и такие варианты осуществления абортов (условно менее травматичные), используемые на ранних сроках беременности, которые сложно отследить и подсчитать, как экстренная контрацепция, медикаментозный аборт. И, определенно, последние – наиболее социально и морально «дикие» способы избавления от зачатого ребенка, поскольку, думается, обычно к ним прибегают не в связи с социальными или медицинскими показаниями, а из-за безответственного отношения к содеянному. По мнению М. Н. Жаровой, аборт является методом регуляции рождаемости на индивидуальном уровне при условии низкой медицинской культуры [3].

Более того, согласно результатам научных исследований экстренная контрацепция особенно распространена в молодежной среде, что говорит о полном отсутствии в умах молодежи сознательного отношения к возможной беременности [4, с. 10].

Совершение абортов молодыми женщинами осложняет беременность в осознанном возрасте. Учитывая современные тенденции, о каком тогда повышении уровня рождаемости можно говорить? Ни один аборт не проходит бесследно для здоровья женщины и является главным повреждающим фактором репродуктивной системы, как считают многие авторы. Более того, аборт – один из самых опасных видов хирургического вторжения в организм человека [5, с. 727].

При этом законодатель в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁴ (далее – Закон № 323-ФЗ) предусматривает возможность искусственно-

² Государственная статистика. Число прерываний беременности // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/41696> (дата обращения: 08.03.2024).

³ Медики подсчитали, сколько абортов делается в России: цифра невероятная // MKRU : [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/social/2023/10/01/mediiki-podschitali-skolkok-abortov-delaetsya-v-rossii-cifra-neveroyatnaya.html> (дата обращения: 08.03.2024).

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

го прерывания беременности по желанию женщины при сроке до 12 недель, а также по социальным показаниям – до 22 недель и медицинским показаниям – независимо от срока беременности.

Для улучшения демографической обстановки в стране была разработана Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.⁵, которая, в том числе, содержит следующие задачи: повышение уровня рождаемости, укрепление института семьи, сохранение традиций семейных отношений и др. [6, с. 441]. Так, законодательство России, регулирующее семейные отношения (дополнительно к перечисленному Конституция Российской Федерации и Семейный кодекс Российской Федерации), бесспорно, направлено на защиту интересов уже рожденных детей, однако в противовес этому факту можно поставить отсутствие малейшей защиты еще не появившихся на свет детей. Женщина, имеющая в себе зародившуюся жизнь, может в течение 12 недель с момента зачатия совершенно безнаказанно прервать ее. Пока у каждой матери, обнаружившей в соответствующий период наличие в ней растущего, генетически отличного от нее организма, есть предусмотренное законом право уничтожить его, говорить о повышении демографического уровня, ответственном отношении к детям и понимании значимости традиционных семейных ценностей не имеет смысла. Другое дело – когда причинами выступают социальные и медицинские показания.

Вопрос осознанного отношения к нерожденным детям кроется в двух плоскостях: законодательной и ценностно-идеологической. Вообще наличие осознанности, пожалуй, связано с определенной как личной ответственностью, так и со стороны государства, поскольку, не имея опыта негативных санкций за содеянное, лицо будет действовать так, как ему кажется наиболее простым.

Итак, почему сегодня женщины выбирают путь в виде избавления от ребенка, а не его рождение, создание семьи? Законодательный аспект связан с отсутствием правовой защиты еще не рожденных детей. Так, согласно Закону № 323-ФЗ рождением признается отделение плода от организма матери посредством родов. То есть до рождения лица неразрывно связано с организмом матери и не является самостоятельным субъектом права. Этот тезис находит подтверждение и в уголовном законе. Заметим, что жизнь как высшая ценность, как объект уголовно-правовой охраны защищается только в случае ее отчуждения у фактически самостоятельных индивидов. Посягательство на жизнь женщины, находящейся в состоянии беременности, не рассматривается как посягательство на две жизни (матери и плода), что указывает на то, что еще не родившийся ребенок и его жизнь не имеют ценности, а аборт как лишение жизни такого ребенка, соответственно, правомерен.

Представляется, что оценка жизни как периода от рождения до смерти не совсем корректна, поскольку жизнь, с точки зрения эмбриологии, воз-

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299/page/1> (дата обращения: 08.03.2024).

никает раньше, чем ребенок отделяется от организма матери. Даже если он не самостоятелен и без материнского организма нежизнеспособен, но он **живет** и развивается до появления на свет, обладает признаками жизни, а следовательно, правом на жизнь. То есть зачатый ребенок частично правоспособен, и его жизнь как основа жизни после рождения не менее ценна. Думается, что в связи с изложенным необходимо установить ответственность за искусственное прерывание беременности не по медицинским и социальным показаниям [7, с. 25].

Отсутствие правильного восприятия ценности жизни ребенка женщиной может быть связано также с незакрепленной нормативно-государственной идеологией [8, с. 22]. И речь здесь даже не о правовом нигилизме, а об отсутствии единой установки в умах всех граждан, заключающейся в уважении традиционных ценностей, стремлении создать стабильную и счастливую семью, воспитать детей в лучших духовно-нравственных традициях. Президент России В. В. Путин на закрытии Всемирного фестиваля молодежи отметил, что традиционные ценности – это фундамент нашей жизни, нашего бытия⁶. С этой установкой нельзя не согласиться, а также нельзя отрицать, что для того, чтобы государство не теряло свою самобытность, необходимо закрепить идеологию, которая объединила бы всех граждан в стремлении создать благополучную семью, чувстве патриотизма и др. [9, с. 70].

Желание женщины избавиться от зачатого ребенка, в особенности если речь идет не о первенце, может быть обусловлено недостаточной государственной поддержкой многодетных семей. Например, Указ Президента Российской Федерации от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей»⁷ устанавливает в качестве меры социальной поддержки бесплатное обеспечение детей до 6 лет лекарственными препаратами. Однако по достижении 6 лет детям по-прежнему необходимы лекарства. Так, некоторые меры, направленные на стимулирование рождения детей, являются половинчатыми, в связи с чем для улучшения демографической обстановки в стране государству необходимо не только стимулировать рождаемость, но и быть готовым обеспечивать должное развитие детей до достижения ими совершеннолетия. В случае, если последнее не будет реализовываться, существует угроза воспитания необеспеченными и неблагополучными семьями неблагонадежных граждан России. Таким образом, государство во избежание производства искусственного прерывания беременности должно финансово стимулировать женщин, у которых есть дети, а потенциальных матерей стимулировать идеологически, готовить их психологически. Это может выражаться в проведении просветительских семинаров в школах и вузах, на которых будет разъясняться ценностное значение сохранения жизни ребенка; следует распространять информацию о том, какой вред наносит аборт организму женщины, каким

⁶ Закрытие Всемирного фестиваля молодежи // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/73615> (дата обращения: 19.04.2024).

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 5. Ст. 665.

образом реализуется абортивный материал (продукты питания, косметические средства, медицинские исследования) и др.

Не следует забывать и об обратной стороне медали. В случае, если аборт будет запрещен (кроме наличия социального и медицинского факторов), у женщины не будет выбора – сохранить беременность или избавиться от плода. Это может повлечь рождение нежеланных детей, которые с большой вероятностью будут воспитываться в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, либо, что хуже, в ужасных условиях семьи, которая не сможет дать нежеланному ребенку должные воспитание и обеспечение. В связи с этим государству необходимо быть готовым полностью обеспечивать и «растить» полноценных граждан и личностей из нежеланных, вопреки всему появившихся на свет детей. Однако данный вопрос остается дискуссионным и требует дальнейшей проработки в рамках комплексных научных исследований с участием специалистов из различных областей науки.

Подводя итог изложенному, еще раз следует обратить внимание на то, что аборт является камнем преткновения для улучшения демографической ситуации в России. Кроме того, аборт – действие подчас аморальное, при этом осознанное, что делает его вдвойне жутким. Видится, что искоренить абортивное мышление современных женщин нельзя посредством исключительно морально-идеологического воздействия. Необходимо запретить аборты по желанию на уровне нормативных правовых актов и установить ответственность за их проведение. Представляется, что это повысит осознание женщинами ценности жизни ребенка на начальном этапе развития.

Список источников

1. Андрюшина Е. В., Панова Е. А. Государственная политика по стимулированию рождаемости и поддержки семей с детьми: практика современной России // Власть. 2019. № 5. С. 105–111.
2. Хамер Г. В., Садковкин А. А., Степанова Ю. Д. Проблема аборта в контексте демографии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 7 (101). С. 198–203.
3. Жарова М. Н. Аборт как проблема биомедицинской этики // Relga : сетевое изд. 2010. № 9 (207). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2652&level1=main&level2=articles>.
4. Аганезов С. С., Мороцкая А. В., Аганезова Н. В. Экстренная контрацепция в молодежной среде // Гинекология. 2016. № 5. С. 10–13.
5. Петров Ю. А., Байкулова Т. Ю. Современные представления о проблеме искусственного прерывания беременности (обзор литературы) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 8 (5). С. 727–731.
6. Неудахина Ю. Г. Основные пути улучшения демографической ситуации в России // Экономика и социум. 2016. № 12-2 (31). С. 440–443.
7. Фиошин А. В. О правах ребенка до и после рождения // Нотариус. 2021. № 2. С. 24–29.
8. Фиошин А. В. Об основах формирования государственной политики по поддержке семей и сохранению традиционных семейных ценностей (или концепция четырех «И») // Нотариус. 2022. № 6. С. 22–26.

Литвин А. С. Аборт как антагонизм демографического вектора семейного законодательства

9. Литвин А. С. Морально-патриотическая устремленность поправок к Конституции Российской Федерации // Конституция 1993 года: история и новые горизонты : материалы Всерос. науч.-практ. кр. стола (Москва, 13 дек. 2023 г.). М. : Моск. акад. След. комитета им. А. Я. Сухарева, 2024. С. 67–71.

References

1. Andryushina, E. V., Panova, E. A. Government policy on fertility stimulation and support of families with children: the practice of modern Russia. *Vlast' = Power*. 2019;(5):105-111. (In Russ.)
2. Khamer, G. V., Sadkovkin, A. A., Stepanova, Yu. D. The problem of abortion in the context of demography. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice*. 2023;(7):198-203. (In Russ.)
3. Zharova, M. N. Abortion as a problem of biomedical ethics. *Relga*. E-edition. 2010;(9). (In Russ.). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2652&level1=main&level2=articles>.
4. Aganezov, S. S., Morotskaya, A. V., Aganezova, N. V. Emergency contraception among young people. *Gynecology*. 2016;(5):10-13. (In Russ.)
5. Petrov, Yu. A., Baykulova, T. Yu. Modern views on the problem of artificial interruption of pregnancy (literature review). *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanij = International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016;(8):727-731. (In Russ.)
6. Neudakhina, Yu. G. The main ways to improve the demographic situation in Russia. *Ekonomika i sotsium = Economics and Society*. 2016;(12-2):440-443. (In Russ.)
7. Fioshin, A. V. On child's rights before and after birth. *Notarius = Notary*. 2021;(2):24-29 (In Russ.)
8. Fioshin, A. V. On fundamentals of establishment of the state policy for support of families and preservation of traditional family values (or the four "I'S" concept). *Notarius = Notary*. 2022;(6):22-26. (In Russ.)
9. Litvin, A. S. The moral and patriotic aspiration of amendments to the Constitution of the Russian Federation. *The Constitution of 1993: history and new horizons*. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table (Moscow, 13 December 2023). Moscow: Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; 2024. Pp. 67–71. (In Russ.).

Информация об авторе

А. С. Литвин – обучающийся 4 курса факультета подготовки следователей.

Information about the author

A. S. Litvin – 4th year student of the Faculty of Investigator Training.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принятая к публикации 19.04.2024.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 19.04.2024.

Уголовное право / Criminal Law

Научная статья

УДК 343.542.1

EDN: MIWNIC

Международно-правовые основы криминализации действий, связанных с незаконным оборотом порнографии

Андрей Михайлович Возняк

Прокуратура г. Москвы, Москва, Россия

✉ voznjak1347@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы представленной работы заключается в наметившейся тенденции ежегодного роста количества выявляемых преступлений в сфере незаконного оборота порнографических материалов и предметов. Отечественные правовые механизмы в рассматриваемой сфере недостаточно эффективны, поскольку распространность незаконного оборота порнографии не соотносится с числом привлекаемых к уголовной ответственности лиц. Задачей проведенного исследования является изучение опыта международно-правового регулирования в сфере регламентации оборота порнографии, выявление отличительных особенностей, которые могут быть использованы для оптимизации отечественного уголовного законодательства. Нормативную основу исследования составили положения российского и международного законодательства в сфере противодействия обороту порнографии, а также памятники права, эмпирической основой выступили статистические данные и интернет-исследования.

В статье рассмотрены международно-правовые документы в сфере противодействия обороту порнографии, выявлены отдельные положения, которые могут быть имплементированы в российскую правовую систему. На основе проведенного анализа обоснована потребность в корректировке содержания международно-правовых механизмов привлечения к ответственности за незаконный оборот порнографии.

Ключевые слова: порнография, оборот порнографии, уголовная ответственность за оборот порнографии, криминализация оборота порнографии, нормативное определение порнографии

Для цитирования: Возняк А. М. Международно-правовые основы криминализации действий, связанных с незаконным оборотом порнографии // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 79–90.

Original article

The International Legal Framework for the Criminalization of Acts Related to the Illicit Trafficking of Pornography

Andrey M. Voznyak

Moscow City Prosecutor's Office, Moscow, Russia

✉ voznjak1347@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic of the presented work lies in the emerging trend of an annual increase in the number of detected crimes in the field of illicit trafficking in pornographic materials and objects. Domestic legal mechanisms in this area are not effective enough, since the prevalence of illegal trafficking in pornography does not correlate with the number of persons prosecuted. The objectives of the conducted research are to study the experience of international legal regulation in the field of regulation of pornography trafficking, to identify distinctive features that can be used to optimize domestic criminal legislation. The normative basis of the study was the provisions of Russian and international legislation in the field of combating trafficking in pornography, as well as legal monuments, the empirical basis was statistical data and Internet research. The article examines international legal documents in the field of countering pornography trafficking, identifies certain provisions that can be implemented in the Russian legal system. Based on the analysis, the need to adjust the content of international legal mechanisms on liability for illegal trafficking in pornography is justified.

Keywords: pornography, pornography trafficking, criminal liability for pornography trafficking, criminalization of pornography trafficking, the normative definition of pornography

For citation: Vozniak, A. M. The international legal framework for the criminalization of acts related to the illicit trafficking of pornography. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):79-90. (In Russ.)

Для более глубокого понимания тонкостей отечественного нормативного регулирования оборота порнографии необходимо изучить и систематизировать нормы международного права в рассматриваемой сфере.

Отправной точкой международного сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту порнографии является заключенное в начале XX в. в Париже «Соглашение относительно пресечения обращения порнографических изданий»¹, участником которого, среди прочих, являлся и СССР. В соответствии с этим документом участники договорились создать орган, уполномоченный аккумулировать информацию, которая может быть использована соответствующими учреждениями других стран для розыска и пресечения порнографии, обеспечивать изъятие порнографических материалов и предметов, обмениваться сведениями о национальном правовом регулировании оборота порнографии и вынесенных приговорах

¹ Соглашение относительно пресечения обращения порнографических изданий (заключено в Париже 4 мая 1910 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. IX. М. : НКИД, 1938. С. 105–107.

по данной категории уголовных дел. При этом создаваемые органы должны обладать полномочиями прямого взаимодействия с однородными учреждениями, созданными в каждом из других договаривающихся государств, а правительство Французской Республики выступило органом, координирующим эту деятельность. Указанный документ носит скорее декларационный характер и является отправной точной для дальнейшего международного сотрудничества в борьбе с порнографией, фактически отнеся данное явление к категории трансграничных. Вместе с тем Соглашение фактически не содержит вопросов материального права, легального определения порнографии, ее отличительных признаков, не описывает способов распространения таких материалов и предметов, не включает перечень деяний, признаваемых противоправными, хоть и содержит в п. 1 ст. 1 примерный, открытый список предметов, которые могут признаваться порнографическими: «сочинения, рисунки, изображения или предметы, составные элементы которых имеют международный характер».

Соглашение действует до настоящего времени и претерпело изменение лишь в 1949 г., когда принятым в Нью-Йорке Протоколом² возложенные на правительство Французской Республики координирующие функции были переданы Организации Объединенных Наций. Остальные положения Протокола носят организационный характер. Примечательно, что, несмотря на участие в Соглашении Российской Федерации как правопреемника Союза ССР и Российской империи, специализированные учреждения по борьбе с незаконным оборотом порнографии в стране фактически не созданы, а работа на данном направлении ведется в рамках своей компетенции Министерством внутренних дел Российской Федерации, в частности Национальным бюро Интерпола МВД России.

Фундаментальное значение в вопросе уголовно-правового противодействия распространению порнографических материалов и предметов имеет принятая столетие назад и действующая до настоящего времени Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими³ (далее – Конвенция 1923 г.). Данный документ имеет как правоприменительное, так и теоретическое значение, поскольку в нем впервые нормативно закреплены деяния, подлежащие криминализации по законодательству договаривающихся стран [1].

Несмотря на то что легальное определение порнографии в данном документе отсутствует, впервые предпринята попытка описать те действия с порнографическими предметами и материалами, которые обладают достаточной степенью общественной опасности для того, чтобы договарива-

² Протокол об изменении Договора о борьбе с распространением порнографических изданий, подписанный в Париже 4 мая 1910 г. (подписан в Лейк Саксес, Нью-Йорк 04.05.1949) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIV. М. : Госполитиздат, 1957. С. 211–215.

³ Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими (Женева, 12 сентября 1923 г.) // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1936. Отд. II. № 21. Ст. 179.

ющиеся государства предприняли действенные меры в целях раскрытия, преследования и наказания всякого, кто совершил указанные действия. Так, криминализации подлежат изготовление и хранение порнографии с целью продажи, распространения или публичного выставления, контрабанда указанных предметов, торговля, распространение, публичное выставление, прокат, а также ряд действий, которые подпадают под определение рекламирования. Примечательно, что все названные действия описаны в ныне действующей редакции ст. 242 УК РФ.

При принятии данного документа бельгийскими и французскими депутатами были предприняты попытки причислить к числу порнографических материалов издания, призывающие к производству абортов или содержащие пропаганду противозачаточных средств, что, однако, не увенчалось успехом [2, с. 214].

Также в ст. 1 Конвенции 1923 г. содержится открытый перечень порнографических материалов и предметов, к которым относятся сочинения, рисунки, гравюры, картины, печатные издания, изображения, афиши, эмблемы, фотографии, кинематографические фильмы и другие порнографические предметы.

Союз ССР ратифицировал Конвенцию 1923 г. в 1935 г., после чего Центральный исполнительный комитет Совета народных комиссаров СССР принял постановление⁴, которым правительствам союзных республик предлагалось дополнить их уголовное законодательство соответствующими нормами об ответственности за изготовление, распространение и рекламирование порнографических материалов и предметов. Эти деяния должны были влечь наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет с обязательной конфискацией порнографических предметов и средств их производства.

В том же 1935 г. были внесены изменения⁵ в Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.⁶, в результате которых в восьмой главе «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок» появилось новое преступление, закрепленное ст. 182.1 УК РСФСР, предусматривающее уголовную ответственность за распространение порнографии в соответствии с указанными международно-правовыми обязательствами.

⁴ Постановление Центрального исполнительного комитета Совета народных комиссаров СССР от 17 октября 1935 г. «Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изданий, изображений или торговлю ими» // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1935. № 56. Ст. 457.

⁵ Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета, Совета народных комиссаров РСФСР от 25 ноября 1935 г. «О дополнении Уголовного кодекса РСФСР статьей 182.1» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1935. № 22. Ст. 214

⁶ Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» вместе с Уголовным кодексом РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

В 1927 г. в Варшаве состоялась первая Международная конференция по унификации уголовного права, где к числу преступлений, посягающих на международный правопорядок, ответственность за которые предусмотрена международными конвенциями, среди прочих была отнесена порнография [3].

В середине XX в. наметилась тенденция либерализации в борьбе с порнографией. Так, на заседании Международного криминологического конгресса, состоявшегося в 1972 г. в Брюсселе, многие участники подчеркивали необходимость криминализации оборота порнографии лишь в случае так называемой «агрессии», т. е. когда распространение совершается вопреки желанию лиц, которым адресовано произведение, содержащее порнографию [4]. В указанном контексте свобода смотреть и читать произведения эrotического содержания задекларирована равнозначной свободе не смотреть и не читать этого⁷.

В Конвенции о правах ребенка 1989 г.⁸, которая вступила в силу для СССР в 1990 г.⁹, закреплен призыв к государствам-участникам принять на национальном двустороннем и многостороннем уровнях все необходимые меры для предотвращения использования в целях эксплуатации детей в порнографии и порнографических материалах. Конвенциональное закрепление данного призыва свидетельствует о фактическом признании распространения детской порнографии как проблемы общемирового характера, требующей принятия действенных мер мировым сообществом. Через одиннадцать лет указанная Конвенция была дополнена Факультативным протоколом 2000 г.¹⁰ (далее – Протокол 2000 г.), вступившим в законную силу для Российской Федерации 24 октября 2013 г.¹¹, в котором подчеркнут стремительный рост контрабандной перевозки детей в целях изготовления детской порнографии и впервые четко сформулировано легальное определение порнографии несовершеннолетних. Согласно Конвенции детской порнографией признается любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделирован-

⁷ Международные конгрессы. Пределы уголовной репрессии // Социалистическая законность. 1972. № 1. С. 76–77.

⁸ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993.

⁹ Постановление Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1 «О ратификации Конвенции о правах ребенка» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 497.

¹⁰ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (принят в г. Нью-Йорке 25 мая 2000 г. Резолюцией 54/263 на 97-м пленарном заседании 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 2014. № 6. С. 8–15.

¹¹ Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 75-ФЗ «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 19. Ст. 2302.

ные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка главным образом в сексуальных целях.

Кроме того, Факультативным протоколом странам-участницам предписано установить на национальном уровне уголовную ответственность за производство, распределение, распространение, импорт, экспорт, предложение, продажу или хранение детской порнографии, т. е. фактически установить полный запрет на ее обращение. Следует отметить, что с принятием Протокола 2000 г. впервые детская порнография выделена в качестве самостоятельного предмета, оборот которого запрещается на международном уровне.

Закрепленное в Протоколе 2000 г. определение хоть и внесло некоторую ясность, однако породило и ряд проблем. К примеру, остается непонятно, как толковать использованную формулировку о преимущественной цели оборота детской порнографии. В дальнейшем определение практически дословно было заимствовано и перенесено в отечественный уголовный закон, что нашло свое отражение в п. 1 примечания к ст. 242.1 УК РФ (с оговоркой, что использовано оно может быть лишь для целей ст. 242.1 и 242.2 УК РФ).

В современной литературе отмечается, что в международно-правовых нормативных актах фактически отсутствует определение «взрослой» порнографии [5]. Действительно, это так. Представляется, что это не создает непреодолимых проблем, поскольку определение «взрослой» порнографии может быть выведено из дефиниции детской порнографии. Эти понятия отличаются указанием на возраст изображаемых или описываемых лиц. Единственным препятствием для применения аналогии толкования является прямое указание в законе на ограничение сферы применения существующей законодательной дефиниции.

Важную роль в противодействии обороту порнографии играет Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений¹² (далее – Конвенция 2007 г.). В преамбуле документа отмечается, что детская порнография пагубно влияет на здоровье ребенка и его психосоциальное развитие.

В Конвенции 2007 г. термин «детская порнография» определен как любые материалы, которые изображают ребенка, совершающего реальные или смоделированные сексуально откровенные действия, или любое изображение половых органов ребенка главным образом в сексуальных целях. Согласно ч. 1 ст. 20 Конвенции подлежат криминализации производство, предложение или предоставление, распространение или передача, приобретение для себя или другого лица, хранение детской порнографии, а также преднамеренное получение доступа к детской порнографии при помощи информационно-телекоммуникационных технологий. В соответствии с положениями ст. 21 Конвенции 2007 г. также полежат криминализации вовлечение ребенка в порнографические представления или склонение ре-

¹² Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (CETS № 201) [рус., англ.] (заключена в г. Лансароте 25 октября 2007 г.) // Бюллетень международных договоров. 2014. № 6. С. 15–54.

бенка к участию в таких представлениях, принуждение ребенка к участию в порнографических представлениях либо извлечение из этого выгода или эксплуатация ребенка иным образом в этих целях и сознательное посещение порнографических представлений с участием детей. После ратификации данного документа указанные положения нашли отражение в диспозиции ст. 242.2 УК РФ.

Следует отметить, что Российская Федерация воспользовалась предусмотренными ч. 3 ст. 20 и ч. 2 ст. 21 Конвенции 2007 г. возможностями и ратифицировала ее с оговорками¹³, согласно которым Россия оставляет за собой право не устанавливать уголовную ответственность за производство и хранение порнографических материалов, представляющих собой исключительно смоделированные или реалистичные изображения несуществующего ребенка или с участием детей, достигших возраста полового согласия, если такие изображения производятся и хранятся ими с их согласия и исключительно для их собственного частного использования. Не подверглось криминализации также преднамеренное получение доступа к детской порнографии при помощи информационно-коммуникационных технологий. Кроме того, Российская Федерация ограничила применение положений об установлении уголовной ответственности за сознательное посещение порнографических представлений с участием детей в случаях, когда имело место вовлечение или принуждение детей в соответствии с подп. «а» или «б» п. 1 ст. 21 Конвенции 2007 г.

Несмотря на то что Российская Федерация присоединилась к Конвенции о правах ребенка 1989 г., Протокол от 2000 г. долгое время не ратифицировался, так же как и Конвенция 2007 г. Это обстоятельство вызвало обоснованную озабоченность Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации¹⁴, после вмешательства которого в 2012 г. ст. 242.1 УК РФ подверглась существенным изменениям, отражающим международные требования. Кроме того, уголовный закон был дополнен нормой об ответственности за использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов, предусмотренной ст. 242.2 УК РФ¹⁵.

¹³ Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 76-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 19. Ст. 2303.

¹⁴ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 571-СФ «О парламентском запросе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Министру внутренних дел Российской Федерации Р. Г. Нургалиеву по вопросу о подписании и ратификации Российской Федерацией Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, и Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 1. Ст. 28.

¹⁵ Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Рос-

Широкое использование электронно-вычислительных машин и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», повлияло на все сферы жизнедеятельности человека. Не обошел этот процесс стороной и оборот порнографии, которая стала распространяться преимущественно через «всемирную паутину». В связи с этим определенный научный интерес представляют нормы одного из ключевых международных соглашений в сфере компьютерной информации – Будапештской конвенции¹⁶, подписанной Российской Федерацией в 2005 г.¹⁷ и прекратившей свое действие для нашей страны в 2008 г.¹⁸ Согласно ст. 9 Конвенции криминализации по национальному законодательству подлежат производство детской порнографической продукции в целях распространения через компьютерную систему, предложение или предоставление в пользование, распространение или передача, приобретение для себя или другого лица детской порнографии через компьютерную систему или владение детской порнографией, находящейся в компьютерной системе или на носителях компьютерных данных. Следует отметить, что указание на цель дальнейшего распространения изготовления детской порнографии в качестве обязательного признака состава преступления видится спорным, учитывая, что само владение детской порнографией без дополнительных условий подлежит криминализации.

В данной Конвенции также содержится определение детской порнографии, под которой понимаются порнографические материалы, изображающие участие несовершеннолетнего лица в откровенных сексуальных действиях, участие лица, кажущегося несовершеннолетним, в откровенных сексуальных действиях, а также реалистические изображения несовершеннолетнего лица, участвующего в откровенных сексуальных действиях.

Несмотря на то что с 16 марта 2022 г. Российская Федерация прекратила свое членство в Совете Европы и ряд международных договоров в этой связи прекратили свое действие¹⁹, перспективным и заслуживающим внимания выглядит призыв к европейским странам, изложенный в Реко-

сийской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 10. Ст. 1162.

¹⁶ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Распоряжение Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 47. Ст. 4929.

¹⁸ Распоряжение Президента Российской Федерации от 22 марта 2008 г. № 144-рп «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 13. Ст. 1295.

¹⁹ Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 10. Ст. 1566.

мендации REC(2001)16 Комитета министров Совета Европы относитель-но защиты детей от сексуальной эксплуатации²⁰, касательно необходимости установления уголовной ответственности за простое хранение в любой форме порнографических материалов, в которых фигурируют дети или смоделированные изображения детей. Реализация данной Рекомендации может расширить перечень запрещенных деяний, связанных с оборотом детской порнографии, и сделать запрет на детскую порнографию абсолютным, без дополнительных условий.

Оценивая международно-правовые стандарты уголовно-правового про-тиводействия преступлениям в сфере незаконного оборота порнографии, нельзя оставить без внимания международные документы, принимаемые в рамках Содружества Независимых Государств.

В Модельном законе о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию²¹ (далее – Модельный закон), в п. 15 ст. 3 дана легальная дефиниция информации порнографического характера, которая определена как не имеющее научного, медицинского или учебного предназначения описание или фото-, видеозображение или иное изображение (в том числе созданное средствами компьютерной графики, анимационными или иными изобразительными средствами) реально совершающего человека или имитируемого им полового сношения или иных действий сексуального характера, в том числе совершаемых в отно-шении животного, а также натуралистическое описание или изображение половых органов человека в сексуальных целях или иных интимных сторонах жизни человека, связанных с удовлетворением сексуальных по-требностей. Это определение является наиболее объемным по сравнению с ранее рассмотренными.

В п. 22 ст. 3 Модельного закона дано определение информации эроти-ческого содержания. Ею признается информация, не являющаяся порно-графической, но способствующая возбуждению сексуального влечения или удовлетворению сексуальных потребностей, либо иные сведения, способ-ные вызвать у ребенка не соответствующий возрастной норме интерес к сексуальным проблемам или побуждающие детей к началу половой жизни, в том числе изображение ребенка в подчеркнутой сексуальной позе, а также текстовое, визуальное или звуковое изображение образа ребенка или его голоса в эротических целях.

Исходя из данной дефиниции разграничить порнографическую и эро-тическую продукцию практически невозможно ввиду общности описан-

²⁰ Рекомендация № REC(2001)16 Комитета министров Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации» (принята 31 октября 2001 г. на 771-м заседа-нии заместителей министров). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Модельный закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здо-ровью и развитию (принят в г. Санкт-Петербурге 3 декабря 2009 г. Постановле-нием 3-15 на 33-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи госу-дарств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2010. № 46. С. 190–228.

ной цели (возбуждение сексуального влечения) и отсутствия четких объективных критериев, и использованная при этом оговорка о том, что информация эротического содержания не может являться порнографической, лишь усложняет разграничение.

Детской порнографией, согласно п. 6 ст. 3 Модельного закона, принято считать описание или фото-, видеоизображение или иное изображение ребенка или совершенолетнего лица, имитирующего ребенка, совершающих или имитирующих половое сношение или иные действия сексуального характера или принимающих участие в совершении или имитации таких действий, либо реалистичное изображение (в том числе созданное средствами компьютерной графики, анимационными или иными изобразительными средствами) образа ребенка, совершающего действия сексуального характера или участвующего в таких действиях, а равно любое изображение или описание половых органов ребенка в сексуальных целях. По сравнению с аналогичным определением, содержащимся в Факультативном протоколе 2000 г., данная дефиниция имеет больший объем за счет признания порнографического изображения совершенолетнего лица, имитирующего ребенка, в качестве детской порнографии. В остальном данное определение представляется лишь более детализированным.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на признание незаконного оборота порнографии преступлением транснационального характера, международно-правовое регулирование носит скорее декларативный характер. Важнейшим и фактически единственным документом, регламентирующим необходимость установления уголовной ответственности по национальному законодательству за незаконный оборот порнографии в целом, является Конвенция 1923 г. Указание на незаконность действий, описанных в объективной стороне преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, является бланкетным признаком, отсылающим к указанному международному документу²² ввиду отсутствия в национальном праве нормы, регулирующей легальный оборот порнографических материалов и предметов.

По данным ученых, порноиндустрия является третьим по величине источником дохода организованной преступной деятельности [6]. С момента принятия Конвенции 1923 г. порнография значительно изменилась и ушла в виртуальное пространство, что обусловливает необходимость нового прочтения международных документов, фактически утративших в настоящее время свою актуальность. Учитывая транснациональность незаконного оборота порнографии и неэффективность имеющихся механизмов противодействия ее распространению, представляется целесообразным принятие нового международно-правового документа в рассматриваемой

²² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2016 г. № 1746-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом “б” части третьей статьи 242 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

A. M. Voznyak. Framework for the criminalization of acts related to the trafficking of pornography

сфере, соответствующего современным формам порнографических материалов и информационно-телекоммуникационному характеру ее распространения.

Список источников

1. Князкина А. К. Конвенционное запрещение проституции и порнографии в соотношении с УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 275–283.
2. Люблинский П. И. Преступления в области половых отношений. М. ; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. 246 с.
3. Додонов В. Н., Капинус О. С. Ответственность за порнографию в современном уголовном праве // Право и политика. 2006. № 12. С. 109–118.
4. Донченко А. Г. Международное и российское законодательство по противодействию обороту порнографии: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 70–74.
5. Коновалов Н. Н. Ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в международном, зарубежном и российском уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 2. С. 15–18.
6. Гусарова М. В. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографической продукции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 51–56.

References

1. Knyazkina, A. K. The conventional prohibition of prostitution and pornography in relation to the Criminal Code of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2008;(4)275-283. (In Russ.)
2. Lublinsky, P. I. *Crimes in the field of sexual relations*. Moscow – Leningrad: L. D. Frenkel Publishing House; 1925. 246 p. (In Russ.)
3. Dodonov, V. N., Kapinus, O. S. Responsibility for pornography in modern criminal law. *Pravo i politika = Law and Politics*. 2006;(12):109-118. (In Russ.)
4. Donchenko, A. G. International and Russian criminal legislation on counteraction to pornography circuit: history and present day. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2014;(5):70-74. (In Russ.)
5. Konovalov, N. N. Liability for the manufacture and circulation of files or objects with pornographic images of minors in international, foreign and Russian criminal law. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*. 2021;(2):15-18. (In Russ.)
6. Gusarova, M. V. Criminological characteristics of crimes related to the illegal trafficking of pornographic products. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;(1):51-56. (In Russ.)

Информация об авторе

А. М. Возняк – старший прокурор третьего отдела управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел и юстиции.

Information about the author

A. M. Vozniak – Senior Prosecutor of the Third Division of the Department for Supervision of Criminal Procedure and Operational Investigative Activities of the Internal Affairs and Justice Bodies.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 04.04.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Научная статья

УДК 343.3/.7

EDN: OMOCRS

Общая характеристика термина «жестокое обращение» в уголовном праве

Анна Сергеевна Кособокова

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ ychebnayabel@mail.ru

Научный руководитель: **Д. А. Дорогин**, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия

Аннотация. Термин «жестокое обращение» используется в четырех статьях Уголовного кодекса Российской Федерации, но при этом применительно к каждой из них имеет разную сущность. Это вносит неопределенность в правовое регулирование. Для рассмотрения жестокого обращения в качестве единого и целостного уголовно-правового понятия требуется определить общие признаки, проявляющиеся во всех рассматриваемых преступлениях (действие в форме как действия, так и бездействия, физическое насилие, причинение страданий), и установить особенности в виде частных признаков, характерных только для конкретных составов (психическое насилие, единичность, лишение свободы, нарушение половой неприкосновенности или половой свободы).

В связи с неоднозначностью термина «жестокое обращение» необходимо либо полностью унифицировать понимание данного термина и использовать его соответственно, либо дополнительно указывать на наличие или отсутствие частных признаков непосредственно в законе, например в примечаниях к данным статьям.

Ключевые слова: жестокое обращение, насилие, страдания, признаки жестокого обращения, преступление

Для цитирования: Кособокова А. С. Общая характеристика термина «жестокое обращение» в уголовном праве // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 91–97.

Original article

General Characteristics of the Term “Ill-Treatment” in Criminal Law

Anna S. Kosobokova

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ ychebnayabel@mail.ru

Scientific supervisor: D. A. Dorogin, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The term “ill-treatment” is used in four articles of the Criminal Code of the Russian Federation, but at the same time, in relation to each of them, it has a different essence, which introduces ambiguity into legal regulation. To consider ill-treatment as a single and integral criminal legal concept, it is necessary to identify common signs that manifest themselves in all the crimes under consideration (an act in the form of both action and inaction, physical violence, infliction of suffering), and to establish features in the form of particular signs characteristic only of specific compounds (mental violence, singleness, deprivation of liberty, violation of sexual integrity or sexual freedom).

Due to the ambiguity of the term “ill-treatment”, it is necessary either to completely unify the understanding of this term and use it accordingly, or additionally indicate the presence or absence of particular features directly in the law, for example, in the notes to these articles.

Keywords: ill-treatment, violence, suffering, signs of ill-treatment, crime

For citation: Kosobokova, A. S. General characteristics of the term “ill-treatment” in criminal law. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):91-97. (In Russ.)

Жестокое обращение в качестве признака преступления упоминается в уголовном законе в нескольких нормах: ст. 110, 156, 245, 356 УК РФ, охраняющих различные объекты. Однако при этом ни в одной из них данное понятие не раскрывается. Несмотря на идентичность формулировок, в каждой из перечисленных статей оно имеет разную сущность, что усложняет правильное восприятие данного понятия и применение на практике соответствующих положений, что в целом вносит неясность в правовое регулирование. В связи с этим необходимо рассмотреть жестокое обращение как единое и целостное явление, обозначив его общие и частные признаки.

Жестокому обращению в рамках конкретных составов посвящены такие работы, как «Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными» Р. Д. Шарапова, «Жестокое обращение как способ совершения военных преступлений» М. Г. Левандовской, «Жестокое обращение с ребенком как оценочное уголовно-правовое понятие» И. И. Нагорной.

Общие признаки жестокого обращения

Для начала обозначим общие признаки, которые характерны для всех четырех статей без исключения. Первым является **деяние в форме как**

действия, так и бездействия. Жестокое обращение в рассматривающихся статьях как действие предполагает, например, удары, издевательства, а как бездействие – лишение пищи, воды. Второй признак – **физическое насилие.** Чаще всего жестокое обращение связано именно с ним, например, оно проявляется в удушении, порезах, термическом воздействии. Третий признак – **причинение страданий,** который является обязательным, и именно исходя из его наличия обращение признается жестоким. В составах, которые предполагают и физическое и психическое насилие, возможны как физические, так и психические страдания, в отличие от преступлений, где жестокое обращение связано только с физическим насилием и предусматривает только физические страдания в виде длительной и (или) мучительной боли.

Частные признаки жестокого обращения

Психическое насилие. Жестокое обращение сопряжено не только с физическим насилием. В ст. 156 и 356 УК РФ кроме физического насилия в жестокое обращение включается также насилие психическое. В подп. «г» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44¹ (далее – Постановление Пленума № 44) раскрыто понятие жестокого обращения, на которое указывается в доктрине как на применимое к ст. 156 УК РФ [1, с. 519]. В соответствии с данным Постановлением жестокое обращение с детьми может выражаться, в частности, в осуществлении родителями физического или *психического насилия* над ними, в покушении на их половую неприкосновенность. Однако, несмотря на предусмотренную альтернативность данной формы жестокого обращения, на практике вменение ст. 156 УК РФ при использовании в отношении ребенка исключительно психического насилия не происходит [2, с. 76]. Относительно ст. 356 УК РФ в юридической литературе также указывают на включение в понятие жестокого обращения как физического, так и психического насилия. В отличие от ст. 245 УК РФ, согласно которой жестокое обращение предполагает только физическое насилие [3, с. 54]. Скорее всего, это обусловлено тем, что специфика предмета данного состава не предусматривает возможности восприятия им психического насилия.

Единичность. Вопрос о том, достаточно ли одного акта жестокости для квалификации действия (бездействия) в качестве жестокого обращения, является дискуссионным. Можно выделить количественный и качественный признак жестокого обращения. Под *количественным* следует понимать непосредственно число конкретных проявлений жестокости относительно конкретного потерпевшего или предмета (многократно или единож-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 1.

ды), а под качественным – характер (вред здоровью, нарушение телесной неприкосновенности) и степень (интенсивность) фактически причиненного ущерба или вреда.

Различное сочетание данных признаков позволяет отнести те или иные действия к жестокому обращению. Например, применительно к ст. 156 УК РФ нанесение единожды глубокого пореза [4, с. 144] или истязание [5, с. 250], по своему существу предполагающее систематичность, в равной степени квалифицируются в качестве жестокого обращения. В первом случае набор признаков в соответствии с количественным и качественными критериями выглядит следующим образом: единожды, причинение вреда здоровью², при этом содеянному свойственна более высокая степень интенсивности, чем в истязаниях. Во втором случае – это многократность, нарушение телесной неприкосновенности, менее высокая степень интенсивности.

Возможность признать жестоким обращением как один акт проявления жестокости, так и несколько, связанных единым умыслом, допускается и в ст. 110 УК РФ, и в ст. 245 УК РФ. Сложность в данном вопросе возникает относительно ст. 356 УК РФ, так как она имеет специфичный родовой и видовой объект (мир и безопасность человечества), изначально не предполагающий единичности, а характеризующийся массовостью. В связи с этим жестокое обращение в ст. 356 УК РФ, по-видимому, подразумевает только многократность и «широкомасштабность» [6, с. 101].

Лишение свободы. В ст. 110 и 156 УК РФ жестокое обращение связывается с лишением свободы. Например, суд вменил матери несовершеннолетней девочки ст. 156 УК РФ, указав: «Неисполнение матерью обязанностей по воспитанию дочери было связано с жестоким обращением с несовершеннолетней, которое выражалось в том, что ФИО1 совместно с обвиняемым ФИО3 по месту своего проживания, используя металлическую цепь, неоднократно приковывали несовершеннолетнюю потерпевшую к кровати, лишая ее свободы передвижения, причиняя потерпевшей физические и моральные страдания»³.

В то же время говорить о лишении свободы как форме жестокого обращения по ст. 245 и 356 УК РФ нет оснований. Невозможность признания лишения свободы жестоким обращением в данных преступлениях обусловлена опять-таки особенностями предмета и потерпевших. У жи-

² Считаем это легким вредом здоровью, так как автор сделал акцент на глубине пореза, скорее всего, желая исключить возможную квалификацию в качестве «повреждения, не причинившего вред здоровью человека», что предполагает именно поверхностную рану (п. 9 приказа Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека») // Российская газета. 2008. 5 сент. Доступ из СПС «Гарант»).

³ Приговор Киевского районного суда г. Симферополя Республики Крым от 2 ноября 2016 г. по делу № 1-343/2016 // Киевский районный суд г. Симферополя : [сайт]. URL: https://kiev-simph-krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8216051&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

вотных права на свободу по российскому законодательству в принципе не предусмотрено. Статус же военнопленного предполагает переход во власть противной стороны [7, с. 356] и непосредственно обусловлен лишением свободы.

Нарушение половой свободы и неприкосновенности. Жестокое обращение в некоторых из указанных статей может быть связано с нарушением половой свободы или половой неприкосновенности. Применительно к ст. 156 УК РФ покушение на половую неприкосновенность прямо упоминается в Постановлении Пленума № 44, но при этом такое посягательство при достаточных основаниях образует совокупность ст. 156 УК РФ и соответствующего преступления против половой неприкосновенности (например, по ст. 132 УК РФ). Жестокое обращение с гражданским населением и военнопленными также может включать действия, посягающие на половую неприкосновенность; признают такое поведение жестоким обращением и международные трибуналы [8, с. 558]. Жестокое обращение в рамках преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, не связано с действиями, образующими составы преступлений, предусмотренных ст. 131 или 132 УК РФ, так как в соответствии с официальными разъяснениями высшей судебной инстанции самоубийство (или его попытка) является «иным тяжким последствием»⁴, и подобные ситуации квалифицируются по п. «б» ч. 3 ст. 131 или п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ, без совокупности со ст. 110 УК РФ.

Ситуация с жестоким обращением с животными, предусмотренным ст. 245 УК РФ, обстоит немного сложнее, так как животные по российскому законодательству не обладают половой неприкосновенностью или свободой, поэтому любое посягательство подобного рода будет направлено на совсем другой объект – общественную нравственность. Тем не менее в доктрине присутствует мнение о том, что жестокое обращение в контексте ст. 245 УК РФ включает сексуальные действия насильственного характера в отношении животных, однако наказуемыми такие действия будут только в случае наличия обязательной цели или мотива и последствий, предусмотренных указанной статьей, что является пробелом и очевидно требует устранения [9, с. 236; 10, с. 135].

Таким образом, жестокое обращение характеризуется как общими для всех статей, в которых оно упоминается (ст. 110, 156, 245 и 356 УК РФ), признаками, так и частными, которые присущи только определенным составам. К общим признакам относятся: деяние в форме как действия, так и бездействия, физическое насилие, причинение страданий. К частным признакам относятся: психическое насилие, единичность, лишение свободы, нарушение половой неприкосновенности или половой свободы. Для наглядности наличие специальных признаков в разных преступлениях можно отобразить в виде таблицы (табл. 1).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (п. 13) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 2.

Таблица 1

**Специальные признаки жестокого обращения
в конкретных преступлениях**

	Статья 110 УК РФ	Статья 156 УК РФ	Статья 245 УК РФ	Статья 356 УК РФ
Психическое насилие	+	+	-	+
Единичность	+	+	+	-
Лишение свободы	+	+	-	-
Нарушение половой неприкосновенности или свободы	-	+	-	+

Исходя из наличия или отсутствия специальных признаков в разных составах, можно сделать следующий вывод: сущность термина «жестокое обращение» от преступления к преступлению меняется, что указывает на не-последовательность и несистемность правового регулирования и является недостатком юридической техники. В связи с этим в целях унификации правоприменения необходимо либо полностью унифицировать понимание данного термина, либо дополнительно указывать на наличие или отсутствие частных признаков непосредственно в законе, например в примечаниях к соответствующим статьям.

Список источников

1. Уголовное право России : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2021. 1344 с.
2. Западнова Ю. А. Жестокое обращение с детьми и формы его проявления: вопросы квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 74–78.
3. Шарапов Р. Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 51–61.
4. Нагорная И. И. Жестокое обращение с ребенком как оценочное уголовно-правовое понятие // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 142–154.
5. Калинус О. С. и др. Уголовное право России. Особенная часть : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 1189 с.
6. Левандовская М. Г. Жестокое обращение как способ совершения военных преступлений // Закон и право. 2018. № 7. С. 100–103.
7. Международное право : учебник / под ред. Г. С. Стародубцева. 2-е изд. М. : РИОР : Инфра-М, 2024. 416 с.
8. Наумов А. В. и др. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 564 с.
9. Авдеева Л. В. Уголовно-правовая характеристика жестокого обращения с животными // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2013. № 3 (104). С. 232–240.

A. S. Kosobokova. General characteristics of the term “ill-treatment” in criminal law

10. Асеев А. Ю., Чекмезова Е. И. Уголовно-правовая политика противодействия жестокому обращению с животными: компаративистский аспект // Вестник Югорского государственного университета. 2021. № 4 (63). С. 129–139.

References

1. Brilliantov, A. V., ed. *Criminal law of Russia*. Textbook. Moscow: Prospekt; 2021. 1344 p. (In Russ.)
2. Zapadnova, Yu. A. Child abuse and its forms: questions of qualification. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;(1):74-78. (In Russ.)
3. Sharapov, R. D. Criminal liability for animal cruelty. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2019;(1):51-61. (In Russ.)
4. Nagornaya, I. I. Child abuse as estimating concept of criminal law. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2017;(2):142-154. (In Russ.)
5. Kapinus, O. S., et al. *Criminal law of Russia. Special part*. Textbook for universities. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Yurajt; 2024. 1189 p. (In Russ.)
6. Levandovskaya, M. G. Ill-treatment as a way of committing war crimes. *Zakon i pravo = Law & Legislation*. 2018;(7):100-103. (In Russ.)
7. Starodubtsev, G. S., ed. *International law*. Textbook. 2nd ed. Moscow: RIOR, Infra-M; 2024. 416 p. (In Russ.)
8. Naumov, A. V., et al. *Criminal law. Special part*. Textbook for universities. Ed. A. V. Naumov, A. G. Kibalnik. 6th ed., rev. and enl. Moscow: Yurajt; 2024. 564 p. (In Russ.)
9. Avdeeva, L. V. Criminal and legal characteristics of cruelty to animals. *Vestnik RGGU. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*. 2013;(3):232-240. (In Russ.)
10. Aseev, A. Yu., Chekmezova, E. I. Criminal law policy of countering animal cruelty: a comparative study. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Yugra State University*. 2021;(4):129-139. (In Russ.)

Информация об авторе

А. С. Кособокова – студент 4 курса.

Information about the author

A. S. Kosobokova – 4rd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Клевета в интернете: причины и правовые последствия

**Антон Русланович Петухов¹,
Матвей Михайлович Солоницын²**

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ ¹anton_pr1803@mail.ru, ²m.solonitsyn2005@gmail.com

Научный руководитель: **И. Г. Брадецкая**, к.пед.н., доцент,

доцент кафедры русского языка и культуры речи

Российского государственного университета правосудия

Аннотация. Современному человеку сложно представить свою повседневную коммуникацию без мобильного устройства и интернета. К сожалению, информация в интернете не всегда бывает достоверной, а иногда и заведомо ложная, поэтому возникла необходимость правового регулирования общественных отношений в сети. В ходе виртуального общения у граждан могут возникать правоотношения, которые влекут за собой юридическую ответственность. Статья посвящена такому явлению, как клевета, причинам ее возникновения и исследованию законодательных способов регулирования, а также выявлению отличия клеветы от других форм ложной информации и оскорбительных высказываний.

Ключевые слова: клевета в интернете, фейк, оскорблениe, правовая ответственность

Для цитирования: Петухов А. Р., Солоницын М. М. Клевета в интернете: причины и правовые последствия // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 98–103.

Original article

Defamation on the Internet: Causes and Legal Consequences

Anton R. Petukhov¹, Matvey M. Solonitsyn²

^{1, 2} Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ ¹anton_pr1803@mail.ru, ²m.solonitsyn2005@gmail.com

Scientific supervisor: I. G. Bradetskaya, Candidate of Sciences (Pedagogical),
Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Speech
Culture Department of the Russian State University of Justice

Abstract. It is difficult for a modern person to imagine their daily communication without a mobile gadget and Internet. Unfortunately, information is not always reliable, and sometimes it is deliberately false, so there is a need for legal regulation of public relations on the Internet. In the course of virtual communication or interaction of citizens, legal relations may arise that entail legal responsibility. The goals of the manuscript are to figure out what defamation is, what are the causes of this phenomenon, what ways of regulating defamation exist in legislation, as well as to find out its differences from other forms of false information and offensive statements.

Keywords: defamation on the Internet, fake, insult, legal liability

For citation: Petukhov, A. R., Solonitsyn, M. M. Defamation on the Internet: causes and legal consequences. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):98-103. (In Russ.)

Человек как биосоциальное существо имеет потребность в общении с другими индивидами для получения новой информации, а также для поддержания стабильного эмоционального состояния, но не всегда общение выстраивается в положительном ключе. Часто в ходе диалога возникает спорная или даже конфликтная ситуация, в которой собеседники, не достигнув согласия, используют различные нецензурные высказывания и иные формы оскорблений. Участники дискуссии, принимая решение отомстить своему оппоненту и пренебрегая способами, дозволенными законом, распространяют заведомо ложную информацию для того, чтобы опровергнуть своего собеседника. В числе способов распространения такой информации используется интернет. Недостоверная информация о владельце компании или топ-менеджере может распространяться на рынках с целью подрыва деловой репутации фирмы или предприятия, что влечет за собой снижение инвестиционной привлекательности, потерю доходов и даже убытки. Также распространение ложной информации в современном мире может быть продиктовано более глобальными мотивами. Распространение так называемых фейков или клеветы в адрес политиков или государственных деятелей могут служить средством дестабилизации обстановки в государстве и создания паники в обществе. В этом заинтересован как недружественный круг лиц, так и враждебно настроенные государства.

Таким образом, действия в интернете влекут за собой множества негативных последствий в реальной жизни, поэтому существуют положения в

законодательстве Российской Федерации, позволяющие пресекать данные правонарушения.

Рассмотрим понятие «клевета» в лингвистическом аспекте. Для этого обратимся к словарям.

И. С. Тургенев, писатель XIX в., в романе «Новь» рассматривает это понятие как заведомо ложный слух, позорящий кого-либо: «Представьте, кричит, какую об вас глупую клевету распустили: уверяют, что вы вашего родного дядюшку отравили»¹.

В словаре В. И. Даля можно найти следующее: «Клеветать на кого, оговарить, злоречить, обвинять напрасно»².

Характеристика, данная С. А. Кузнецовым: «Ложное обвинение; заведомо ложный слух; распространение таких слухов. Клевета»³.

Д. Н. Ушаков истолковал следующим образом: «Ложь, ложное сообщение с целью опорочить кого-нибудь»⁴.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что семантические свойства понятия будут соответствующими: заведомо ложный слух, лживые утверждения, наговор, порочащая ложь, посягательство против чужой чести. Как мы видим, слово «клевета» и словосочетание «заведомо ложное обвинение» будут синонимически близки.

Теперь рассмотрим понятие «клевета» в юридическом аспекте. В ч. 1 ст. 128.1 УК РФ закреплено: «Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию...».

Многие часто путают понятия «клевета» и «оскорбление». Это вызвано тем, что между этими терминами небольшая разница, которую бывает трудно различить без должной подготовки. Для сравнения мы приведем формулировку понятия «оскорблениe» из ст. 5.61 КоАП РФ. В ней говорится: «Оскорблениe, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме...».

Формулировки довольно схожи. На наш взгляд, ключевым отличием клеветы от оскорбления является наличие действий, заведомо порочащих честь и достоинство лица или подрывающих его репутацию, в то время как оскорблениe произносится с целью исключительно унизить человека, вызвать его негативную эмоциональную реакцию. При этом порочащие действия могут повлечь за собой как душевный и репутационный урон, так и материальный ущерб, что является более серьезным правонарушением.

¹ Словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. К–О / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. С. 61.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. М. : Олма-Пресс : Крас. пролетарий, 2004. С. 262.

³ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. С. 576.

⁴ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М. : Дом Славянской кн., 2008. С. 359.

Представляется, что именно поэтому клевета является уголовным правонарушением, а оскорблении – административным, но на практике все равно возникают случаи, в которых сложно установить, было совершено оскорбление или один человек оклеветал другого. Этот факт могут установить только эксперты, обладающие соответствующими компетенциями в данном вопросе.

Также бывают ситуации, когда возникает путаница в понятиях «клевета» и «фейк», но в данном случае найти отличия намного легче. Фейк – это облегченное название заведомо ложной информации. Обратимся к ст. 207.1 УК РФ, где предусмотрено, что фейк – это «публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств...».

Несмотря на то что и клевета, и фейк – это заведомо ложное распространение информации, из положений, указанных в законодательных актах, можно выявить ключевое отличие клеветы от фейка. В первом случае преступление совершается против личности, ее чести и достоинства, а во втором – это ложная информация об обстоятельствах, которые несут угрозу жизни и безопасности граждан.

Для того чтобы лучше разобраться в понятии «клевета», необходимо определить ее структуру, выяснить, на основании каких действий строится данное преступление. Лицо, подозреваемое в распространении клеветы, попадет под уголовную ответственность при наличии следующих условий:

- 1) умышленное распространение;
- 2) информация заведомо ложная;
- 3) информация порочит честь и достоинство или подрывает деловую репутацию.

В законодательстве Российской Федерации существует несколько видов клеветы, влекущих за собой разную юридическую ответственность.

1. *Обычная клевета.* Наказывается штрафом в размере до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев либо обязательными работами на срок до 160 часов.

2. *Клевета в публичном выступлении, СМИ или сети «Интернет».* Наказывается штрафом в размере до 1 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 1 года, либо обязательными работами на срок до 240 часов, либо принудительными работами на срок до 2 лет, либо арестом на срок до 2 месяцев, либо лишением свободы на срок до 2 лет.

3. *Клевета, совершенная с использованием служебного положения.* Наказывается штрафом в размере до 2 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 2 лет, либо обязательными работами на срок до 320 часов, либо принудительными работами на срок до 3 лет, либо арестом на срок до 4 месяцев, либо лишением свободы на срок до 3 лет.

4. *Клевета о заболевании лица, представляющем опасность для окружающих.* Наказывается штрафом в размере до 3 млн руб. или в размере

заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет, либо обязательными работами на срок до 400 часов, либо принудительными работами на срок до 4 лет, либо арестом на срок от 3 до 6 месяцев, либо лишением свободы на срок до 4 лет.

5. Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, тяжкого или особо тяжкого преступления. Наказывается штрафом в размере до 5 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период 3 лет, либо обязательными работами на срок до 480 часов, либо принудительными работами на срок до 5 лет, либо арестом на срок от 4 до 6 месяцев, либо лишением свободы на срок до 5 лет (ст. 128.1 УК РФ).

Специальный, квалифицированный признак клеветы, распространенный в интернете, появился в нашем законодательстве в конце 2020 г. Сегодня он активно помогает регулировать правоотношения и восстанавливать справедливость в обществе. Рассмотрим недавний случай из судебной практики.

В социальной сети на странице муниципального образования появился комментарий, в котором чиновников Московской области эмоционально обвинили в коррупции и нежелании работать. От комментария пошла «ветка» бурных обсуждений, на которую обратили внимание правоохранительные органы и возбудили уголовное дело о клевете. Автора комментария – раздраженного ямами на улице местного жителя – быстро нашли и попросили предъявить доказательства, что чиновники берут взятки. Их не оказалось. Суд приговорил мужчину к принудительным работам и обязал удалить комментарий. Данное дело еще раз доказывает, что клевета может быть различной по своей природе, но задачей права является регулирование клеветы не только в реальном мире, но и в онлайн-среде⁵.

Проанализировав действующее законодательство, можно заметить, что причины клеветы бывают следующими: личная неприязнь, экономическая выгода или даже политические цели. Существуют несколько видов юридической ответственности за совершение данного преступления в зависимости от тяжести деяния, начиная от денежного штрафа и заканчивая лишением свободы. Что касается клеветы в сети «Интернет», можно сделать вывод, что интернет – это полноценное информационное пространство, которое закреплено на уровне законодательства, и распространение заведомо ложных сведений на его просторах будет преследоваться по всей строгости закона.

В заключение отметим, что современная лингвистика и юриспруденция дают нам ясное представление о понятии «клевета», характеризуя его как «заведомо ложное обвинение». На основе правовых актов мы можем определить структуру клеветы, разобраться, что отличает ее от других правонарушений, таких, например, как оскорбление или фейк. Безусловно, распространение клеветы в онлайн-среде имеет серьезные негативные по-

⁵ Клевета в интернете: ситуации, доказательства, ответственность // Совком-блог. URL: <https://journal.sovcombank.ru/tehnologii/kleveta-v-internete-situatsii-dokazatelstva-otvetstvennost?ysclid=lwcd5vqfdn15667974> (дата обращения: 18.05.24).

следствия для всего социума. Подстраиваясь под стремительно развивающееся общество, законодательство сегодня устанавливает ответственность за клевету не только в обычной жизни, но и в интернете. Данные меры призваны защитить права и репутацию отдельных людей, а также способствовать созданию более безопасной и справедливой цифровой среды.

Информация об авторах

А. Р. Петухов – студент 2 курса;

М. М. Солоницын – студент 2 курса.

Information about the authors

A. R. Petukhov – 2nd year student;

M. M. Solonitsyn – 2nd year student.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 24.09.2024; принятана к публикации 25.09.2024.

The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 24.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Гражданское и административное судопроизводство / Civil and Administrative Proceedings

Научная статья

УДК 347.9

EDN: RIXEIV

О свидетельском иммунитете священнослужителя и понятии «тайна исповеди» в гражданском процессе: проблемы толкования и соотношения с каноническим правом

Дарья Сергеевна Девонина

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ ddevonina@mail.ru

Научный руководитель: **А. В. Кононова**, преподаватель кафедры
гражданского и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия

Аннотация. Актуальность данной статьи обусловлена интересом правоведов к изучению спорных вопросов, находящихся на рубеже регулирования светского и канонического права. Объектом настоящего исследования выступает обеспечение защиты религиозной тайны в рамках конституционно-правового принципа «светскости». Автор ставит основной целью работы выявление проблемных вопросов, связанных с применением понятия тайны исповеди, которые могут возникнуть в сфере гражданского судопроизводства. В ходе их изучения автор проводит исследование понятия канонического права, определяет его пределы, элементы, рассматривает соотношение позиций церкви и государства, ставит вопрос возможности и условиях раскрытия тайны священнослужителем. На обсуждение выносится дискуссионная проблема о возможности применения норм по защите религиозной тайны по отношению к иным религиям, клирикам различных духовных санов.

Результатом проведенного исследования стали выявление некоторых проблем, предложения о введении новой терминологии, а также унификации позиций законодателя в отношении свидетельского иммунитета клирика в двух видах процессов – гражданском и уголовном.

Ключевые слова: свидетельский иммунитет, профессиональная тайна, тайна исповеди, священнослужитель, каноническое право

Для цитирования: Девонина Д. С. О свидетельском иммунитете священнослужителя и понятии «тайна исповеди» в гражданском процессе: проблемы толкования и соотношения с каноническим правом // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 104–110.

Original article

On the Witness Immunity of a Clergyman and the Concept of "The Secret of Confession" In Civil Proceedings: Problems of Interpretation and Correlation with Canon Law

Darya S. Devonina

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ ddevonina@mail.ru

Scientific supervisor: A. V. Kononova, Lecturer of the Civil and Administrative Proceedings Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The relevance of this paper lies in the interest of legal experts in examining controversial issues at the intersection of secular and canon law. The aim of this research is to ensure the protection of religious privacy within the context of the constitutional principle of secularism. In this regard, the author has set the main objective of the work as identifying problematic issues related to the application of the institution of confessional secrecy that may arise in civil proceedings. Through this process, the author undertakes a comprehensive examination of the institution of canon law, defines its boundaries and components, and explores the interaction between the church and state. Additionally, the issue of whether a priest may disclose confidential information is raised. At the same time, there is a controversial issue being brought up for discussion regarding the possibility of applying standards for the protection of religious privacy in relation to clergy members of various religious organizations.

The outcome of this discussion has led to the identification of several issues, the proposal of new terminology, and the unification of legislative positions regarding the immunity of clergy in civil and criminal procedures.

Keywords: witness immunity, professional secrecy, seal of the confessional, clergyman, canon law

For citation: Devonina, D. S. On the witness immunity of a clergyman and the concept of "the secret of confession" in civil proceedings: problems of interpretation and correlation with canon law. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):104-110. (In Russ.)

В соответствии с положениями российского законодательства тайна исповеди охраняется законом и священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди¹. Данная гарантия нашла отражение в ч. 3 ст. 69 ГПК РФ, закрепляя за клириком абсолютный свидетельский иммунитет.

Несмотря на нормативное обеспечение защиты религиозной тайны, духовная сфера общественных отношений в большей степени регулируется

¹ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 3) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

положениями канонического права, поскольку иное означало бы чрезмерное вмешательство государства во внутреннюю свободу религиозного сообщества. Так, для процессуалистов представляется сложным определить пределы 1) тайны исповеди, а также 2) иммунитета священнослужителя в данном контексте.

Полагаем, что первая проблема о пределах тайны исповеди возникает в связи с отсутствием законодательного определения или толкования понятия «исповедь». Сущность таинства покаяния раскрывается в доктрине и нормах канонического права. Например, А. В. Пчелинцев считает, что «...под тайной исповеди понимаются сведения, ставшие известными священнослужителю во время таинства покаяния, которые защищены от разглашения законом и внутренними установлениями религиозных объединений» [1, с. 3].

Однако не во всех конфессиях существует исповедь именно в таком смысле. Так, в юридической литературе можно встретить точку зрения, согласно которой исповедь грехов перед определенным лицом, наделенным саном, является значимым ритуалом только для православного и католического вероучений [2, с. 173]. Стоит отметить, что в разных религиях существуют различные ритуалы, которые выполняют функцию, сходную с исповедью в христианстве. Но они не являются полными аналогами, в связи с чем возникает закономерный вопрос о нормативном регулировании подобных практик. Не совсем понятным представляется решение данного вопроса в случае покаяния, например, мулле в исламе, который фактически выступает «эквивалентом» христианского священника. Исходя из буквального толкования норм права, можно сделать вывод, что свидетельский иммунитет на данное лицо распространяться не будет; поскольку Российская Федерация является светским государством, выбранный подход считаем неверным. Таким образом, необходимо придерживаться принципа равенства религиозных объединений, уважения и равноправия религий² и в данном контексте.

Критическому восприятию свидетельского иммунитета священнослужителя способствует и отсутствие четкой регламентации ритуала исповеди. Он устанавливается внутренними правилами каждого храма³, хотя рекомендации по проведению таинства можно найти в Требнике⁴.

Более того, позиция Русской Православной Церкви заключается в том, что исповедоваться можно в любом месте и в любое время [3, с. 27], что

² «Концепция суперэкуменизма» – движение за сближение и объединение мировых религий. См. подробнее: Зимина К. Ю. Разграничение понятий: религиозный плорализм и суперэкуменизм // Правовое регулирование общества: проблемы, приоритеты и перспективы : сб. науч. тр. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. 31 янв. 2017 г. Уфа : НОО «Профессиональная наука», 2017. С. 91.

³ См., например: Листок для подготовки к исповеди // Тверская митрополия. Конаковский Округ. Церковь в честь св. апостолов Петра и Павла в Карабарово, Конаковский район : [сайт]. URL: <http://karacharovohram.prihod.ru/tainstvacategory/view/id/23604>.

⁴ Требник. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2023. С. 341.

подтверждается также трудами духовных писателей [4, с. 332]. Однако считается ли личная беседа с батюшкой состоявшейся исповедью, если та-ковой ее воспринимает покаявшийся? Так, нетрудно представить ситуацию, в которой мирянин договорился о разговоре со священником сразу после службы, обратившись к нему за советом по вопросам нравственного выбора или же бытового характера, разгласив при этом личную информацию и «каясь в совершенных грехах». На практике нередки случаи приглашения батюшки в квартиру для исполнения треб, в ходе которых также может произойти исповедь. Может случиться так, что священник не прочитал разрешительную молитву во время таинства покаяния. Мы считаем, что в таких случаях была проведена «духовная беседа». Полагаем, что в отсутствие содержательных границ понятия «покаяние» такое раскаяние должно считаться исповедью, а значит, на него будет распространяться законодательная гарантия, т. е. священник не сможет раскрыть вверенные ему сведения. Несмотря на то что свидетельский иммунитет священнослужителя по своей природе является служебным, клирики де-факто исполняют свои обязанности непрерывно, поскольку обладают особым статусом.

Термин «священнослужитель» не имеет юридического закрепления, что создает сложности в определении субъектного состава обладателей права принимать исповедь и, соответственно, обладающих иммунитетом. Более того, не совсем понятно, относит ли законодатель к таким лицам представителей иных религий, где нет подобного христианству ритуала «исповеди» [5, с. 96]. В научной литературе можно найти следующее определение вышеуказанного термина с опорой на каноническое право: «...священнослужитель – лицо, имеющее благодать совершать таинства или непосредственно участвовать в их совершении» [6, с. 4]. Степени священства в различных конфессиях различаются, и не все клирики наделены правом проведения таинства исповеди. Так, на первый взгляд кажется, что в случае покаяния диакону сведения могут быть разглашены им в ходе судопроизводства. Однако мы не можем согласиться с данным утверждением. Думается, что понятие «священнослужитель» стоит толковать расширительно как духовное лицо, а равно служитель церкви или иного приравненного к ней культового сооружения.

Как отмечается в доктрине, «...тайна исповеди связывает и тех, которые каким бы ни было образом узнали о грехах другого, сказанных на исповеди» [7, с. 129]. Однако это скорее предписание канонических норм, поскольку на законодательном уровне данный вопрос также не регламентируется. Полагается, что лицо, случайно услышавшее чужую исповедь, может выступать надлежащим свидетелем. Подобное никак не наказывается и ограничивается только внутренними убеждениями лица, его моральными принципами.

Следующая проблема возникает при сравнительном анализе норм, закрепляющих свидетельский иммунитет. Только в положениях ГПК РФ обязанность священников внесении тайны исповеди ставится в зависимость от статуса религиозного объединения. Наравне с «религиозной организацией» законодатель выделяет понятие «религиозная группа», которая может осуществлять деятельность без приобретения правоспособности юридического лица [8, с. 56]. Тем самым нарушаются право физических лиц

Девонина Д. С. О свидетельском иммунитете священнослужителя и понятии «тайна исповеди»

на тайну исповеди в случае, если таинство покаяния происходит перед священнослужителем религиозной группы. Считаем, что с таким подходом законодателя нельзя согласиться. Непонятно, с какой целью в ГПК РФ конкретизируется и без того императивная норма Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Так, в вопросе проведения религиозных обрядов для канонического права не имеет значения статус религиозного объединения⁵, поэтому в целях обеспечения единства право-применительной практики, а также гарантирования справедливого судебного разбирательства целесообразным представляется смягчить позицию законодателя.

В контексте данной темы необходимо затронуть вопрос о пределах свидетельских показаний священнослужителя. В доктрине считается, что такой служебный иммунитет является частичным [9, с. 370], а значит, клирик обязан отказаться отдачи показаний, ставших ему известными в ходе таинства покаяния. Так, необходимо ответить на вопрос, разрешается ли священнослужителю раскрывать сведения, не связанные непосредственно с существом исповеди, например о физическом или психическом состоянии исповедовавшегося. Думается, что в данном случае также необходимо толковать норму расширительно. В «Напоминании священнику об обязанностях его при совершении таинства покаяния» указывается, что клирик должен «...хранить в ненарушимой тайне то, что он знает из исповеди кающихся», даже если это сведения «о недостатках естественных, какие открываются на исповеди, например, о незаконности рождения, о тайной болезни» [4, с. 52]. Таким образом, даже сведения о состоянии лица, ставшие известными в ходе исповеди, должны быть сохранены в тайне.

Наконец, следует ответить на вопрос о возможности раскрытия тайны клириком. В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» закреплено, что «...даже в целях помощи правоохранительным органам священнослужитель не может нарушать тайну исповеди» [10, с. 61], однако может попытаться переубедить лицо в совершении поступков, которые могут негативно отразиться на самом верующем либо других лицах, дать ему наставление. При этом также в сложных случаях можно обратиться за советом к епархиальному архиерею, не раскрывая персональных данных кающегося.

Примечательным является пример отлучения клирика за разглашение тайны исповеди в присутствии СМИ⁶.

Так, на заседании Общественной палаты Саратовской области священник Андрей Евстигнеев, не раскрывая имени лица, рассказал о самоубийстве ребенка, о чем стало известно во время таинства покаяния в следственном изоляторе. Из приведенного примера следует, что клирикам ни

⁵ Например, Религиозная группа Христиан Веры Евангельской Узловского района Тульской области.

⁶ См.: Саратовскому священнику на год запретили совершать богослужения за нарушение тайны исповеди. URL: <https://www.interfax-russia.ru/volga/news/saratovskomu-svyashchenniku-na-god-zapretili-sovershat-bogosluzheniya-za-narushenie-tayny-ispovedi>.

D. S. Devonina. On the witness immunity of a clergyman and the concept of “the secret of confession”

при каких обстоятельствах нельзя раскрывать мирянам тайну исповеди, даже не разглашая (скрывая) личные данные исповедавшегося.

Таким образом, совершенствование законодательства касательно пределов тайны исповеди позволит исключить проблемные вопросы, которые могут возникнуть у правоприменителя. На наш взгляд, необходимо уточнить некоторые термины, в частности понятия «священнослужитель», «исповедь», а также унифицировать положения о свидетельском иммунитете в уголовном и гражданском процессе, гарантировав соблюдение права на тайну исповеди физическим лицам, совершающим покаяние в различных религиозных объединениях.

Список источников

1. Пчелинцев А. В., Андреев К. М. Религиозная тайна. М. : Юриспруденция, 2014. 63 с.
2. Коллантай В. А. Сравнительный анализ понятия тайны исповеди в юридической науке и современном церковном праве Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 2 (85). С. 171–176.
3. Филимонов С. В. Пастырское служение в больнице. СПб. : Общество Святителя Василия Великого, 2003. 256 с.
4. Фивейский П. С. Напоминание священнику об обязанностях его при совершении таинства покаяния. 4-е изд. СПб. : Воскресение, 2004. 444 с.
5. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Привлечение к конфиденциальному содействию священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений: ограничения и запреты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25). С. 91–98.
6. Бурмейстер И. А. Тайна исповеди: теоретико-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2. С. 4–7.
7. Кондрашова И. С. Тайна исповеди как вид профессиональной тайны // Вестник Брянского государственного университета. 2008. № 2. С. 127–131.
8. Коллантай В. А., Копыстко П. П. Юридический иммунитет священнослужителя Русской Православной Церкви (Московского патриархата) в дискурсе цивилистического процесса // Философия права. 2021. № 2. С. 54–58.
9. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. 656 с.
10. Основы социальной концепции Русской православной церкви. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2019. 176 с.

References

1. Pchelinsev, A. V., Andreev, K. M. *Religious seal*. Moscow: Yurisprudentsiya; 2014. 63 p. (In Russ.)
2. Kollantay, V. A. Comparative analysis of the concept of confidentiality of the confession in legal science and modern church law of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate). *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2022;(2):171-176. (In Russ.)

3. Filimonov, S. V. *Pastoral ministry in the hospital*. St. Petersburg: Society of St. Basil the Great; 2003. 256 p. (In Russ.)
4. Fiveysky, P. S. *A reminder to the priest about his duties when performing the sacrament of penance*. 4th ed. St. Petersburg: Voskresenie; 2004. 444 p. (In Russ.)
5. Tambovtsev, A. I., Pavlichenko, N. V. Involvement of clergy and authorized representatives of officially registered religious associations in confidential assistance: restrictions and prohibitions. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2013;(2):91-98. (In Russ.)
6. Burmeyster, I. A. The secrets of confession: theoretical aspect. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Law Herald*. 2010;(2):4-7. (In Russ.)
7. Kondrashova, I. S. The secret of confession as a kind of professional secret. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald*. 2008;(2):127-131. (In Russ.)
8. Kollantay, V. A., Kopystko, P. P. Legal immunity of the priest of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate) in the discourse of the civilistic process. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2021;(2):54-58. (In Russ.)
9. Fokina, M. A., ed. *Course of evidentiary law: Civil procedure. The arbitration procedure. Administrative proceedings*. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Statut; 2019. 656 p. (In Russ.)
10. *The Basis of the social concept of the Russian Orthodox Church*. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate; 2019. 176 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. С. Девонина – студент 4 курса.

Information about the author

D. S. Devonina – 4th year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принятая к публикации 08.07.2024.

The article was submitted 14.06.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 08.07.2024.

Научная статья

УДК 347.96

EDN: VBQVVS

Участие адвоката в собирании доказательств

Элина Романовна Месропова

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ mesropova.elina@mail.ru

Научный руководитель: **М. А. Фокина**, д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российской государственного университета правосудия

Аннотация. Проанализировав особенности участия адвоката в качестве судебного представителя в процессе доказывания и выявив проблемы его деятельности, можно констатировать тот факт, что законодательство регламентирует способы сбора доказательств в форме получения предметов, документов, опроса лиц. Однако актуальность данной темы исследования обусловлена расширением полномочий адвоката. В этой связи автор статьи поставил целью выявление проблем участия адвоката в собирании доказательств, анализ различных точек зрения по этому вопросу и формирование вывода о том, что в этой части современное российское законодательство требует определенных доработок. Результатом исследования стало предложение наделить адвоката расширенным объемом прав на сбор доказательств, установить ответственность адвокатов за нарушение законодательства Российской Федерации при сборе доказательств, установить ответственность органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций за отказ или игнорирование в выдаче запрашиваемой информации и четко регламентировать порядок опроса граждан.

Ключевые слова: доказывание, адвокат, собирание доказательств, представление доказательств

Для цитирования: Месропова Э. Р. Участие адвоката в собирании доказательств // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 111–118.

Original article

Participation of a Lawyer in the Collection of Evidence

Elina R. Mesropova

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ mesropova.elina@mail.ru

Scientific supervisor: M. A. Fokina, Doctor of Science (Law), Professor; Professor of the Civil and Administrative Proceedings Department of the Russian State University of Justice

Abstract. Having analyzed the specifics of the lawyer's participation as a judicial representative in the evidentiary process and having identified the problems of his activity, it can be stated that the legislation regulates the methods of collecting evidence through obtaining objects, documents, and interviewing persons. However, the importance of this research topic is due to the expansion of the lawyer's powers. In this regard, the purpose of the article is to identify problematic issues of lawyer's participation in the collection of evidence, analyze various points of view and form a conclusion that modern Russian legislation requires certain improvements. As a result of the study, it was proposed to give a lawyer an expanded list of rights to collect evidence, establish the responsibility of lawyers for violating the legislation of the Russian Federation when collecting evidence, establish the responsibility of state authorities, local governments and organizations for refusing or ignoring the requested information and clearly regulate the procedure of interviewing citizens.

Keywords: proving, lawyer, collecting evidence, presentation of evidence

For citation: Mesropova, E. R. Participation of a lawyer in the collection of evidence. *Femida. Science = Themis.Science*. 2024;(2):111-118. (In Russ.)

Вопрос об участии субъектов гражданского процессуального права в процессе сбора доказательств определяется принципами, на которых основано судопроизводство. Ключевым является принцип состязательности, согласно которому стороны должны активно участвовать в процессе доказывания, в то время как суду предстоит разрешить спор. Точка зрения М. К. Свиридова наиболее точно отражает данную ситуацию: «Суд должен быть нейтральным и пассивным в процессе сбора доказательств, не должен вмешиваться в деятельность сторон. Активность он может проявлять лишь в ходе организации судебного процесса» [1, с. 184].

Суд может проводить действия по сбору доказательств по инициативе сторон или самостоятельно в целях обеспечения правосудия. Со стороны заинтересованных сторон привлекаются представители в лице адвокатов для оказания помощи в ведении процесса, облегчения работы суда. Адвокаты и представляемые ими лица обладают равным объемом прав, однако в отличие от вторых адвокатская деятельность регулируется особым законодательством – Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹ (далее – Закон об адвокатской деятельно-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 6.

сти и адвокатуре), который выделяет особые права адвокатов, в частности право на запрашивание необходимых документов, опрос граждан, сбор предметов и документов.

В области процессуально-правовых исследований отмечается, что процесс доказывания включает сознание, представление, исследование и оценку доказательств судом [2, с. 165; 3, с. 113–114].

Сознание и представление направлены на формирование базы доказательств. Сознание доказательств предполагает действия адвоката, направленные на получение новых или дополнительных доказательств, а представление – передачу суду имеющихся в распоряжении сведений для их признания в качестве доказательств.

С точки зрения традиционного подхода в гражданско-процессуальной науке первой стадией доказывания является представление, поэтому дискуссионным является вопрос о рационализации выделения стадии сознания.

К. С. Юдельсон подчеркнул важность сознания доказательств, заявив, что это начальный и критически важный этап в процессе доказательственной работы. Отсюда возникает вопрос: зависит ли законность и обоснованность судебных решений, а также срок рассмотрения дела от полноты собранных доказательств [4, с. 57]? Представляется, что это не так, поскольку, с одной стороны, цель сознания доказательств – получение необходимых доказательств и их представление в суд. С другой стороны, процесс сбора доказательств является необязательным и не всегда гарантирует, что все собранные материалы будут учтены в гражданском деле. Только доказательства, полученные судом в ходе судебного разбирательства, имеют процессуальное значение. В этом контексте понятие «представление доказательств» более широкое, чем «сбор доказательств». Для того чтобы доказывающие стороны имели возможность сознать доказательства, недостаточно просто иметь право на их представление [5, с. 33].

Определяя структуру сознания доказательств, можно выделить следующие элементы: обнаружение, получение, фиксация информации. В некоторых случаях целесообразным будет включить представление в процесс сознания, так как оно может выступать не только как альтернатива процессу сознания, но и как самостоятельный элемент.

В отечественной правовой науке ведутся дискуссии на тему того, является ли адвокат полноправным субъектом сознания доказательств.

Приверженцы мнения о том, что адвокат не имеет права осуществлять сбор доказательств, руководствуются тем, что адвокат не обладает полномочиями государственного органа и получение информации от граждан или необходимых документов может происходить только на добровольной основе. Когда адвокат осуществляет предоставленные ему полномочия, он имеет право «получить» предметы, документы и другую информацию, а не требовать их, не изымать, не отбирать и т. д. Таким образом, принуждение в ходе юридических процедур неприменимо. Законодательство не предусматривает определенного порядка получения предметов, документов и иных сведений.

С другой стороны, адвокат может прибегнуть к процессуальным методам воздействия на субъекта путем истребования доказательств по ходатайству заинтересованной стороны.

Второй аргумент противников предоставления адвокатам права собирать доказательства заключается в опасении злоупотребления этими правами. Ф. Багаутдинов подчеркнул, что некоторые адвокаты уже сегодня, без законных оснований, активно взаимодействуют со свидетелями и потерпевшими, стремясь достичь своих личных целей. Такое взаимодействие нередко сопровождается открытым давлением и запугиванием [6, с. 8]. В частности, в процессе сбора доказательств могут быть нарушены определенные права, что может повлечь уголовную ответственность. Поэтому наиболее разумным способом решения этой проблемы кажется установление ответственности адвокатов за нарушение законодательства Российской Федерации в процессе сбора доказательств. В настоящее время на практике, как указывал Ю. П. Гармаев, количество случаев привлечения адвокатов к ответственности невелико [7].

Также существует точка зрения С. А. Шишкина, согласно которой деятельность адвоката носит односторонний характер и может негативно повлиять на дальнейшее всестороннее и объективное рассмотрение конкретного дела. Следовательно, по его мнению, каждая из сторон будет приводить только те доказательства, которые подтверждают ее позицию, и утаивать доказательства, которые свидетельствуют в пользу оппонента [8, с. 36–37]. Действительно, задача адвоката заключается в защите и удовлетворении интересов представляемого лица и в обеспечении отказа в удовлетворении требований второй стороны. Независимым в данном случае выступает лишь суд. При этом при обращении к адвокату на платной основе гражданин надеется на получение профессиональной юридической поддержки и активную защиту адвоката.

Адвокат Ю. Квартин подчеркивал, что в судебном процессе адвокат имеет возможность самостоятельно определять факты, которые могут быть представлены в качестве доказательств, чтобы более полно осветить определенный поступок представляемого лица и объяснить его мотивы [9, с. 57]. Иными словами, адвокат вправе самостоятельно выбирать методы и средства доказывания, при этом учитывая пределы, наложенные доверителем.

Следовательно, наделение адвоката способностью выступать самостоятельным субъектом сбора доказательств в гражданском процессе служит одним из инструментов реализации принципа состязательности, а также помогает избежать необходимости принятия судом процессуальных мер для получения дополнительных доказательств и способствует объективному урегулированию спора.

Однако в результате анализа судебной практики в 2016 г., проведенного А. Д. Орловым (в частности, при изучении решений Кировского и Октябрьского районных судов города Саратова), был сделан вывод, что на данный момент право адвоката на сбор доказательств не имеет эффективной реализации в гражданском процессе. При изучении материалов гражданских дел, рассмотренных федеральными судами общей юрисдикции, было установлено, что адвокаты не применяют никаких других методов сбора доказательств, кроме направления запросов [10].

Права адвокатов в процессе доказывания детализируются Законом об адвокатской деятельности и адвокатуре в подп. 1 п. 3 ст. 6, подп. 2 п. 3

ст. 6, подп. 3 п. 3 ст. 6. Этот перечень не устанавливает право адвоката на сбор доказательств, в связи с чем возникает ряд спорных вопросов. Во-первых, не урегулирован порядок проведения опроса с соблюдением принципа законности. В процессе проведения опроса остро встают вопросы о круге лиц, которые могут быть опрошены, а также о том, какие права и обязанности существуют у адвоката и опрашиваемого субъекта. Во-вторых, не установлена ответственность органов государственной власти, местного самоуправления и организаций за отказ или игнорирование запросов на предоставление информации [11, с. 67].

Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре в ст. 6 выделяет лишь два способа сбора информации – запрос и опрос. Исходя из этого позиция В. В. Ясельской о предоставлении законодательным актом адвокатам дополнительных прав на сбор доказательств, таких как проведение осмотров, обращение в экспертные учреждения для получения заключения, эксперименты и отождествление личности, представляется закономерной [12, с. 133–146]. Думается, что помимо перечисленных прав адвоката также можно наделить правом на сбор проб и образцов. Данный список расширит сферу деятельности адвоката по сбору доказательств, тем самым предоставив больше возможностей для отстаивания интересов представляемого лица.

Полученные адвокатом доказательства в традиционном представлении процессуальной науки должны отвечать требованиям относимости и допустимости. Некоторые авторы выделяют также достоверность, достаточность [13, с. 11–17] и законность [14, с. 590].

Относимость, описанная в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, выражается в наличии объективной связи между собранными доказательствами и фактами. Суд решает вопрос об относимости или неотносимости доказательств, но, как отмечал К. С. Юдельсон, все обстоятельства, которые требуется доказать, связанные законом с возникновением юридических последствий, должны быть доказаны. Хотя установление фактов, выходящих за рамки оснований иска и возражений, является бесполезным расходом процессуальных ресурсов [15, с. 195].

Согласно понятию «допустимость» доказательство должно быть получено из законных источников, особыми методами и приемами получения информации [16, с. 13–14]. Это означает, что в качестве доказательства могут быть использованы только те средства, которые предусмотрены законом.

Часть 2 ст. 55 ГПК РФ о *законности* доказательства наталкивает на мысль, что нарушение законности имеет два важных аспекта. Во-первых, могло ли такое нарушение оказывать влияние на достоверность полученной информации или потенциально повлиять на нее? Во-вторых, возможно ли исправить или компенсировать эти нарушения с помощью процессуальных средств [17]. Так, в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»² содержится полный список оснований для признания доказательства, полученного с нарушением требований закона.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 1.

Достоверность самым тесным образом связана с законностью и обеспечением соблюдения требований к собранным доказательствам.

Достаточность доказательств представляет собой совокупность информации, которая позволяет удостовериться в существовании искомого факта.

Помимо правовых основ сбора доказательств действия адвоката должны опираться на *правила профессиональной этики*. Так, по мнению Т. З. Зиннатуллина, нравственно допустимыми являются доказательства, полученные субъектом, управомоченным осуществлять процессуальные действия, из источника, предусмотренного законодательством, с соблюдением процессуальной формы [18, с. 35]. Аналогичное положение содержится в п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката³. Таким образом, адвокату необходимо находить баланс между волей доверителя и самостоятельными действиями, собирать доказательства, выбирая круг и объем необходимых действий, не совершая при этом тех, которые повлекли бы возражения доверителя.

Из изложенного следует, что четкое регулирование процесса сбора доказательств адвокатом, создание необходимых гарантий законности этого процесса и определение ответственности адвоката могут положительно повлиять на его работу по сбору доказательств. Кроме того, качественная работа адвоката может освободить суд от необходимости предпринимать дополнительные усилия по сбору доказательств, что способствует более быстрому разрешению гражданско-правовых споров. Однако из-за недостаточной проработанности российского законодательства в данной сфере адвокаты не всегда могут полностью использовать свое право на сбор доказательств, что, в свою очередь, отрицательно влияет на реализацию принципа состязательности.

Список источников

1. Свиридов М. К. Установление истины и активность суда в состязательном уголовном процессе // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства : материалы науч.-практ. конф. / под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2004. С. 183–187.
2. Алексина С. А., Блажеев В. В. и др. Гражданское процессуальное право : учеб. / под ред. М. С. Шакарян. М. : Проспект, 2004. 580 с.
3. Анисимова Л. И. Доказывание по гражданским делам // Советское государство и право. 1983. № 10. С. 111–116.
4. Юдельсон К. С. Судебные доказательства и практика их использования в гражданском процессе. М. : Госюриздан, 1956. 251 с.
5. Макушкина Е. Э. Право адвоката на сбор доказательств : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2007. 247 с.

³ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (ред. от 15.04.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Багаутдинов Ф. Закон об адвокатуре: взгляд с другой стороны // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 8–10.
7. Гармаев Ю. П. Преступления, совершаемые недобросовестными адвокатами в сфере уголовного судопроизводства. Комментарий законодательства и правоприменительная практика. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2002. (СПС «КонсультантПлюс».)
8. Шишkin С. А. Состязательность в гражданском и арбитражном судопроизводстве : пособие. М. : Городец, 1997. 192 с.
9. Квартин Ю. О гарантиях прав адвокатов // Социалистическая законность. 1989. № 9. С. 56–57.
10. Орлов А. Д. Собирание доказательств адвокатом в гражданском процессе // Молодой ученый. 2016. № 16 (120). С. 259–260.
11. Гусев В. В. Защита права на правосудие в стадии обращения с иском или заявлением // Журнал российского права. 2004. № 2. С. 66–69.
12. Ясельская В. В. Деятельность адвоката – защитника по собиранию доказательств на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. 163 с.
13. Алиев Т. Т., Громов Н. А., Царева Н. П. Понятие и свойства доказательств // Юрист. 2003. № 2. С. 11–18.
14. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М. : Юристъ, 2003. 669 с.
15. Юдельсон К. С. Проблемы доказывания в советском гражданском процессе. М. : Госюриздат, 1951. 296 с.
16. Химичева О. В., Данилова Р. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (по материалам уголовных дел о преступлениях, совершенных организованными группами) : учеб. пособие. М. : Моск. ин-т МВД России, 1998. 74 с.
17. Лупинская П. А. Основания и порядок принятия решения о недопустимости доказательств // Российская юстиция. 1994. № 11. С. 2–5.
18. Зинатуллин Т. З. Этика адвоката-защитника. Ижевск : ИЭиУ, УдГУ, 1999. 98 с.

References

1. Sviridov, M. K. Establishing the truth and the activity of the court in an adversarial criminal process. *Problems of theory and practice of criminal procedure, prosecutorial supervision and law enforcement in the light of new Russian legislation*. Materials of the Scientific and Practical Conference. Tomsk; 2004. Pp. 183–187. (In Russ.)
2. Alekhina, S. A., Blazheev, V. V., et al. *Civil procedural law: studies*. Ed. M. S. Shakaryan. Moscow: Prospekt; 2004. 580 p. (In Russ.)
3. Anisimova, L. I. Proving in civil cases. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*. 1983;(10):111-116. (In Russ.)
4. Yudelson, K. S. *Judicial evidence and the practice of their use in civil proceedings*. Moscow: Gosyurizdat; 1956. 251 p. (In Russ.)
5. Makushkina, E. E. *The right of a lawyer to collect evidence*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Tomsk; 2007. 247 p. (In Russ.)
6. Bagautdinov, F. The Law on advocacy: a view from the other side. *Rossijskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2001;(5):8-10. (In Russ.)
7. Garmaev, Yu. P. *Crimes committed by unscrupulous lawyers in the field of criminal proceedings. Commentary on legislation and law enforcement practice*. Prepared for the "ConsultantPlus" system, 2002. (LRS "ConsultantPlus".) (In Russ.)

8. Shishkin, S. A. *Competitiveness in civil and arbitration proceedings*. Textbook. Moscow: Gorodets; 1997. 192 p. (In Russ.)
9. Kvartin, Yu. On guarantees of the rights of lawyers. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist Legality*. 1989;(9):56-57. (In Russ.)
10. Orlov, A. D. Collecting evidence by a lawyer in a civil trial. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2016;(16):259-260. (In Russ.)
11. Gusev, V. V. Protection of the right to justice at the stage of filing a claim or statement. *Journal of Russian Law*. 2004;(2):66-69. (In Russ.)
12. Yaselskaya, V. V. *Activity of a defense lawyer in collecting evidence at the stage of preliminary investigation*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Tomsk; 1999. 163 p. (In Russ.)
13. Aliyev, T. T., Gromov, N. A., Tsareva, N. P. The concept and properties of evidence. *Yurist = Lawyer*. 2003;(2):11-18. (In Russ.)
14. Osokina, G. L. *Civil procedure. General part*. Moscow: Jurist; 2003. 669 p. (In Russ.)
15. Yudelson, K. S. *Problems of proof in the Soviet civil procedure*. Moscow: Gosyurizdat; 1951. 296 p. (In Russ.)
16. Khimicheva, O. V., Danilova, R. V. *The admissibility of evidence in criminal proceedings (based on the materials of criminal cases of crimes committed by organized groups)*. Textbook. Moscow: Moscow Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 1998. 74 p. (In Russ.)
17. Lupinskaya, P. A. The grounds and procedure for making a decision on the inadmissibility of evidence. *Rossijskaya yustitsiya = Russian Justice*. 1994;(11):2-5. (In Russ.)
18. Zinatullin, T. Z. *Ethics of a defense lawyer*. Izhevsk: Udmurt State University, Institute of Economics and Management; 1999. 98 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Э. Р. Месропова – студент 4 курса.

Information about the author

E. R. Mesropova – 4nd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 25.05.2024; принята к публикации 28.05.2024.

The article was submitted 26.04.2024; approved after reviewing 25.05.2024; accepted for publication 28.05.2024.

Научная статья

УДК 347.736.7

EDN: WSUPLH

Позиции арбитражных судов Российской Федерации относительно проблем применения имущественного иммунитета к единственному жилью должника в делах о несостоятельности (банкротстве)

**Софья Павловна Суховерхова¹,
Сафура Теймуразовна Багыллы²**

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ ¹sofia.s.2003@yandex.ru, ²ayramps@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется правоприменительная практика арбитражных судов Российской Федерации по вопросу имущественного иммунитета на единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение должника. Ввиду отсутствия законодательного урегулирования авторами выявлена проблема выработки критерии, исключающих возможность применения гарантий, предусмотренных ст. 446 ГПК РФ. Вместе с тем на основании правоприменительной практики среди таковых выделены: вопросы «умысла» и действий должника в преддверии банкротства, не абсолютный характер исполнительского иммунитета, роскошность имущества, экономическая целесообразность и т. д. Указанные критерии коррелируются с периодом как до возбуждения банкротства в отношении должника, так и во время нахождения должника в процедуре банкротства.

Ключевые слова: имущественный (исполнительский) иммунитет, единственное жилое помещение, должник, кредитор, процедура банкротства

Для цитирования: Суховерхова С. П., Багыллы С. Т. Позиции арбитражных судов Российской Федерации относительно проблем применения имущественного иммунитета к единственному жилью должника в делах о несостоятельности (банкротстве) // Фемида. Science. 2024. № 2 (15). С. 119–127.

Original article

The Positions of the Arbitration Courts of the Russian Federation on the Problems of Applying Property Immunity to the Debtor's Sole Residence in Cases of Insolvency (Bankruptcy)

Sofia P. Sukhoverkhova¹, Safura T. Bagylly²

^{1, 2} Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ ¹ sofia.s.2003@yandex.ru, ² ayramsa@yandex.ru

Abstract. The article examines the law enforcement practice of the arbitration courts of the Russian Federation on the issue of property immunity for the only living space suitable for permanent residence of the debtor. Due to the lack of legislative regulation, the authors have identified the problem of developing criteria that exclude the possibility of applying guarantees provided for in Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. At the same time, on the basis of law enforcement practice, among those highlighted are: issues of "intent" and actions of the debtor on the eve of bankruptcy, the non-absolute nature of executive immunity, the luxury of property. These criteria are correlated with the period before bankruptcy was initiated against the debtor, and during the debtor's stay in the procedure.

Keywords: property (executive) immunity, single dwelling, debtor, creditor, bankruptcy procedure

For citation: Sukhoverkhova, S. P., Bagylly, S. T. The positions of the arbitration courts of the Russian Federation on the problems of applying property immunity to the debtor's sole residence in cases of insolvency (bankruptcy). *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):119-127. (In Russ.)

Понятие имущественного (исполнительского) иммунитета в настоящее время законодателем не раскрывается. Однако ст. 446 ГПК РФ предусматривает исчерпывающий перечень движимых и недвижимых вещей должника, на которое не может быть обращено взыскание по его долгам. Несмотря на это, в научной литературе под имущественным (исполнительским) иммунитетом понимают правовой запрет на изъятие у должника имущества, указанного в ст. 446 ГПК РФ и находящегося у него в наличии, если оно не является предметом залога [1, с. 46; 2, с. 108].

Имущественный (исполнительский) иммунитет активно применяется как в гражданских и административных делах [3, с. 133], так и в рамках дел о признании лица несостоятельным (банкротом), что следует из п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан»¹.

В данном исследовании особый интерес представляет порядок применения имущественного (исполнительского) иммунитета к единственному пригодному для постоянного проживания жилому помещению должника в рамках рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) физических лиц, а именно неоднородность в правоприменительной практике

¹ Российская газета. 2019. 9 янв.

арбитражных судов Российской Федерации: вариации толкования позиций высших судов Российской Федерации, расхождение в применении ориентиров-критериев, выработанных Конституционным Судом Российской Федерации еще в 2021 г., и др.

В целом проблемы применения правовых гарантий, предусмотренных ст. 446 ГПК РФ, а также определения конкретных и достаточных критериев, которых могли бы придерживаться суды при непосредственном решении вопроса об отказе в применении исполнительского иммунитета к единственному пригодному для постоянного проживания жилому помещению гражданина-должника, обозначились еще в 2012 г., когда Конституционный Суд Российской Федерации поставил под сомнение абсолютность исполнительского иммунитета. Суд выразил позицию, согласно которой в некоторых случаях гарантия, предусмотренная абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ, может быть неприменима при наличии определенных обстоятельств, которые законодателю надлежит отразить в действующем гражданском процессуальном законодательстве путем внесения в него соответствующих поправок². По прошествии нескольких лет, наполненных противоречивой судебной практикой по данному вопросу [4, с. 57], в 2021 г. Конституционный Суд Российской Федерации вновь обратился к толкованию нормы, предусматривающей данную гарантию, и самостоятельно выработал некие общие ориентиры-критерии возможности ограничения имущественного иммунитета в каждом конкретном деле российскими судами, в том числе арбитражными, которые позволили предотвратить дальнейшее развитие полярной практики судов относительно применения абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ³. Данное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации и выработанные им критерии неприменения имущественного иммунитета ознаменовали окончательный переход от модели абсолютного к модели функционального имущественного (исполнительского) иммунитета в Российской Федерации, предпосылки которого появились еще в 2012 г. [5, с. 373].

После 2021 г. правоприменительная практика в отношении исполнительского иммунитета в делах о банкротстве начала складываться в одном направлении, хоть и с наличием определенных расхождений, но явно не противоречащих основной позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Обозначенное единство направления судебной практики было

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца 2 части 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» // Российская газета. 2012. 30 мая.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова» // Российская газета. 2021. 6 мая.

поддержано активной деятельностью Верховного Суда Российской Федерации, что стало логическим завершением анализируемого вопроса, в том числе по унификации и уточнению ориентиров-критериев [6, с. 44].

В отсутствие прямого законодательного регулирования возможности ограничения исполнительского иммунитета на единственное жилье банкрота арбитражные суды Российской Федерации придерживаются: общих ориентиров-критериев, выработанных Конституционным Судом Российской Федерации; созданных на основе этих общих критериев правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации; разработанной арбитражными судами субъектов Российской Федерации судебной практики, которая была поддержана Верховным Судом Российской Федерации.

Анализ правоприменительной практики арбитражных судов Российской Федерации позволяет выделить следующие относительно распространенные позиции.

1. Исполнительский иммунитет не абсолютен и в некоторых случаях может быть ограничен

Решая вопрос об ограничении имущественного иммунитета, суды исходят из наличия определенных критериев⁴: недобросовестного поведения должника в преддверии или в процессе банкротства, роскошности жилья для должника, экономической целесообразности реализации единственного жилья гражданина-банкрота и готовности кредиторов предоставить должнику замещающее жилье, которое будет соответствовать всем необходимым критериям, предусмотренным Верховным Судом Российской Федерации в одном из его определений⁵. Соответственно, только при наличии полного, взвешенного и тщательного исследования данных обстоятельств суд может перейти к рассмотрению вопроса о возможности ограничения имущественного иммунитета.

2. Оценка экономической целесообразности реализации жилья

Суд должен разрешить вопрос о возможности реализации жилья должника на торгах с таким расчетом, чтобы за счет вырученных от продажи жилого помещения денежных средств должник и члены его семьи могли бы быть обеспечены замещающим жильем, а требования кредиторов были бы существенно погашены⁶. В связи с этим суду надлежит провести оценку рыночной стоимости жилья, с установлением предпочтения в отношении судебной экспертизы⁷.

⁴ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 апреля 2023 г. № Ф09-969/21 по делу № А50-31459/2018. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2021 г. № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019.

⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 декабря 2021 г. № Ф06-12129/21 по делу № А57-5825/2020.

⁷ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 января 2024 г. № 13АП-39831/23 по делу № А21-12845/2021.

3. Недобросовестное поведение должника

Действия должника в преддверии или непосредственно при проведении процедуры банкротства не должны иметь своей направленностью нарушение прав и законных интересов кредитора, т. е. не должны быть квалифицированы судом как недобросовестные. Как показывает судебная практика, чаще всего к таким актам недобросовестности должника относят действия, направленные на искусственное наделение жилья банкрота статусом единственного⁸, включая изменение места регистрации должника⁹ и его семьи, или совершение сделок, конечной целью которых является отчуждение жилья должника иным лицам в целях его сохранения для дальнейшего в нем проживания гражданина-банкрота¹⁰. В случаях, когда суд устанавливает недобросовестность поведения должника в преддверии или непосредственно при проведении процедуры банкротства, в отношении должника и его имущества принимается решение об ограничении имущественного иммунитета для защиты законных прав и интересов кредиторов.

4. Существенное погашение долга при недобросовестном поведении должника – основание неприменения имущественного иммунитета

Если по результатам соотношения рыночной стоимости жилого помещения с величиной долга суд придет к выводу о том, что после приобретения должнику замещающего жилья оставшаяся часть денежных средств приведет к погашению требований кредиторов на 40–50 % реестровой задолженности, а его действия при этом по отношению к кредиторам и их интересам признают недобросовестными, в таком случае возможен отказ от применения исполнительского иммунитета к единственному жилью данного должника¹¹.

5. Замещающее жилье

Приобретается кредиторами при продаже единственного жилья за счет выручки от продажи имущества этого должника, находящегося в наличии, или за счет средств кредитора при наличии его согласия. При поиске и приобретении такого жилья кредиторы должны четко отслеживать рыночную конъюнктуру и допускать возможность прекращения торгов по продаже излишнего жилья при падении цены ниже той, при которой пропадет экономическая целесообразность реализации единственного жилья должника (с учетом затрат на покупку замещающего жилья)¹². Суд принимает решение о возможности приобретения замещающего жилья для должника, обязательно оценивая обоснование кредиторов относительно избыточно-

⁸ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 15 августа 2023 г. № 10АП-13197/23 по делу № А41-83259/2019.

⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 августа 2022 г. по делу № А40-193794/2020.

¹⁰ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 августа 2023 г. № 13АП-18346/23 по делу № А56-7844/2017.

¹¹ Постановление Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 21 апреля 2021 г. № А19-7533/2016.

¹² Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 июля 2023 г. № 13АП-17075/23 по делу № А56-88776/2019.

сти спорного имущества для должника, возможности погашения большей части задолженности банкрота и при наличии явно выраженных намерений по приобретению такого жилья для должника и его семьи¹³.

6. Недопустимость оставления должника без жилья

Отказ в применении исполнительского иммунитета не должен оставить гражданина-должника без помещения, пригодного для проживания его самого и членов его семьи. Судьям не стоит забывать о том, что исполнительский иммунитет гарантирует достойные условия жизни и защиту конституционного права на жилое помещение должнику и членам его семьи. В связи с этим судам в обязательном порядке надлежит рассматривать вопрос о предоставлении замещающего жилья для данных должников и членов их семей при ограничении имущественного иммунитета на их единственное жилое помещение¹⁴.

7. Критерии «роскошности»

В отношении единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения должника четко определить сложно, так как в зависимости от социального и экономического развития субъекта Российской Федерации характеристика показателей, по которым определяется роскошность жилого помещения, сильно разнится¹⁵. Однако, обобщая судебную практику, можно выделить одну более общую тенденцию – отказ в имущественном иммунитете чаще всего происходит по отношению к частным домам и квартирам должников, превышающим 100 м² на одного человека (без детей, супруга и т. д.)¹⁶. Суды, рассматривая вопрос о роскошности жилого помещения, помимо избыточности метража на одного человека, чаще всего также учитывают место расположения жилья в населенном пункте, окружающую инфраструктуру, художественное оформление жилого дома и т. д.¹⁷

8. Наследство должника может быть включено в конкурсную массу

Единственное жилье гражданина-банкрота, который скончался при наличии незавершения процедуры банкротства, может быть включено в конкурсную массу при установлении судом следующих обстоятельств: единственное жилье банкрота не является единственным жильем для его наследников, такое жилое помещение может способствовать существенному погашению долга¹⁸.

¹³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 апреля 2023 г. № Ф09-969/21 по делу № А50-31459/2018.

¹⁴ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 июля 2023 г. № 13АП-17075/23 по делу № А56-88776/2019.

¹⁵ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 июля 2023 г. № 09АП-56055/23 по делу № А40-150372/2020.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22 января 2019 г. по делу № А60-56649/2017.

¹⁷ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 декабря 2021 г. № 17АП-5700/21 по делу № А60-38930/2019.

¹⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 апреля 2023 г. по делу № А41-94583/2018.

9. Длительное отсутствие должника в единственном жилом помещении – основание для ограничения имущественного иммунитета

Если гражданин-банкрот длительное время не проживает в жилом помещении, которому присвоен статус единственного, это может стать основанием ограничения применения имущественного иммунитета¹⁹. Однако, помимо длительного отсутствия банкрота в этом жилом помещении, суды также должны установить недобросовестность действий должника для придания этому жилью статуса единственного, роскошность жилого помещения и экономическую целесообразность реализации этого имущества, с последующим предоставлением замещающего жилья, о чём говорилось ранее.

Таким образом, анализ судебной практики арбитражных судов субъектов Российской Федерации подтверждает, что суды придерживаются позиций Конституционного Суда Российской Федерации относительно имущественного иммунитета. Однако отсутствие предписанных Конституционным Судом Российской Федерации еще в 2012 г. изменений, не внесенных в положения ст. 446 ГПК РФ, в целях соблюдения прав и законных интересов как должников, так и кредиторов на этапе рассмотрения дела о банкротстве все еще вызывает затруднения в правоприменении. Фактически в решении вопроса о соблюдении конституционного права на жилище, являющееся единственным для должника, на сегодняшний день суды, во-первых, исходят в основном из позиций, выработанных Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации, т. е. из судебного прецедента, что при действующей в России континентальной системе права недопустимо, а во-вторых, принимают решения, полагаясь на внутреннее убеждение. В связи с этим данный вопрос, по нашему мнению, все еще требует урегулирования на законодательном уровне.

Список источников

1. Данилов К. С., Стоянова М. К., Низовцев И. В. Актуальные проблемы правоприменения правила об имущественном иммунитете на жилое помещение в процедуре банкротства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 7. С. 45–52.
2. Малюшин К. А. Принципы гражданского исполнительного права: проблемы, понятия и системы / науч. ред. В. В. Ярков. М. ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2011. 238 с.
3. Корниенко Е. К., Ступина С. А. Проблемы соблюдения конституционных прав граждан на жилище при определении оснований исключения жилого помещения как единственного жилья по делам о банкротстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1 (54). С. 130–136.
4. Кальгина А. А., Ильин Б. В. Жив ли исполнительский иммунитет единственного жилья гражданина-должника? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 55–66.

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.02.2023 по делу № А40-162462/2019.

Суховерхова С. П., Багыллы С. Т. Проблемы применения имущественного иммунитета

5. Фролов И. В. Институциональная теория несостоятельности и банкротства граждан : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 700 с.
6. Плешанова О. «Дворцовый» переворот: как КС РФ ограничил исполнительский иммунитет // Юридическая работа в кредитной организации. 2021. № 2. С. 26–44.

References

1. Danilov, K. S., Stoyanova, M. K., Nizovtsev, I. V. Actual problems of law enforcement of the rule on property immunity to residential premises in bankruptcy proceedings. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiskoj Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*. 2023;(7):45-52. (In Russ.)
2. Malyushin, K. A. *Principles of civil enforcement law: problems, concepts and systems*. Ed. V. V. Yarkov. Moscow – Berlin: Infotropik Media; 2011. 256 p. (In Russ.)
3. Kornienko, E. K., Stupina, S. A. Issues of observing the constitutional rights of citizens to housing when determining the grounds for excluding residential premises as the only housing in bankruptcy cases. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(1):130-136. (In Russ.)
4. Kalagina, A. A., Ilyin, B. V. Whether the performing immunity of the only housing of the citizen debtor is alive? *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2018;(8):55-66. (In Russ.)
5. Frolov, I. V. *Institutional theory of insolvency and bankruptcy of citizens*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2022. 700 p. (In Russ.)
6. Pleshanova, O. “Palace” coup: how the Constitutional Court of the Russian Federation limited executive immunity. *Yuridicheskaya rabota v kreditnoj organizatsii = Legal Work in a Credit Institution*. 2021;(2):26-44. (In Russ.)

Информация об авторах

С. П. Суховерхова – студент 4 курса;

С. Т. Багыллы – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры.

Information about the authors

S. P. Sukhoverkhova – 4rd year student;

S. T. Bagylly – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department.

Вклад авторов:

Суховерхова С. П. – сбор и систематизация данных; написание основного текста статьи.

Багыллы С. Т. – сбор данных; обзор литературы по исследуемой проблеме; научное редактирование текста статьи; написание аннотации исследования; научное руководство.

Contribution of the authors:

S. P. Sukhoverkhova – data collection and systematization; writing the main text of the article.

S. T. Bagylly – data collection; literature review on the problem under study; scientific editing of the text of the article; writing an abstract of the study; scientific guidance.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 24.08.2024; одобрена после рецензирования 18.09.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was submitted 24.08.2024; approved after reviewing 18.09.2024; accepted for publication 20.09.2024.

Язык и право / Language and Law

Научная статья

УДК 340.113

EDN: XOBVQH

Эвфемизмы в современном российском праве: причины появления, функции и значение

Сабина Алексеевна Клинова

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия
✉ Saabbbiiii8@yandex.ru

Научный руководитель: **Н. Ю. Соловьева**, кандидат искусствоведения,
доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи
Российского государственного университета правосудия

Аннотация. В современном мире одной из актуальных глобальных проблем является сохранение стабильности, предотвращение конфликтов при соблюдении фундаментальных принципов прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим предпринимаются новые попытки изучить природу эвфемизмов. Статья посвящена изучению эвфемизмов в современном российском праве, дано их определение. Установлены причины их появления, функциональная роль и значение. Данная проблема является предметом изучения лингвистики и юриспруденции, поэтому считается инновационной и перспективной в аспекте научных исследований.

В работе приводятся теоретические сведения по истории возникновения и развития термина «эвфемизм», а также привлекается большое количество примеров из материалов правоприменительной практики судов и текстов нормативных правовых актов Российской Федерации. Автор приходит к выводу о том, что юридический язык, отличающийся жесткой регламентацией и точностью, невозможно представить без использования эвфемизмов для замены других, незаконных или нежелательных слов и выражений. Чем жестче социальный контроль речевой ситуации и контроль говорящим собственной речи, тем более вероятно появление эвфемизмов в юридической речи.

Ключевые слова: эвфемизм, юридический дискурс, право, русский язык, юрислингвистика, нормативный правовой акт

Для цитирования: Клинова С. А. Эвфемизмы в современном российском праве: причины появления, функции и значение // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 128–137.

Original article

Euphemism in Modern Russian Law: Reasons of Appearance, Function and Meaning

Sabina A. Klinova

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ Saabbbiiii8@yandex.ru

Scientific supervisor: N. Yu. Solovyova, Candidate of Art History, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language and Culture of Speech Department of the Russian State University of Justice

Abstract. In the modern world, one of the pressing global problems is maintaining stability, preventing conflicts while observing the fundamental principles of human and civil rights and freedoms. In this regard, new attempts are being made to study the nature of euphemisms. The article is devoted to the study of euphemisms in modern Russian law. The reasons for their appearance, functional role and significance are determined. This problem is the subject of study of linguistics and jurisprudence, and therefore is considered innovative and promising in terms of scientific research.

The work provides theoretical information on the history of the emergence and development of the concept of "euphemism", and also draws on a large number of examples from the materials of law enforcement practice of courts and the texts of regulatory legal acts of the Russian Federation. The author concludes that legal language, which, on the one hand, is characterized by strict regulation and precision, is still impossible to imagine without the use of euphemisms to replace other, illegal or unwanted, words and expressions. The stricter the social control of the speech situation and the speaker's self-control of his own speech, the more likely the appearance of euphemisms in legal speech.

Keywords: euphemism, legal discourse, law, Russian language, legal linguistics, regulation

For citation: Klinova, S. A. Euphemism in modern Russian law: reasons of appearance, function and meaning. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):128-137. (In Russ.)

Современный русский язык является показателем общественной культуры, поэтому есть основания говорить о том, что эвфемизмы, содержащиеся в различных нормах российского права, отражают уровень развития правовой культуры современного российского общества.

Понимание эвфемизмов как слов или выражений, смягчающих или заменяющих собой другие, неподходящие или непристойные слова и выражения, возникло задолго до непосредственного формулирования данного языкового явления [1, р. 17–44]. Термин «ευφημισμός» происходит от греческого ἐυφήμημα «благоречие» ← др.-греч. εὖ «хорошо» + φήμη «речь, молва»¹.

Еще у Аристотеля в трактате «Риторика», датированном IV в. до н. э., встречаются мысли о важности использования смягчающих, заменяющих

¹ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов : пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс-Универс, 1995. С. 370.

Клинова С. А. Эвфемизмы в современном российском праве: причины появления, функции

или приукрашивающих речь слов взамен неподходящих, неподобающих или непристойных [2, с. 77–78].

В Византии «ευφημιστός» как юридический термин обозначал официальную выдвигаемую народом вежливую просьбу к правителям как альтернативу грубым действиям, что выражало право граждан принимать участие в политической жизни государства не только посредством бунта или восстания, но и в легальных, узаконенных формах [3, с. 218–219].

Впервые эвфемизмы привлекли внимание с научной точки зрения в XIX в., когда немецкий исследователь Г. Пауль в своих трудах выделил эвфемизмы в «схеме семантических изменений наряду с метафорой и метонимией» [4, с. 123].

Первое упоминание об эвфемизмах в отечественной лингвистике обычно относят к выходу в 1935–1940 гг. статьи, посвященной эвфемизмам, опубликованной в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. В этой статье было дано следующее определение: «Эвфемизм (от греч. euphemeo – говорю вежливо) (линг.) – слово (или выражение), употребляемое для не прямого, прикрытого обозначения какого-нибудь предмета или явления, называть которое его прямым именем в данной обстановке неудобно, неприлично, не принято (например, “в интересном положении” вместо “беременна”; “если с больным ничего не случится” вместо “если больной не умрет”)»².

На сегодняшний день существует множество взглядов на толкование понятия «эвфемизм», подходов к определению его признаков, стилевой принадлежности, классификациям и соотношению с другими языковыми явлениями (например, тропами и табу), поэтому проблема выделения критериев, по которым языковую единицу можно отнести к эвфемизму, до сих пор является актуальной [5]. Все многообразие подходов к толкованию эвфемизмов можно условно разделить на две большие группы: подходы в узком и широком смыслах.

Под «эвфемизмами в узком смысле» понимают механизм замены табуированного, запрещенного слова или выражения (Б. А. Ларин, Л. А. Булаховский, Н. Б. Мечковская, Д. К. Зеленин, Р. О. Будагов, А. А. Реформатский и др.). Под «эвфемизмами в широком смысле» понимают многоаспектное толкование эвфемизма как заменителя слова или выражения, которое неудобно употреблять в определенной ситуации (А. П. Крысин, В. П. Москвин, Е. И. Шейгал, А. М. Кацев, Е. П. Сеничкина, И. Н. Никитина, И. О. Басовской, И. О. Саакян, Ю. С. Арсентьев и др.) [6].

В данной работе целесообразно, на наш взгляд, придерживаться второго, более широкого подхода к пониманию эвфемизмов, поскольку он преувеличивает как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике и в большей мере раскрывает сущность данного языкового явления.

Таким образом, сформулируем авторское определение рассматриваемого языкового явления, которое, на наш взгляд, позволяет учесть его многоаспектность и прямо связано с юридическим дискурсом: эвфемизм – это

² Толковый словарь Ушакова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1095558> (дата обращения: 26.03.2024).

нейтральное по смыслу и эмоциональной нагрузке косвенное слово или выражение, используемое в устной и книжно-письменной речи для замены других, незаконных (ненормативных, нецензурных, неприличных), нежелательных (неуместных, грубых, резких) или табуированных (в силу исторических, религиозных или иных причин) слов или выражений.

Основной целью использования эвфемизмов в юридической речи является нейтрализация истинного смысла прямых наименований, нежелательных по политическим, этическим, религиозным и иным причинам, причем понимание подобных лексем носителями языка остается однозначным [7].

В юридических текстах эвфемизмы выполняют преимущественно *нормирующую функцию* по отношению к противоречащим действующему законодательству (нецензурным, оскорбительным, вульгарным, грубым и т. д.) словам или выражениям.

Помогая уйти от правовых или этических рисков в процессе коммуникации, эвфемизмы также выполняют *функцию маскировки* предмета речи или частной оценки речевой ситуации (например, «человек с ограниченными возможностями здоровья» вместо «инвалид»; «не совместимые с жизнью травмы» вместо «смертельные»; «вводить в заблуждение» вместо «обманывать»; «рейдерский захват» вместо «воровство»; «зачистка» вместо «физическое уничтожение» и т. д.).

Использование эвфемистических выражений в праве может быть рассмотрено как проявление языкового такта, выражаемое «...в стремлении найти новые способы языкового выражения, взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума» [8, с. 144]. По сути, речь идет о реализации принципа толерантности по отношению к индивидуальности, соблюдении личного суверенитета и уважении прав человека и гражданина.

В юридической речи невозможно обойтись без использования эвфемизмов, поскольку существует прямая зависимость: чем жестче социальный контроль речевой ситуации и контроль говорящим собственной речи, тем более вероятно появление эвфемизмов в речи.

В соответствии с ч. 6 ст. 1 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» «при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка»³.

На недопустимость использования в приговоре слов, неприемлемых в официальных документах, обращал внимание судов и Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»⁴.

Показателен случай, когда в июне 2020 г. Второй кассационный суд общей юрисдикции отменил и направил на пересмотр приговор по делу о причинении тяжкого вреда здоровью из-за того, что в тексте приговора суда были прямо указаны те унижающие достоинство слова, что произно-

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 23. Ст. 2199.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сил обвиняемый в момент совершения преступления. Кассационная инстанция восприняла данное изложение как нарушение Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, после чего решила отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение⁵.

Ненормативная лексика попадает в судебные акты из скопированных фрагментов текстов обвинительных заключений, исковых заявлений или возражений сторон. Итоговые документы появляются в публичном доступе, что, безусловно, негативно сказывается на авторитете правосудия.

Сергей Пашин, судья Мосгорсуда в отставке, так прокомментировал подобные ситуации: «Судья по некоторым делам, например о хулиганстве, вместо того чтобы написать “употребил нецензурную брань”, пишет, какую именно брань человек употребил <...> Никакой надобности в употреблении запрещенных слов в текстах судебных актов не существует, потому что вполне достаточно употребить эвфемизм»⁶.

В связи с подобными инцидентами 10 декабря 2021 г. на официальной интернет-странице Совета судей Российской Федерации было опубликовано информационное письмо Комиссии по этике Совета судей Российской Федерации «О недопустимости нарушения требований Федерального закона “О государственном языке Российской Федерации” при изготовлении текстов судебных постановлений». В тексте письма подчеркивается: «Присутствие в тексте судебного постановления ненормативной лексики, тем более нецензурной браны как самого вульгарного и общественно осуждаемого вида ненормативной лексики, является прямым нарушением требований действующего законодательства»⁷.

Использование должностными лицами в процессуальных документах ненормативной лексики может послужить основанием для:

1) возвращения уголовного дела прокурору в соответствии с нормой ст. 237 УПК РФ (как, например, в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 11 мая 2023 г. по делу № 22-2611/23⁸; апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 5 июля 2022 г. по делу № 22-5317/2022⁹);

⁵ Белоусов В. В Москве мужчине отменили приговор из-за оскорблений в тексте документа // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200629/1573629716.html?in=t> (дата обращения: 26.03.2024).

⁶ Акимов Н. Сотрудники аппарата АСГМ уволены за непристойную фразу в судебных документах // Legal.Report. URL: <https://legal.report/sotrudniki-apparata-asgm-uvoleny-za-nepristojnuju-frazu-v-sudebnyh-dokumentah/> (дата обращения: 26.03.2024).

⁷ Информационное письмо комиссии Совета судей Российской Федерации по этике // Совет судей Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.ssrf.ru/dokumenty/zakliucheniia/44321> (дата обращения: 26.03.2024).

⁸ Судебные решения РФ : [сайт]. URL: <https://судебныерешения.рф/75613153?ysclid=lrw8xbzrz6734833254> (дата обращения: 26.03.2024).

⁹ Красноярский краевой суд : [сайт]. URL: https://kraevoy--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8006193&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 26.03.2024).

2) вынесения частного постановления (в качестве примера можно привести Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 г. № 49-О12-38СП¹⁰);

3) увольнения должностного лица (например, скандал с увольнением сотрудников аппарата Арбитражного суда г. Москвы в январе 2021 г. из-за обнаружения нецензурной фразы в материалах судебных документов¹¹).

Таким образом, в современном российском праве используются различные эвфемистические слова и выражения.

Приведем несколько эвфемизмов, взятых из текстов судебных актов.

1. В материалах дела указывалось, что группой лиц по предварительно-му сговору в процессе коммуникации с целью завуалировать предмет переписки вместо фразы «наркотические средства» использовался расплывчатый эвфемизм «посылка»¹².

2. Из материалов дела следует, что обвиняемый обратился к должностным лицам с целью дачи взятки, используя эвфемистическое выражение «как можно решить вопрос»¹³.

3. Из материалов дела следует, что обвиняемый за изготовление, хранение и сбыт наркотических средств, выражая в процессе коммуникации требование о необходимости передать ему материальные средства, использовал эвфемизм «благотворительность»¹⁴.

Еще одной актуальной и важной областью применения эвфемизмов в российском праве является судебная экспертиза. По мнению Е. И. Галышиной, «внешняя языковая форма и внутреннее смысловое содержание продуктов речевой деятельности подвергаются правовому анализу и оценке в целях выявления признаков злоупотребления свободой массовой информации и иных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена российским законодательством» [9, с. 53].

Одним из направлений судебной экспертизы является юридическая (судебная) лингвистика, занимающаяся анализом устной и письменной речи в контексте судопроизводства и криминалистики. Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ среди прочего указанная норма закрепляет в качестве доказательств «протоколы следственных и судебных действий», судебные стенограммы.

«Стенограмма – это текст, полученный с помощью стенографии – способа быстрой записи устной речи посредством особой системы знаков, со-

¹⁰ Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://vsrf.ru/files/14084/> (дата обращения: 26.03.2024).

¹¹ Суд в Москве уволил сотрудников из-за спрятанных в документах ругательств. URL: <https://www.rbc.ru/society/02/04/2021/60670e159a794763bc4587bd?ysclid=ly5olstz304051128> (дата обращения: 26.03.2024).

¹² Приговор Индустриального районного суда города Перми от 2 февраля 2017 г. № 1-14/2017 1-526/2016 по делу № 1-14/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Приговор Курчатовского районного суда города Челябинска от 22 июля 2020 г. по делу № 1-70/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 18 августа 2020 г. по делу № 2-13/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

кращений слов и их сочетаний. ...Однако ни стенограмма, ни расшифровка не предусматривают дословного переноса звучащей речи в письменную форму. То же самое касается и протокола осмотра и прослушивания фонограммы» [10, с. 8].

Иными словами, все незаконные, нежелательные или табуированные слова или выражения, противоречащие действующему законодательству Российской Федерации, а также способные оскорбить чувства и достоинство участников судебного процесса, непременно подвергаются эвфемизации.

Примеры использования эвфемизмов можно встретить и в текстах нормативных правовых актов Российской Федерации. Самое большое количество эвфемизмов мы находим в текстах документов, прямо или косвенно связанных с табуированными некогда темами: жизнью и смертью, здоровьем и болезнями, сексуальностью и половой неприкосновенностью. Это связано со стремлением законодателя нейтрализовать истинный смысл прямых наименований, нежелательных по различным причинам вследствие отрицательного отношения к обозначаемым явлениям со стороны общества.

Так, в Федеральном законе «О погребении и похоронном деле»¹⁵ содержатся следующие эвфемистические выражения: «предание тела огню» (в значении «кремация с последующим захоронением урны с прахом»), «предание тела земле» (в значении «захоронение в могилу, склеп»), «предание тела воде» (в значении захоронения в воду в порядке, определенном нормативными правовыми актами Российской Федерации), «место погребения» или «земельный участок для размещения места погребения» вместо слова «могила», «стена скорби» вместо «колумбарий», т. е. место для хранения урн с прахом, и ряд других эвфемизмов.

Другой пример мы можем найти в тексте Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья», в котором ст. 2 гласит: «В абзаце третьем статьи 1 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ слова «имеющие недостатки в психическом и (или) физическом развитии» заменить словами «с ограниченными возможностями здоровья, то есть имеющие недостатки в физическом и (или) психическом развитии»¹⁶.

Статья 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» запрещает проведение эвтаназии в Российской Федерации. Сам термин «эвтаназия» используется законодателем как эвфемизм слова «умерщвление» или словосочетание «ускорение по просьбе па-

¹⁵ Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (последняя ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 146.

¹⁶ Федеральный закон от 30 июня 2007 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 27. Ст. 3215.

циента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами»¹⁷.

В российском законодательстве можно найти примеры использования эвфемизмов и в самих названиях нормативных правовых актов, а также в названиях статей, регулирующих конкретные правовые нормы. Например, Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» содержит понятие «легализация», и здесь же законодатель в скобках дает пояснение эвфемизму – «отмывание». В ст. 3 указанного Федерального закона значится: «Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, – приданье правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления»¹⁸.

Эвфемизмы активно используются различными представителями власти: судьями, прокурорами, следователями, дознавателями, адвокатами и другими государственными служащими и работниками юридической сферы. К наиболее часто встречающимся эвфемизмам данного типа можно отнести: «форс-мажор» вместо «чрезвычайное происшествие»; «место лишения свободы» вместо «тюрьма»; «привлекаться к ответственности» вместо «быть судимым»; «правонарушение» вместо «преступление»; «не совместимые с жизнью обстоятельства» вместо «смертельные»; «вводить в заблуждение», «скрывать правду», «не соответствовать действительности» вместо «обманывать, лгать»; «адекватный ответ» вместо «агрессия»; «акт» вместо прямого обозначения порицаемого или запретного к произнесению действия; «адюльтер» вместо «супружеская неверность»; «освободить от должности» вместо «уволить», «утратить доверия» вместо «сомнение в честности, добродорядочности, добросовестности и т. п.», «не в полной мере» вместо выражения незаконченности чего-либо; «акция» вместо прямого наименования порицаемых действий власти; «административная рента» вместо «взятка» и многие другие.

Стоит признать, что эвфемизацию речи можно отнести к мощной языковой тенденции. В настоящее время эвфемизмы представляют собой довольно объемный пласт современной русской лексики, которая активно используется в различных сферах, в том числе и в юридической.

Современному юристу необходимо уметь анализировать юридические тексты и выделять в новой информации ключевые аспекты; ясно, точно и корректно выражать свои мысли; обладать способностью убеждать, эффективно общаться с людьми в любых деловых ситуациях, уметь находить

¹⁷ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

¹⁸ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (последняя ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

Клинова С. А. Эвфемизмы в современном российском праве: причины появления, функции

компромиссы в конфликтных спорах [11]. Поэтому способность грамотно и уместно использовать эвфемизмы в своей речи может помочь юристу в профессиональной деятельности при решении широкого спектра коммуникативных задач.

Список источников

1. Ruccella L. *L'économiquement correct: analyse du discours euphémique sur la crise dans la presse française et italienne : thèse en cotutelle internationale en vue de l'obtention du grade de Docteur en Sciences du Langage*. Torino, 2014. 372 p.
2. «Риторика» Аристотеля / пер. с греч. Н. Н. Платонова. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1894. XII, 204 с.
3. Дьяконов А. П. Византийские димы и факции в V–VII вв. // Византийский сборник / ред. М. В. Левченко. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1945. С. 144–227.
4. Пауль Г. Принципы истории языка. М. : Иностр. лит., 1960. 499 с.
5. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 2006. 109 с.
6. Зверева М. И. История изучения эвфемизмов в отечественной и зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78). С. 85–90.
7. У Юйцунцзы. Формирование политических эвфемизмов: этапы, способы, динамика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 5. С. 1411–1415.
8. Прядильникова Н. В. Эвфемизация речи в социокультурном аспекте // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета имени академика С. П. Королева (национального исследовательского университета). 2006. № 3. С. 143–149.
9. Галышина Е. И. Ошибки назначения и производства судебной лингвистической экспертизы // Судебная экспертиза: типичные ошибки : коллектив. моногр. / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2012. С. 52–72.
10. Власов О. О., Кузнецов В. О., Свирава Т. Н. и др. Установление дословного содержания разговоров на фонограммах как задача криминалистической экспертизы звукозаписей // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17, № 1. С. 6–15.
11. Карташкин В. А. Развитие международных отношений и универсализация прав человека // Государство и право. 2021. № 9. С. 125–137.

References

1. Ruccella, L. *L'économiquement correct: analyse du discours euphémique sur la crise dans la presse française et italienne*. Thèse en cotutelle internationale en vue de l'obtention du grade de Docteur en Sciences du Langage. Torino, 2014. 372 p.
2. "Rhetoric" of Aristotle. Transl. from Greek by N. N. Platonov. St. Petersburg: Printing House of V. S. Balashev; 1894. XII, 204 p. (In Russ.)
3. Dyakonov, A. P. Byzantine dimas and factions in the V–VII centuries. In: M. V. Levchenko, ed. *Byzantine collection*. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1945. Pp. 144–127. (In Russ.)
4. Paul, H. *Principles of the history of language*. Moscow: Inostrannaya literatura; 1960. 499 p. (In Russ.)
5. Senichkina, E. P. *Euphemisms of the Russian language: special course*. Textbook. Moscow: Vysshaya shkola; 2006. 109 p. (In Russ.)

S. A. Klinova. Euphemism in modern Russian law: reasons of appearance, function and meaning

6. Zvereva, M. I. History of the study of euphemisms in domestic and foreign linguistics. Philology. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice.* 2017;(12):85-90. (In Russ.)
7. Wu Yucongzi. Formation of political euphemisms: stages, methods, dynamics. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice.* 2023;(5):1411-1415. (In Russ.)
8. Pryadilnikova, N. V. Speech euphemisation in a sociocultural aspect. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta imeni akademika S. P. Koroleva (natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta) = Vestnik of the Samara State Aerospace University.* 2006;(3):143-149. (In Russ.)
9. Galyashina, E. I. Errors in the appointment and production of forensic linguistic expertise. In: E. R. Rossinskaya, ed. *Forensic examination: typical errors.* Collective monograph. Moscow: Prospekt; 2012. Pp. 52-72. (In Russ.)
10. Vlasov, O. O., Kuznetsov, V. O., Svirava, T. N., et al. Word-for-word transcription of conversations as a task of forensic audio analysis. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science.* 2022;17(1):6-15. (In Russ.)
11. Kartashkin, V. A. Development of international relations and universalization of human rights. *Gosudarstvo i pravo = State and Law.* 2021;(9):125-137. (In Russ.)

Информация об авторе

C. A. Клинова – студент 2 курса.

Information about the author

S. A. Klinova – 2nd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 15.05.2024.

Научная статья

УДК 34.096

EDN: XOVTHJ

Особенности и инновации лингвистической экспертизы в сфере плагиата

Степан Сергеевич Тычkin

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ stepan.tychkin@yandex.ru

Научный руководитель: И. Г. Брадецкая, к.пед.н., доцент,

доцент кафедры русского языка и культуры речи

Российского государственного университета правосудия

Аннотация. В научной статье проведен детальный анализ лингвистической судебной экспертизы, которая осуществляется в области борьбы с плагиатом оригинальных научных, литературных и иных творческих работ. В ходе анализа были выявлены особенности лингвистической экспертизы, уникальные методы и подходы, которые применяются судебными экспертами. В статье освещены внедряемые в лингвистическую экспертизу инновации, которые обусловлены стремительным развитием современных технологий и изменениями в общественных отношениях в целом. Все приведенные в статье материалы и выводы подтверждаются конкретными примерами из реальной судебной практики, что придает исследованию дополнительную убедительность и значимость.

Ключевые слова: лингвистическая судебная экспертиза, судебная экспертиза, инновации, лингвистика, право

Для цитирования: Тычkin С. С. Особенности и инновации лингвистической экспертизы в сфере плагиата // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 138–145.

Original article

Innovative Features of Linguistic Expertise in the Field of Plagiarism

Stepan S. Tychkin

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ stepan.tychkin@yandex.ru

Scientific supervisor: I. G. Bradetskaya, Candidate of Science (Pedagogical),
Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language and Speech
Culture Department of the Russian State University of Justice

Abstract. In the scientific article, a detailed analysis of linguistic forensic examination, which is carried out in the field of combating plagiarism of original scientific, literary and other creative works, has been carried out. The analysis revealed the peculiarities of linguistic forensic examination, unique methods and approaches that are used by forensic experts. The article highlights the innovations introduced in linguistic expertise, which are caused by the rapid development of modern technologies and changes in social relations in general. All the materials and conclusions presented in the article are supported by specific examples from real court practice, which gives the research additional credibility and significance.

Keywords: linguistic forensic examination, forensic examination, innovations, linguistics, law

For citation: Tychkin, S. S. Innovative features of linguistic expertise in the field of plagiarism. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):138-145. (In Russ.)

Современный мир изобилует научными и художественными трудами в различных сферах общества. Наличие обширного количества работ – результатов интеллектуальной деятельности обуславливает возникновение такого явления, как плагиат. Объектом плагиата может быть любое произведение науки, литературы или искусства. Люди, имея свободный доступ к огромному объему информации и материалов, могут использовать их не для получения новых знаний и навыков, а в целях извлечения какой-либо выгоды (например, использования в своем докладе мыслей, высказываний и выводов какого-либо автора, выдаваемых за свои). В связи с этой проблемой возникла необходимость регулировать отношения в сфере плагиата, что обусловило в юридической практике появление уникального направления в судебной экспертизе – лингвистической судебной экспертизы.

Согласно письму Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации от 18 сентября 2014 г. № 00043/14/56151-ВВ «О Методических рекомендациях» судебная лингвистическая экспертиза – это «процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и (или) письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний в языкознании и судебном речеведении»¹.

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Как правило, объектом лингвистической судебной экспертизы становятся неоднозначно интерпретируемые субъектами правовой коммуникации речевые действия и тексты – произведения, спорные документы.

Лингвистическая судебная экспертиза позволяет определить, насколько оригинальным является текст, нарушены ли авторские права, а также установить факты плагиата, т. е. является ли произведение полным или частичным копированием другого. Следует обратить внимание на то, что лингвистическая экспертиза основана на непредвзятости мнения специалиста, на исключении возможности субъективизма при анализе текста.

Второй не менее важной особенностью является тот факт, что лингвистическая судебная экспертиза отражает взаимосвязь языка и права, поэтому можно утверждать, что она опирается на такую научную дисциплину, как юрислингвистика, разработанную российским лингвистом Н. Д. Головым.

Лингвистическая судебная экспертиза имеет уникальные методы, благодаря которым устанавливается судебная истина. К ним можно отнести:

- метод лексикографического анализа. Изучение лексикографических данных является неотъемлемой частью экспертного анализа текста, так как словари помогают сформировать первоначальное представление о языковых средствах, используемых для описания какого-либо предмета, явления, процесса в тексте;
- метод семантико-синтаксического анализа, позволяющий определить, установить значения слов, словосочетаний, предложений в контексте всего высказывания;
- метод анализа структурной организации текста, заключающийся в определении и описании структурных единиц продукта речевой и письменной деятельности, их границ, способов оформления, а также определении целостности и связности текста;
- метод функционально-стилистического анализа, позволяющий определить функционально-стилистическую принадлежность текста, его стилистические особенности;
- метод грамматического анализа предложений, устанавливающий грамматическое значение предложения на уровне морфологии и синтаксиса для определения семантико-синтаксической структуры текста [1, с. 9–11].

Разумеется, данный список не является исчерпывающим. Лингвистическая судебная экспертиза использует огромное количество методов, однако выше представлены основные способы анализа текста в судебной практике, которые наиболее часто применяются судебными экспертами.

Процесс лингвистической экспертизы в сфере плагиата проходит несколько этапов, как правило, в следующей последовательности.

Эксперты исследуют текст, предоставленный для проверки на плагиат, проводят тщательный осмотр, обращают особое внимание на использование цитат, сносок и ссылок.

Специалисты рассматривают тексты, похожие на исходный, проводят анализ, сравнивают их по содержанию, по способу изложения, по приводимым аргументам и выводам.

Эксперты выносят официальное заключение о наличии или отсутствии фактов плагиата в исследованном тексте.

В случае обнаружения плагиата специалист предоставляет суду сведения и доказательства, которые необходимы для правильного и точного рассмотрения дела.

Хотелось бы обратить внимание на судебное дело, описываемое в научной статье «Дело о плагиате: опыт лингвистической экспертизы» Т. И. Стековой [2].

Суть дела заключается в том, что в районный суд города Новосибирска поступило исковое заявление от гражданина А. Г. Чусовитина, который обвинял Ю. И. Дубровина в плагиате: в одном из научных журналов была опубликована статья ответчика, содержание которой было идентичным работе истца. Ю. И. Дубровин заимствовал текст А. Г. Чусовитина и опубликовал его под другим названием. Суд отправил научные статьи на лингвистическую экспертизу.

Эксперты определили, что текст ответчика был незначительно меньше, однако содержание статьи полностью копировало работу истца. Несмотря на очевидность факта плагиата, суд решил отправить тексты на дополнительную проверку. Лингвистическая экспертиза установила, что языковая личность (модус) Ю. И. Дубровина менее выражена, чем в статье А. Г. Чусовитина. Кроме того, было выявлено, что ответчик ссылается на неконкретных авторов: «Ряд ученых утверждают, что...». У истца же наблюдается конкретика в отношении ссылок на авторство высказываний.

Если говорить о лингвистических терминах, то проводился также анализ односоставных предложений, выявлялись категоричность в высказываниях авторов, использование канцеляризмов и клише, вопросительных конструкций, а также проверялся стиль изложения.

Был сделан вывод о том, что языковая личность А. Г. Чусовитина ярко проявляется в его работах, в то время как модус Ю. И. Дубровина более нейтрален, можно даже сказать, «стерт». Поэтому было определено, что автором статей ответчика и истца является один и тот же человек (т. е. истец).

Лингвистическая экспертиза – это трудоемкий процесс. Просто прочитать работу и точно определить, что текст является плагиатом, практически невозможно. Приведенное выше дело является прямым доказательством данного утверждения. Поэтому недопустимо говорить о том, что роль лингвистической экспертизы в судопроизводстве по делам о плагиате незначительна.

Лингвистическая судебная экспертиза имеет ряд особенностей.

Первой отличительной чертой является формирование методологии лингвистической экспертизы. На данный момент не существует наиболее эффективного и универсального набора методов для осуществления судебного анализа письменных источников: рассматриваемая сфера еще слишком нова для формирования собственной методологии. Специфический объект исследования обуславливает необходимость применения разных методик для исследования материала с целью получения наиболее точного результата. Н. Д. Голев подчеркивал: «...современная практика судебно-лингвистической экспертизы отличается стихийностью, преобладанием субъективизма, что определяет необходимость разработки единных мето-

дов и подходов исследования текста, выработки принципов и конкретной методики, которая объединяла бы как лингвистическую, так и правовую оценку спорных речевых ситуаций» [3, с. 16].

Вторая особенность связана с определением типа экспертизы. Правоохранительные органы не всегда точно определяют, какая именно экспертиза необходима, так как данная область еще плохо изучена. Исходя из этого сначала могут быть привлечены некомпетентные специалисты в данном деле, поэтому необходимо потратить некоторое время, чтобы найти профессионально подготовленных экспертов, что сильно затягивает процесс судебной экспертизы. Еще одним фактором, который отсрочивает результаты рассмотрения материалов дела, является определение реального типа экспертизы. Нередко бывает, что вид исследования, установленный правоохранительными органами, неразрывно связан с действительным, сходен с ним, однако все равно необходимо привлечение совершенно других экспертов.

Третья отличительная черта связана с комплексностью экспертизы. В ряде случаев необходимо анализировать материал, для которого недостаточно иметь знания только в сфере лингвистики. В таких ситуациях важно привлекать тех специалистов, которые обладают необходимым опытом и компетентностью в сфере, представленной в анализируемом произведении, без чего исследование материала невозможно. Такая экспертиза носит комплексный характер.

Обратим внимание на особенность лингвистической судебной экспертизы, указанную в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: «К производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В таком случае назначается производство комплексной экспертизы»².

Примером может послужить дело, рассмотренное в Арбитражном суде Тамбовской области 20 июня 2023 г., где стоял вопрос о plagiatе фрагмента статьи и использовании его в другой научной работе без указания автора. Специфика материала заключалась в том, что научные труды были написаны на тему рекламы, поэтому было необходимо привлечь к судебной экспертизе не только лингвиста, которым стал кандидат филологических наук А. А. Карагодин, но и получившую образование по специальности «Реклама и связи с общественностью» М. Г. Куликову³.

Этот пример показывает, что к судебной экспертизе по отдельным делам могут привлекаться специалисты из совершенно разных областей знаний для более эффективного анализа материалов дела.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.supcourt.ru>.

³ Решение Арбитражного суда Тамбовской области от 20 июня 2023 г. № 7/2023-244945(1) по делу № А64-4136/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Лингвистическая судебная экспертиза – перспективное направление судебной практики, которое, в частности, обусловило прорыв в обнаружении плагиата и в защите авторских прав. Исходя из этого данная область непрерывно модернизируется, в нее постоянно внедряются новшества и инновации. В этой сфере отметим следующее.

1. Возникают новые экспертные задачи, связанные с появлением новых объектов, которые необходимо изучить с точки зрения лингвистики. В современном мире огромное количество аудио- и видеозаписей, которые могут анализироваться и использоваться в качестве доказательств при рассмотрении ряда судебных дел. Чаще всего данные материалы исследуют в процессе установления плагиата в музыкальной индустрии, кинематографии, в материалах, размещенных на видеохостингах. В таких случаях эксперты-лингвисты изучают тексты музыкальной работы или видеопродукта. Также огромную роль играет невербальное поведение участников: мимика, интонация, жестикуляция, особенности речи.

Примером может служить Определение Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга от 29 декабря 2021 г. по делу, где гражданин С. М. Костюшкин обвинил гражданину Е. А. Гырдымову (признана Минюстом России иностранным агентом) в плагиате своей песни⁴. Он утверждал, что имел место плагиат мелодии и текста его авторского музыкального продукта. Для более успешного анализа материалов дела была назначена судебная экспертиза.

Этот пример показывает, что в современном мире лингвистические эксперты нередко сталкиваются с новыми формами доказательств, которые необходимо исследовать.

2. Использование интернета. Всемирная сеть – мощный источник языкового материала. Она содержит в себе множество текстов, различных по стилю, жанру, лексике. Главная ее особенность – это активное образование и использование неологизмов. Лингвист, анализируя исходный текст, имеет возможность быстро уточнить значение слова, в каком контексте оно используется, особенности его употребления.

3. Использование текстовых корпусов. В корпусах собраны все возможные виды текстов, которые существуют в данном языке. В этих корпусах есть разметка, которая содержит информацию о различных свойствах текстов, включая морфологическую, синтаксическую и семантическую информацию о словах, используемых в тексте. Наличие разметки позволяет проводить более глубокий поиск языковой информации, чем простой поиск в интернете, а именно: исследование сочетаемости слова с другими; исследование синтаксических конструкций, в которых функционирует некое слово; получение количественных данных об использовании той или иной единицы, поиск в текстах определенного жанра, стиля и др.

Примером использования двух последних инноваций в судебной лингвистической экспертизе может служить постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 марта 2013 г., согласно которому истец ООО «Росдэнс» обвинил ООО «Санкт-Петербургский Дом Книги» в

⁴ Определение Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга от 29 декабря 2021 г. № 2-4625/2021 по делу № М-3896/2021. Доступ из ГАС «Правосудие».

плагиате текста комментариев к видеосюжетам на мероприятии «Супердискотека 90-х»⁵. Анализируя дело, выясняем, что ответчик использовал данные комментарии в своей книге «90-е. Лучшее время», однако не указал их авторства. Для обнаружения плагиата были приглашены лингвистические судебные эксперты. Один из специалистов после вынесения решения судом признался, что использовал интернет и текстовые корпусы для лучшего понимания терминов, многие из которых являются сленговыми выражениями или неологизмами, выражающими дух десятилетия.

Таким образом, приведенные выше материалы позволяют прийти к выводу, что лингвистическая судебная экспертиза – это новое перспективное направление. Данный вид судебной экспертизы постоянно модернизируется, чтобы в будущем лингвистическая экспертиза стала не только востребованной, но и более точной, стабильной. Ответственность и честность при написании какой-либо работы являются фундаментальными принципами авторского права, и лингвистическая судебная экспертиза играет важную роль в обеспечении их соблюдения. Она также способствует поддержанию честной конкуренции в сфере науки, искусства и литературы, содействует сохранению доверия к авторам и их творчеству со стороны читателей, слушателей, публики и общества в целом.

Список источников

1. Ярощук И. А., Жукова Н. А., Долженко Н. И. Лингвистическая экспертиза : учеб. пособие. Белгород : БелГУ, 2020. 96 с.
2. Стексова Т. И. Дело о плагиате: опыт лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2005. № 6. С. 269–272.
3. Голев Н. Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 15–30.
4. Лабачева М. В., Черноусова О. Г. Лингвистический корпус как незаменимый инструмент в исследовании // Форум молодых ученых. 2016. № 4. С. 539–542.

References

1. Yaroshchuk, I. A., Zhukova, N. A., Dolzhenko, N. I. *Linguistic expertise*. Textbook. Belgorod: Publishing House of Belgorod State University; 2020. 96 p. (In Russ.)
2. Steksova, T. I. The case of plagiarism: the experience of linguistic expertise. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*. 2005;(6):269-272. (In Russ.)
3. Golev, N. D. On the objectivity and legitimacy of sources of linguistic expertise. In: N. D. Golev, ed. *Jurislinguistics-3: Problems of legal linguistic expertise*. Interuniversity collection of scientific papers. Barnaul: Publishing House of Altai University; 2002. Pp. 15–30. (In Russ.)
4. Labacheva, M. V., Chernousova, O. G. Corpus linguistic as an indispensable mean in research. *Forum molodykh uchenykh = Forum of Young Scientists*. 2016;(4):539-542. (In Russ.)

⁵ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 марта 2013 г. по делу № А56-42113/2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

С. С. Тычkin – студент 2 курса.

Information about the author

S. S. Tychkin – 2nd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 09.04.2024.

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 05.04.2024; accepted for publication 09.04.2024.